

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ
И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

*Материалы
V Международной заочной научной конференции
г. Астрахань, 27 апреля 2018 г.*

**MODERN PROBLEMS OF PHILOLOGY AND
METHODS OF FOREIGN LANGUAGE
TEACHING**

*Proceedings
of the 5th International Research Distance Conference
Astrakhan, 27 April 2018*

Астрахань – 2018

УДК 372 881. 11+80/81 (08)

ББК 80/84в7+74р9*81.2

С 56

Современные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы V-ой Международной заочной научной конференции (г. Астрахань, 27 апреля 2018 г.) = *Modern Problems of Philology and Methods of Foreign Language Teaching: Proceedings of the 5th International Research Distance Conference (Astrakhan, 27 April 2018)* / сост.: Т.А. Бударина, Н.П. Степкин, Т.В. Тюленева, – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. – 158 с.

ISBN 978-5-91910-705-7

В данный сборник вошли статьи ученых, преподавателей, аспирантов и студентов вузов РФ и зарубежья. Сборник научных статей охватывает широкий спектр общетеоретических и типологических проблем языкознания, актуальных проблем социолингвистики, современной когнитологии и семантики, литературоведения, прагмалингвистики, общетеоретических и частных проблем перевода, текста как объекта лингвистического анализа, психолого-педагогических и методических аспектов инновационного обучения иностранным языкам. Рекомендуется преподавателям, аспирантам, переводчикам, студентам и всем тем, кто интересуется вопросами языкознания, литературоведения, педагогики и методики преподавания иностранных языков.

© Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018

© Коллектив авторов, 2018

Оглавление

Актуальные проблемы прагмалингвистики

- Бредихина Ю. И.* Экспликация властных отношений в пограничном дискурсе социальной работы..... 5
- Kajgorodova I. N., Smirnov D. S.* Phenomena of communicative incompetence in television programs..... 9

Актуальные проблемы социолингвистики

- Бударина Т.А., Степкин Н.П.* Причины возникновения и источники компьютерного сленга в немецком и русском языках 13
- Кириллова Т.С., Касаткин Н.Н.* Субстандартная лексика в устной речи медицинских работников 18
- Миронова Е.Б.* Тематическая группа «вода» в астраханских говорах 22
- Напылова Л.И.* Гендерная специфика функционирования мелиоративов в современном немецком языке 25
- Шмелева О.Н.* Феминистская критика системы немецкого языка..... 30

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

- Викторин В.М.* Новые термины гуманитарного знания – “религиолект”, “конфессиолект” и их этнические варианты в россии и германии (ход дискуссий и переписка учёных) 38
- Гашими А.Т.* О некоторых особенностях функционирования категории отрицания в паремиологических единицах 49
- Миронова Е.Б.* Перспективы исследования астраханской лексики в лингвогеографическом аспекте..... 55
- Степкин Н.П., Бударина Т.А.* Проблема соотношения устной и письменной форм существования языка как предмет современных лингвистических исследований 58
- Pavlova G. S.* Linguistic status of the speech genre..... 64
- Гамидова Л.И.* Принципы передачи концептной семантики устойчивых словесных комплексов при переводе 67
- Кустова О. Ю.* Анализ и стратегия перевода кинотекста..... 72

Проблемы литературоведения

- Боровская А.А.* Инверсионный сюжет в «пацанских рассказах» З. Прилепина 77
- Исаев Г.Г.* Мотив смерти в лирике Рюрика Ивнева 1930-1980-х годов 81
- Lybimova V., Sarakaeva E.* Concept «übermuot» in «das nibelungenlied» 88

<i>Lybimova V., Sarakaeva E.</i> Modern adaptations of “das nibelungenlied”: “hagen von tronje”by wolfgang hohlbein.....	92
<i>Бударина Т.А., Власова Е.И.</i> Семантическая классификация англоязычных заимствований современного немецкого языка (на материале публикаций интернет-портала vogue)	97
<i>Jabarova A. Q.</i> Bedeutungsbeziehungen zwischen lexikalischen einheiten des wortbestands (anhand der deutschen farbbezeichnung “grün” und der aserbajdschanischen farbbezeichnung “ağ”)	100

**Психолого-педагогические и методические аспекты
инновационного обучения иностранным языкам**

<i>Веклич М.В.</i> Изучение философии на занятиях по русскому языку как иностранному	105
<i>Заичкина Н.В., Трунилина М.И.</i> Использование проектного метода в обучении студентов неязыковых специальностей иностранному языку в сфере профессиональных коммуникаций.....	109
<i>Кириллова Т.С., Климчук О.Г., Касаткин Н. Н.</i> Некоторые положения в методологии системного подхода	115
<i>Макарова В.П.</i> Содержательная характеристика составляющих управленческого цикла методического управления при обучении иноязычной речевой деятельности	119
<i>Сорокина Т.Г.</i> Аудирование в обучении второму иностранному языку	124
<i>Тюленева Т.В.</i> Выявление студентами языковых закономерностей на занятиях по немецкому языку	127
<i>Фадеева Л.В.</i> Диалогическая речь на уроках иностранного языка	135
<i>Гасанова Н.А.</i> Способы раскрытия семантически скрытых моментов в тексте	139
<i>Говердовская Ю.А., Маняшина Л.В.</i> Структура и лингвистические особенности политической речи как разновидности официально-делового стиля	145
<i>Пиданова Т.А., Маняшина Л.В.</i> Структура и лексика текстов жанра «сказка» (на материале сказок братьев гримм)	149
<i>Putayeva E. E.</i> Principal notions in text linguistics: coherence and cohesion of the text.....	153

Актуальные проблемы прагмалингвистики

ЭКСПЛИКАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОГРАНИЧНОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Бредихина Юлия Игоревна

ведущий специалист

Комитета труда и социальной защиты населения администрации

г. Ставрополя, Ставрополь, Россия

Дискурс социальной работы являясь пограничным типом, сочетающим в себе черты социально-ритуального вида институционального типа и бытийного вида личностно-ориентированного типа, в своей институциональной части, реализует критерии надзора и порядка соблюдения определенных отношений соподчинения, а также служит сферой реализации специфических властных отношений. Базовым понятием данного аспекта представляется «социальная власть», что вводит в рамки рассмотрения анализ социальных ролей, соответствующих иерархическому расслоению и идеологии, учет концептуально-валерной системы продуцента и реципиента, а также разделенной общей концептуально-валерной системы всего лингвокультурного сообщества [Бредихин, Бредихина 2017: 79].

Базой реализации властных отношений в системе государственного управления являются определенные дискурсивные функции: *обязательная* (наличие некоторых санкций в отношении клиентов, получающих государственную социальную услугу, не соблюдающих определенные нормы представления документации и порядок в реализации доступа к управлению дискурсом), *легитимизирующая* (наличие самого порядка представления документов, что имманентно закрепляет более широкие права сотрудников государственных социальных служб и ограничивает некоторые права клиентов-заявителей) и *исполнительно-прогностическая* (планирование текущих действий в соответствии с общей целью предоставления услуги адекватной как легитимному аспекту, так и потребностям заявителя).

Легитимность социальной власти сотрудников социальных служб обеспечивается наличие определенных полномочий, которые даны им государством, т.е. в рамках взятых на себя профессиональных обязанностей, сотрудники должны управлять как всей экстралингвистической деятельностью клиентов в процессе получения услуги, так и полностью реализовывать потенциальную степень доступа к управлению развитием дискурса в процессе этой деятельности. Таким образом, именно посредством возложения на себя обязательств, специалисты социальных служб обретают доступ к различным путям

экспликации социальной власти в рамках государственной системы социальной поддержки. Контроль в системе социальной работы направлен, прежде всего, на реализацию государственных интересов (т.е. всегда присутствует институциональный аспект третьего контркоммуниканта), «Во всех двуфокусных процессах – «социальный работник – клиент» – незримо участвует и третья конвенциализирующая личное общение сила – институт социальной службы (государство), в связи с этим в когнитивную модель обработки дискурса должна быть органично вписана модель его первичного и вторичного рецензирования» [Бредихина 2017: 89]. Можно утверждать, что *социальная власть* в рамках системы социального обеспечения определяется возможностью представителей группы власти (социальных работников) влиять на представителей группы клиентов (заявителей и получателей социальной услуги), а также потенциальная возможность в некоторой степени обуславливать и осуществлять легитимизированный контролировать их социального и дискурсивного опыта. Таким образом, сотрудники и клиенты выступают (на первом и втором уровнях коммуникативного действия: коммуникативная модель «партнерство» и «двусторонняя асимметричная» модель) как две противодействующие стороны, при этом отношения в их дискурсивном пространстве характеризуются конфликтом интересов.

В качестве основной задачи группы власти можно назвать изменение коммуникативного поведения группы клиентов, результатом чего должна стать адаптация в новой социальной роли и усвоение норм и правил взаимодействия. Следует отметить, что адаптации подвергаются не только действия экстралингвистические, но и характер и содержание речевого взаимодействия, именно здесь ключевым моментом выступает потенциальная возможность и степень управления направлением развития дискурса, регулирование дискурсивных практик. В этом аспекте группа власти (служащие социальных институтов) оказывает влияние на концептуально-валерную систему клиентов, формирует у группы соподчинения неспособность свободно и в привычном для бытийного вида личностно-ориентированного типа дискурса порядке осуществлять коммуникативные действия, что может вызвать у заявителей некоторый дискомфорт (смена реестра общения, уровней коммуникативного действия, тактик и стратегий коммуникации и т.п.).

Однако невозможно предельно упрощать коммуникативную базу дискурса социальной работы, воспринимая его структуру генерализованно, как состоящую только из двух групп, которые могут быть противопоставлены по степени доступа к реализации социальной власти, каждая из данных групп не только имеет свою градацию, но и непосредственно (социальный работник) или опосредованно (клиент) испытывает регулятивное влияние третьего дистантного

контркоммуниканта – государственного института социальной службы, нормирующего в том числе и коммуникативное поведение.

Достаточно жесткая иерархия в уровне реализации социальной власти у служащих эксплицируется в высказываниях руководителей или же самих специалистов, например:

There'll be six experts on the project, all of them picked on the basis of seniority [Social Security Administration]. Иерархия служащих системы социального обеспечения строится от главы комитета к рядовым главным и ведущим специалистам, и, несмотря на то, что каждое из звеньев этой цепи реализует некоторые потенции в управлении дискурсом, коммуникативные действия внутри иерархии также строго ранжированы. В качестве примера возьмем ситуацию перемещения архивных дел в другой кабинет: **Department head:** *Move along, Mrs. deputy. Chief specialist:* *I'm not done refering a case to archival repository. Department head:* *Not a question! As I already said, move along* [Social Security Administration]. Анализ коммуникативной ситуации показывает, что начальник отдела, обладающий более высоким социальным статусом в системе государственной службы, свободно иногда не придерживаясь элементарных этических и правовых норм профессиональной коммуникации «приказывает» другому должностному лицу (ведущему специалисту), который стоит ниже на социальной лестнице государственных структур. В наибольшей степени различаются статусно-ролевые характеристики клиента и главы комитета, при этом их непосредственное взаимодействие практически не осуществляется, но даже в этом случае наблюдается парадоксальная ситуация диссонанса коммуникативных действий (должностное лицо остается в рамках социально-ритуального вида институционального типа, а клиент выходит на бытийный вид личностно-ориентированного типа дискурса). При этом каждый из контркоммуникантов руководствуется своей модальностью «модальность это то, что даёт возможность содержанию текста прирасти ситуацией, главным в порождении смысла, иначе содержание не работает в мире» [Бредихин 2013], не оказывает влияния на экстралингвистическую ситуацию.

Как уже отмечалось многими исследователями, социальные группы обладают своей идеологией, которая является одним из компонентов воспроизводства властных отношений. Следуя в данном вопросе за Т.А. ван Дейком, можно описать идеологию класса служащих и класса клиентов [Dijk van 1995: 249-250]. Принадлежность к рассматриваемым социальным ролям устанавливается соответствующим образом, без предъявления специфических требований, для вхождения в класс клиентов достаточно гражданину любого социального статуса обратиться за предоставлением какой-либо социальной услуги в соответствующие государственные органы, для принадлежности к классу социальных

работников необходимо иметь соответствующее образование, опыт работы и быть сотрудником этих государственных структур. Будучи назначенным на конкретную должность, один из контркоммуникантов автоматически входит в класс служащих. Т.е. принадлежность той или иной социальной роли не является антропогенно-регулируемым, оно прописывается извне.

Интересным аспектом анализа является экспликация конфликтогенного начала в реализации социальной власти, не связанная с принадлежностью к той или иной социальной роли в конкретно порождаемом дискурсе социальной работы, но включающая учет статусных характеристик вне рамок институциональных отношений «социальный работник – клиент». Рассматриваемые ситуации возможны только в условиях актуализации компонентов общей разделяемой концептуально-валерной системы и едином психотипе актантов в коммуникативном акте. Например:

– *Я сама решаю, какие копии Ваших документов можно принять, а какие нет!*

– *Ну, ничего, мир тесен, придёте и Вы ко мне на прием...*

– *Конечно... а где Вы работаете?*

– *Да Ваши соседи, в «пенсионном», могли бы и по упрощенке сделать.*

– *Ну, ладно, рука руку моет...* [материал собственной картотеки].

Подчеркнем, что деятельность сотрудников социальных служб заключается в обеспечении как нужд населения, так и функционирования системы социальной работы как института, что осуществляется с помощью воспроизводства властных взаимоотношений в рамках поддержания порядка и нормированности экстралингвистических и коммуникативных действий. Ф. Зимбардо в своей работе в ходе эксперимента пришел к выводу, что действия некоторых респондентов, направленные на защиту прав и свобод клиентов в рамках неправомерных действий сотрудников социальных служб, воспринимались другими членами класса клиентов негативно и часто вызывали конфликты в среде испытуемых [Zimbardo 2007]. Основанием для агрессивного коммуникативного поведения в единой среде клиентов обуславливается тем фактом, что «наказание», как правило, накладывается не на конкретного заявителя, а на всех представителей социальной роли. Подобные факты могут разрушить привычную стереотипную модель двуфокусного членения, когда «продуцент или реципиент не может с уверенностью создать алгоритм единственно верной, непротиворечивой, однозначной семантической модели» [Бредихин 2013] и происходит смена ролей и дискурсивных кодов.

Градация экспликативных возможностей социальной власти базируется как на степени доступа непосредственно к инструментам социальной власти, так и на степени доступа к управлению направлением

развития дискурса. Однако в рамках системы социальной поддержки населения варьирование характеристик в статусных ролях контркоммуникантов представляется достаточно размытым ввиду постоянной смены уровней коммуникативных действий и смены кодов общения, однако, это не мешает формированию «двуполярного мира» наиболее ярко выраженного на первом (вводном) этапе коммуникации в процессе получения социальной услуги, что находит свое отражение в характеристиках дискурса социальной работы как пограничного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредихин, С.Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслопорождающие механизмы) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8484>, свободный.
2. Бредихин, С.Н., Бредихина, Ю.И. Способы экспликации степени доступа к управлению институциональным дискурсом посредством устойчивых выражений [Текст] / С.Н. Бредихин, Ю.И. Бредихина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-2 (72). – С. 78–81.
3. Бредихина, Ю.И. К проблеме делимитации дискурса социальной работы [Текст] / Ю.И. Бредихина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9-2 (75). – С. 88–90.
4. Dijk, T.A. van. Discourse Semantics and Ideology [Text] / T.A. van Dijk // Discourse & Society. – 1995. – Vol. 6. – №2. – P. 243–289.
5. Social Security Administration (US) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ssa.gov/ssnumber/#issnrc_4797847ic24, авторизованный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
6. Zimbardo, P.G. The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil [Text] / P.G. Zimbardo. – New York: Random House, 2007. – 576 p.

PHENOMENA OF COMMUNICATIVE INCOMPETENCE IN TELEVISION PROGRAMS

Kajgorodova Irina Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor, Professor
at the Department of Modern Russian Language
of Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

Smirnov Dmitrij Sergeevich

Master student of Faculty of Philology and Journalism
of Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

In this article, we will focus on some manifestations of communicative incompetence which represents lack of knowledge about the components of communicative competence or inability to apply this knowledge in the practice

of communication. Following Professor O.B. Sirotinina, we distinguish linguistic, speech, rhetorical, common cultural and discursive incompetence [Сиротинина: 2011], but only the first two ones will be analyzed. TV media, especially non-entertaining programs (mostly news programs of central and regional channels) were taken for analysis. The compliance requirements of communicative competence should be particularly high in these programs [Batasheva, Kajgorodova 2013: 503–506].

We'll begin with the examples which illustrate linguistic incompetence, and notice the incorrect usage of participle. For example: *Есть слова, произнося которые, сразу возникают положительные эмоции; Ринг подолгу не пустовал: закончив один бой, сразу же начинается следующий; Поднимая плату за коммунальные услуги, их качество не становится лучше.* In all these examples the gerund indicates an incremental effect that is not related to the subject. Our data show that this is one of the most common mistakes. Also the compatibility is violated in the last sentence.

The next type of mistakes is an incorrect choice of grammatical form. For example: *Они недовольны, что на ключевых постах остались однопартийцы сверженного* (it should be written: **свергнутого** лидера); *Аккредитированные на встречу двух лидеров журналисты смогут задать свои вопросы только завтра* (we cannot use the participle *аккредитированные*, because there is no such verb as *аккредитировать*. We can use only the verb *аккредитовать*, therefore – *аккредитованные*). *Президент обсудил эту проблему с губернатором Амурской области Олегом Кожемякой.* According to the rules, surnames ending with «–О» are not declined: с Олегом Кожемяко.

Also we note other lexical violations. They are based on different reasons. For example, it can be mixing up of paronyms: *Плохие погодные условия отразились на скорости: на Можайском шоссе колоннада* (the right variant is: **колонна** машин) *растянулась на несколько сотен метров.* Into the same group of violations we can also include inaccurate choice of the word (Russian or foreign word – different degrees of its novelty for the language) without taking into account its significance. For example: *В понедельник наконец-то закончились запоздалые* (the right variant: *затянувшиеся*) *каникулы, которые были продлены в связи с прогнозом синоптиков; Такого ажиотажа со стороны медиков организаторы спартакиады не ожидали. Ажиотаж,* in accordance with its lexical meaning, – *спекулятивная горячка, сильное возбуждение, борьба интересов вокруг какого-либо дела.* In this case it is a question of increased attention and interest.

Ignorance of the exact meaning of the word not only deforms the meaning, but also generates impossible compatibility, as in the following example: *Астраханцы смогут приобрести на воскресной ярмарке наши традиционные овощные раритеты.* The word «раритет» in accordance with its lexical meaning (*редкость, редкая, ценная вещь*) and with the

attribute «традиционный» cannot be used in this sentence (vegetable products are not rare for Astrakhan).

By the way, language incompetence is an impossible compatibility from the standpoint of norm and logic: *Какие проблемы подстерегают военкоматы в период осеннего призыва?* In this question the word combination «подстерегают опасности» has the meaning «ожидают проблемы, трудности»; *Если среди прибывших обнаружатся заболевшие, для них подготовлены изоляторы, где врачи готовы оказать комплекс медицинских мероприятий (оказать необходимую помощь – ‘провести комплекс мероприятий’)*. We note that there are a lot of such examples in our work.

Speech incompetence in the analyzed segment of television media is presented very widely. Of all the diversity of its manifestations, there are especially numerous cases of violations of the norms of prepositional and unpremeditated management. For example: *Противостояние с полицией продолжалось несколько часов*. It should be: *противостоять, противостояние (кому / чему?) полиции; Члены немецкой делегации от встречи с местными предпринимателями остались довольны*. The right variant: *довольны (кем / чем?) встречей; Проявлять заботу к ветеранам нужно не только накануне Дня Победы (заботиться, проявлять заботу (о ком / о чём?) о ветеранах); Поддержать и пожелать участникам конкурса успехов приехал вице-губернатор (поддержать кого? – пожелать кому?)*.

It should be noted that not all cases can unequivocally qualify the type of violations: there are cases of linguistic or speech incompetence. Professor O.B. Sirotinina writes about it in the cited work. Sometimes they co-exist in one sentence, as in the following example: *Вновь оживляются традиции по проведению весенних субботников* («традиции оживляются» and «проведению» cannot be used; the right variant is «возрождаются традиции проведения субботников»).

The result of violation of both linguistic and speech competence are such phrases in which the true meaning is distorted, there is inappropriate humor and even cynicism. For example, in a speech on the progress of rescue operations after an earthquake: *Количество погибших возрастает с продолжением спасательных работ*; about nursing of newborns with extreme weight: *И что раньше было безнадежным, сегодня стало реальностью; Молодёжные организации ведут работу по профилактике наркозависимости с политическими партиями и религиозными конфессиями*. Apparently, they still conduct this work together with political parties and religious confessions. In general, this disregard for the addressee does not just cause rejection, but also undermines confidence in the relevant television sources of information.

Further we will consider rhetorical incompetence where O.B. Sirotinina includes, among other things, «the inability to enrich the speech, using special

rhetorical figures (metaphors, comparisons, rhetorical questions, syntactic parallelism, parcellation ...) » [Sirotinina 2011: 9]. It goes without saying that rhetorical competence is not exhausted by what is said above: it is primarily «the rational alignment of reasoning, ... compliance with the accepted norms of communication regulation» [Sirotinina 2011: 9] and so on [Batasheva, Kajgorodova 2013: 504; Zaharova, Kormilicyna, Sirotinina 2010: 116]. In this article we will focus on the use of tropes and figures. Unfortunately, the use of the latter often turns into an end in itself, when the created images do not fit into the context.

Let's consider the examples: 1) a mix of metaphors of different semantics that does not create a single image: *Государство обязано стать теплицей для талантов, которые станут локомотивом общественного развития;* 2) an unsuccessfully chosen metaphorical image: *И вновь зацвёл лотос. Вся дельта покрылась розовым одеялом.* (The main semes of the word «одеяло» – *согреть, тепло.* They are irrelevant in this case.). A similar example: *Острова эти стали прекрасным ожерельем в британской короне.* The following metaphors seem unsuccessful to us: *Губернаторская сотня – это также и бизнесмены с периферийным зрением, генерирующие идеи; Сегодня губернатор собрал весь рыбный костяк области.*

Sometimes the journalist forgets about ethics, morality and other enduring values. So in the reportage where the journalist tells about the churches that were destroyed in the Soviet time and still not restored, the following comparison is used: *И вновь тишина, и вновь запустение. И вновь очередная церковь, как старый верный пёс у дороги, с надеждой смотрит на человека, ожидая его сострадания и участия.* Without commenting on all the other violations that occur here, we will focus on comparison in which «*церковь*» and «*старый верный пёс*» are juxtaposed realities. It cannot be called the author's success.

As it was noted in the research of linguists from Saratov, lack of communicative competence «brings great harm to the life of society and leads to the creation of non-working laws, increased aggressiveness both between individuals and between the population and power ...» [Zaharova, Kormilicyna, Sirotinina 2010: 116]. The responsibility for this lies mostly with the media and it increases the responsibility of journalists.

REFERENCES

1. Batasheva, L.A., Kajgorodova, I.N. Vidy kommunikativnoj nekompetentnosti v SMI (na materiale televizionnyh programm) [Tekst] / L.A. Batasheva, I.N. Kajgorodova // Russkij jazyk kak gosudarstvennyj jazyk Rossijskoj Federacii v uslovijah polijetniceskogo i polikul'turnogo regiona: mat. mezhregion. nauch. konf., g. Saransk, 22–24 maja 2013 / sost. Je.N. Akimova. – M.-Saransk: PRO100 Media, 2013. – S. 503–506.

2. Zaharova, E.P. Kommunikativnaja kompetencija: problemy tipologii ejo sostavljajushhih i ih roli v diskursah raznyh tipov [Tekst] / E.P. Zaharova, M.A. Kormilicyna, O.B. Sirotinina // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': Trudy i materialy IV mezhd. kongressa issledovatelej jazyka. – M., 2010. – S. 115–116.
3. Sirotinina O.B. Sledstvija kommunikativnoj nekompetentnosti v raznyh sferah obshhenija i zhizni strany [Tekst] / O.B. Sirotinina // Problemy rechevoj kommunikacii: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M.A. Kormilicynoj. – Saratov, 2011. – Vyp. 11. – S. 5–11.

Актуальные проблемы социолингвистики

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ КОМПЬЮТЕРНОГО СЛЕНГА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Бударина Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой немецкой филологии
Астраханского государственного университета,
г. Астрахань, Российская Федерация

Степкин Николай Павлович

доцент кафедры немецкой филологии
Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия

Говоря о компьютерном сленге, следует сразу отметить, что не существует определения данного понятия. В лингвистической литературе представлена лишь разрозненная информация о компьютерной лексике – словах с набором определенных характеристик.

Во-первых, эти слова служат для общения людей одной профессии - программистов, или людей, использующих компьютер для каких-либо целей. При этом они используются в качестве синонимов к английским профессиональным терминам, отличаясь от них эмоциональной окраской.

Во-вторых, компьютерный лексикон отличается «защищенностью», так как строится на реалиях мира компьютеров. Исследуемые лексемы относятся только к этому миру, отделяют его от всего остального и, зачастую, непонятны людям несведущим. Например, не каждому человеку станет понятно выражение «трехпальцевый салют», которое обозначает сброс компьютера нажатием клавиш Ctrl+Alt+Delete. Благодаря знанию такого специального языка компьютерщики чувствуют себя членами некой замкнутой общности.

В-третьих, в числе этой лексики нередки и достаточно вульгарные, хотя и не лишённые юмора, слова: групповуха под Винды (Windows for WorkGroup), анус (протокол Janus), блястер (Sound Blaster) и т.п.

Названные выше характеристики позволяют определить компьютерный сленг как слова, употребляемые только людьми, имеющими непосредственное отношение к компьютерам в повседневной жизни, заменяющие профессиональную лексику и отличающиеся разговорной, а иногда и грубо- фамильярной окраской.

Если рассматривать условно-профессиональные языки, то можно выделить следующий ряд причин их употребления членами коммуникативных групп: во-первых, люди хотят общаться друг с другом в присутствии чужих, оставаясь непонятыми, во-вторых, наличествует желание скрыть секреты своего ремесла и торговли, в-третьих, они испытывают необходимость в изоляции от враждебно настроенных сил (криминальные жаргоны), то есть стремятся к обособлению. Программисты и прочие люди, связанные с компьютерной техникой, не относятся к исключениям. Они создали свой язык, чтобы быть непонятыми людьми других профессий. Стремление к обособлению можно назвать социально-психологической причиной возникновения и употребления компьютерного сленга в немецком и русском языках.

Помимо этого существуют лингвистические причины возникновения и употребления компьютерного сленга.

Первой причиной столь быстрого появления новых слов в компьютерном сленге немецкого и русского языков является, конечно же, стремительное, "прыгающее" развитие самих компьютерных технологий. Если заглянуть в многочисленные журналы, освещающие новинки рынка компьютерных технологий, то можно увидеть, что практически каждую неделю появляются более или менее значимые разработки. И каждое новое явление в этой области должно получить свое словесное обозначение, свое название. А так как почти все они (за редким исключением) появляются в Америке, то, естественно, получают его на английском языке. Когда же об этих разработках через какое-то время узнают в России или Германии, то для подавляющего большинства лексем, конечно же, русским и немецким специалистам приходится использовать оригинальные термины. Происходит так называемое заполнение культурологических лакун при помощи англоязычных терминов. Таким образом, английские названия все больше и больше заполняют русский язык. Отсутствие в русском и немецком языках достаточно стандартизированной терминологии в этой области, значительного числа фирменных и рекламных терминов и повлекло за собой тенденцию к появлению такого числа лексики компьютерного сленга. В последнее время произошло также повальное увлечение молодежи компьютерными играми. Это опять-таки послужило мощным источником новых слов. Появились различные слова для тех или иных понятий, к ним относятся: «аркада», «бродилка», «босс», (в значении самый главный враг в игре), «думер» (человек, играющий в игру DOOM), и другие.

Иной причиной употребления компьютерного сленга является стремление к языковой экономии, заключающееся в сокращении длинных профессионализмов.

Многие из существующих профессиональных компьютерных терминов в немецком и русском языках достаточно громоздки и неудобны в ежедневном использовании. Возникает мощная тенденция к сокращению, упрощению слов. Например, один из самых часто употребляемых терминов «motherboard», который имеет такое соответствие в русском языке как "материнская плата", в сленге имеет соответствие «мать», "мамка" или "матрешка". Или другой пример: «CD-ROM Drive» переводится на русский как "накопитель на лазерных дисках", в русскоязычном компьютерном сленге имеет эквиваленты "сидюк", "сидюшник", а в немецком „Bierdeckel". Следующее предложение содержит слова, иллюстрирующие тенденцию к сокращению: "Компы бывают двух видов – бимы и маки" (Персональные компьютеры бывают двух видов – IBM-совместимые и Macintosh).

Необходимо также отметить тот факт, что большинство непрофессиональных пользователей в России не владеют достаточным уровнем английского языка. Но, так или иначе, им все равно приходится пользоваться новой английской терминологией, и зачастую происходит неправильное прочтение ими английского слова, а возникающие таким образом слова порой прочно оседают в их лексиконах. Так, например, от неправильного прочтения сообщения "NO CARRIER" в сленге появилось выражение: "НО КАРЬЕР", причем то и другое означает отсутствие соединения при связи по модему.

Еще одной из немаловажных причин употребления компьютерного сленга можно назвать стремление к речевой выразительности. Люди, работающие с вычислительной техникой, в нашей стране достаточно молоды, преимущественно до сорока лет. В связи с этим у них появляется желание разбавить сухие термины юмором, добавить собственную эмоциональную окраску, элемент непринужденности. Достаточно вспомнить флорповерт (дисковод) или "утопанный" (сжатый программой архиватором).

Таким образом, можно выделить одну социально- психологическую и три лингвистические причины возникновения и употребления компьютерного сленга в немецком и русском языках:

- стремление к обособлению;
- отсутствие в немецком и русском языках стандартизированной терминологии, и, в связи с этим, заполнение культурологических лакун при помощи англоязычных терминов;
- стремление к сокращению и упрощению слов;
- желание придать языку больше выразительности, эмоциональности, юмора.

В русском языке можно выделить дополнительную причину-недостаточный уровень владения английским языком.

Компьютерный сленг возник не на пустом месте, он появился и постоянно пополняется за счет своих специальных источников. Каковы же эти источники в немецком и русском языках?

Материалом исследования источников компьютерного сленга послужили 662 лексемы (501 в русском и 161 в немецком языках), извлеченные методом сплошной выборки из печатных и электронных словарей, в том числе словарей современного молодежного сленга [Коломиец Е.А. 2005, Никитина Г.Г. 2007, Ehmann H. 2005, Martini U. 2007, <http://www.sprachnudel.de>].

Анализ исследуемых словарей показал, что главным источником пополнения словарного состава компьютерного сленга в обоих языках является англоязычная терминология.

Терминология включает термины. Компьютерные термины - это слова или словосочетания, обозначающие понятия из области информационных технологий.

Так как компьютерные технологии являются результатом деятельности американских ученых, основная масса соответствующей терминологии имеет англо-американское происхождение. А поскольку основной темой общения инженеров-программистов и других носителей компьютерного сленга являются информационные технологии и все, что с ними связано, то вполне естественным становится тот факт, что основным источником компьютерного сленга является компьютерная терминология.

Например, *to click* (английский термин «щёлкнуть»); *klick* (в немецком сленге обозначает нажатие на кнопку мыши); клик (в сленге русского языка обозначает то же, что и в немецком).

Слово «Hacker» из английской компьютерной терминологии имеет соответствующий сленгоид в русском и немецком языках. Обозначает человека, взламывающего программы.

От английского термина «Demonstration» (демонстрация) в немецкий сленг пришло слово «Demo», обозначающее демонстрационную версию программного обеспечения.

Количественный анализ компьютерных сленгоидов немецкого и русского языков из словарей компьютерного сленга свидетельствует о том, что из англоязычной терминологии компьютерным сленгом немецкого языка заимствованы 123 лексических единицы из 161 слов и выражений, что составляет 76,3%; компьютерным сленгом русского языка – 196 лексических единиц из 501, что составляет 39,1%.

Менее значительным источником компьютерного сленга является родной язык.

Лексика литературного языка заимствуется компьютерным сленгом обоих языков в изменённом виде. Она возникает в результате различных словообразовательных, семантических и других процессов.

Например, очень часто в речи программистов для обозначения компьютера в немецком языке используются слова *Kiste*, *Eimer*, а в русском языке, соответственно, ящик, гроб, ведро, которые в языке программистов являются результатом метафорического переноса значения литературного слова.

Количественный анализ компьютерных сленгоидов немецкого и русского языков из словарей компьютерного сленга свидетельствует о том, что второе место среди источников компьютерного сленга в обоих языках занимает лексика родного языка. В компьютерном сленге немецкого языка это 25 лексических единиц из 161, что составляет 15,5%; русского языка - 128 лексических единиц из 501, что составляет 25,5%.

Самым незначительным источником компьютерного сленга русского языка являются другие жаргоны: молодежный (мафон-любое устройство чтения магнитных дисков и дискет), воровской (баян-старая, «бородатая» история) – всего два слова.

Количественный анализ компьютерных сленгоидов русского языка показал, что в компьютерном сленге русского языка зафиксировано 0,4% от общего количества лексем, заимствованных из других жаргонов.

В компьютерном сленге немецкого языка примеров из других жаргонов не зафиксировано.

Анализ количественных данных показал, что, во-первых, количество источников компьютерного сленга в обоих языках неодинаково - в немецком их два, в русском - три. Во-вторых, источники компьютерного сленга в обоих языках отличаются по объёму. Так, например, англоязычная терминология в компьютерном сленге немецкого языка составляет 92,4%, а в компьютерном сленге русского языка 67,3%. Лексика родного языка, как источник компьютерного сленга в немецком языке составляет 7,6%, а в русском языке 31,7%. В обоих языках среди источников компьютерного сленга лидирующее место занимает англоязычная терминология, на втором месте лексика родного языка. Главное отличие компьютерного сленга обоих языков заключается в том, что в немецком компьютерном сленге отсутствуют примеры из других жаргонов. В русском же языке такие примеры, хотя и в небольшом количестве, зафиксированы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коломиец Е.А. Русско-немецкий словарь современного немецкого жаргона: около 2000 слов и выражений [текст] – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. – 326 с.
2. Никитина Г.Г. Толковый словарь молодежного сленга [текст] – М.: Астрель, 2007, 736 с.

3. Ehmann H. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache.-München, 2005, – 179 S.
4. Martini U. Wörterbuch der Jugendsprache [текст] – Stuttgart: Verlag Ernst Klett Sprachen GmbH, 2007. – 143 S.
5. <http://www.sprachnudel.de>

СУБСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА В УСТНОЙ РЕЧИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Кириллова Татьяна Сергеевна,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой иностранных языков

Касаткин Николай Николаевич
кандидат педагогических наук, доцент
зав. кафедрой экстремальной медицины и безопасности
жизнедеятельности

Астраханского государственного медицинского университета, Астрахань,
Россия

Социолингвисты отмечают, что «для большинства современных индустриальных обществ не характерна «жесткая» дифференциация языка на более или менее замкнутые, самодостаточные подсистемы. Социально и культурно обусловленные разновидности единого национального языка постоянно влияют друг на друга, в связи с чем явления, присущие одной разновидности языка, могут «перетекать» в другую (или другие) [Баранов 1986: 143]. В настоящее время наблюдается активное использование в устной речи слов, словосочетаний и устойчивых выражений из сферы субстандарта, главным образом, из сферы просторечия и жаргона. Естественно, что русистика должна отреагировать на изменившуюся речевую ситуацию. В истории русского языка подобные явления наблюдались неоднократно. Последнее по времени относится к первой четверти двадцатого столетия: «В частности, в стандартный словарь проникают элементы следующих классовых и профессиональных диалектов:

- 1) фабрично-заводских рабочих;
- 2) матросского лексикона;
- 3) «блатного» жаргона людей темных профессий

В современной живой русской речи, а также в наиболее мобильно отражающей эту речь публицистике и беллетристике, нередко можно встретить следующее: «Чуваки подваливают, на балде - по штуке».

На стандарте эту фразу можно сформулировать следующим образом: «Заходят молодые люди (мужчины или юноши), на голове по тысяче рублей (головной убор ценой в тысячу рублей), туфли - тысячи по три, а

скупятся, лишнего не заплатят...» Так мастер-парикмахер рассказывает о профессиональных буднях. В его речи жаргонизмы употребляются совершенно естественно [Быков 1994: 85].

Активное вторжение такой лексики и фразеологии в современный речевой быт вызывает определенные трудности не только у изучающих русский язык как иностранный, но и у самих носителей русского языка. Решению проблемы способствует значительно активизировавшаяся в последнее время лексикографическая деятельность и появление ряда словарей субстандартной лексики и фразеологии. Следует, однако, иметь в виду, что уровни отдельных лексикографических публикаций могут обнаруживать существенные различия [Бельчиков 2005: 38].

Анализ словариков показывает, что процессы взаимодействия протекают как в активной, так и в пассивной форме. При пассивном заимствовании слово переходит из одной подсистемы этноязыка в другую.

При активном заимствовании наблюдается изменение семантической структуры на начальном этапе, по существу, слово или выражение заимствуется с измененным значением.

Медицинские работники, как и представители других профессий, широко используют жаргонные и сленговые выражения. Не посвященному человеку медицинский сленг может показаться чересчур жестоким и циничным. И действительно, многие из устоявшихся выражений могут покорибить услышавшего их человека

Но, по большей части, жаргонные выражения служат для упрощения сложных медицинских терминов и названий лекарств. В критической ситуации жизнь человека зависит от скорости принятия решений и скорости коммуникации медицинских работников. Тут уж не до выговаривания сложных медицинских терминов – главное, чтобы твой напарник тебя понял.

Так что, в следующий раз, услышав из уст медицинского работника жаргонные выражения, не спешите оскорбляться. Медик не ставил перед собой цели вас обидеть. Эти выражения - издержки профессии и зачастую защитная реакция от эмоциональных перегрузок.

Жаргон - речь какой-то социальной или иной объединённой общими интересами группы, содержащая много отличных от общего языка, искусственных, иногда условных слов и выражений, отражающих вкусы и потребности данной группы.

Сленг-это общий жаргон. Это внелитературный вариант национального языка, обслуживающий сферу бытового, неофициального, непринужденного общения. В отличие от жаргона, у сленга нет ограничений в отношении его носителей. Иными словами на сленге могут говорить люди разных профессий, разного социального положения, возраста, образования [Быков 1994: 90]. Например, в медицине:

«Консервы» – больные хирургического отделения, которые находятся на консервативном лечении, т.е. на медикаментозном и физиолечении.

«Аикнутый» – пациент после операции, проведенной с использованием аппарата искусственного кровообращения.

«Бабка-нарушка» — пожилая пациентка с острым нарушением мозгового кровообращения.

«БНВПНПГ» — блокада нижней ветви правой ножки пучка Гиса; аббревиатура, часто встречающаяся в описаниях электрокардиограмм.

«Буксир» — оксибутират натрия — психотропный препарат.

«Бэцэшник» — пациент, у которого обнаружен гепатит В и гепатит С.

«Валежник» — палата с лежащими больными.

«Вертолет» - гинекологическое кресло.

«Галочка с Фенечкой» — комбинация препаратов галоперидола и феназепама. Применяется, чтобы загрузить пациента.

«Гармошка» — аппарат искусственной вентиляции легких (ИВЛ) с ручным приводом. Привезли клиента на гармошке — скорая доставила пациента, подключенного к аппарату ИВЛ.

«Дернуть за пищевод» - провести чреспищеводную (лечебную или диагностическую) электрокардиостимуляцию.

«Детство» — детское отделение больницы.

«Дискотека» - включенные сирена и мигалки машины скорой помощи.

«ДЭПующий пациент» — больной, страдающий дисциркуляторной энцефалопатией — чаще всего пожилой человек с постоянными жалобами «на голову».

«Жаба» — стенокардия.

«ЖМББ» — живот мягкий, безболезненный. Чаще всего такая запись делается скорой или очень спешащим дежурным врачом в стационаре.

«Завести больного» - восстановить синусовый (нормальный) ритм после остановки сердца.

«Загрузить пациента» - ввести психотропные препараты.

«Потеряшка» - пациент с возрастными изменениями психики, забывший дорогу домой.

«Размочить бабушку» - добиться выделения мочи по катетеру после операции или острого состояния, сопровождавшегося прекращением мочеиспускания. Считается хорошим прогностическим признаком. В отделениях реанимации – очень ожидаемое событие.

«Рецидивист» — больной с рецидивом (повторением) болезни.

«Розовый пыхтельщик» - пациент с выраженной эмфиземой легких, обычно с розово-серым оттенком кожи. Речь и любое движение такого больного сопровождается усиливающейся одышкой.

«Самоделкин» — травматолог. Во время операций в травматологии используется большое количество инструментов, сходных со слесарными: молотки, кусачки, пилы, стамески и т.п.

«Синий одутловатик» — пациент с хроническим обструктивным бронхитом. Для таких больных характерен разлитой диффузный цианоз (посинение) и отеки лица и шеи.

«Скрипач» — то же, что Зебра.

«Стекла» – 1. Кусочек ткани, взятый во время эндоскопии или операции для гистологического исследования. 2. Мазок.

«Стрелять, стукать» — восстанавливать работу сердца при помощи электрического разряда дефибриллятора.

«Струганные пальцы» - типичные скальпированные раны тыльной поверхности пальцев рук, полученные из-за неосторожного обращения со столярным инструментом.

«Телевизор» — рентгеноскопия.

«Телепузик» — больной с желтухой и выраженным асцитом (скоплением жидкости в брюшной полости).

«Трёп» — трепетание предсердий.

«Труба» - пластиковая трубка для введения в трахею (интубации), используется для подключения аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ). Посадить на трубу – заинтубировать пациента.

«Утконос» - студент-медик, проходящий сестринскую практику. Обычно ему поручают обслуживание лежащих больных, в том числе подачу и вынос «уток».

«Уши» - фонендоскоп.

«Фачить» - выполнить факоемульсификацию (удаление катаракты ультразвуком).

«Хобот» - то же, что «Труба». Вставить хобот – то же, что «Посадить на трубу»

«Цветомузыка» - то же, что «Дискотека».

«Челюскинцы, челюсти» — пациенты отделения челюстно-лицевой хирургии.

«Черепаха» — хирургическая шлем-маска, закрывающая всю голову и оставляющая открытыми только глаза.

ЧПЭКСнуть – то же, что Дернуть за пищевод.

«Шарманка» — электрокардиограф (аппарат для записи ЭКГ).

«Шпагоглотатель» — пациент с металлическими инородными телами в желудочно-кишечном тракте (скрепки, иглы и т.п.), проглоченными якобы случайно.

«Яремка» - пластиковый венозный катетер во внутренней яремной вене.

При постоянном контакте и взаимодействии двух (или больше) языковых разновидностей в одном социуме может происходить не только

локализованная в акте коммуникации интерференция кодовых элементов, но и их заимствование. При заимствовании знак не только используется говорящим в качестве речевого вкрапления (часто индивидуального), как это происходит при интерференции, а вступает в парадигматические и синтагматические связи с элементами заимствующей его системы» [Бельчиков 2005: 46] В связи с этим, очевидно, было бы целесообразным, с функциональной и семантической точек зрения, различать в русском языке различные виды лексических пластов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Словарь омонимов русского языка: словарь / О.С. Ахманова. - Москва: Изд-во Русский язык, 1986. - 448 с.
2. Баранов, А.Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации / А.Н. Баранов, В.В. Паршин. - Москва: Изд-во ИНИОН, 1986. - С.143.
3. Бельчиков, Ю.А. Лексическая стилистика. Проблемы изучения и обучения: учебное пособие / Ю.А. Бельчиков. - Москва: Изд-ва: Едиториал УРСС, КомКнига, 2005. - С.38-46.
4. Быков, В. Жаргоноиды и жаргонизмы в речи русскоязычного населения («Новые» слова и значения в современном русском языке) / В. Быков. // Русистика. - 1994. - №1-2. - С. 85-95.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ВОДА» В АСТРАХАНСКИХ ГОВОРАХ

Миронова Екатерина Борисовна

зам. директора по учебной работе Негосударственного образовательного учреждения «Компьютерный центр “Зорго”», Астрахань, Россия

Речь астраханцев представляет феномен национальной компоненты русского языка, что обуславливает обращение к региональной лексике и научное её изучение как источника общекультурной информации об особенностях жизни Астраханского региона. «Разгадывая строй языка в составных его частях и началах, следя за его развитием исторически, филолог разгадывает вместе с тем духовную жизнь народа, законы и формы его мыслей, ...проникает в глубину внутренней истории народов, определяет влияние одних на другие» [Срезневский 1986: 62].

Для региональной картины мира особенно актуально понятие *вода*, что обусловлено природными особенностями региона и связанным с ним в прошлом основным промыслом населения – ловецким. Анализ функций устной формы современного русского языка позволил выделить различные виды языковых состояний, среди которых *региолект* определяется как особая форма устной речи, которая складывается в результате трансформации диалектов [Герд 2005: 22].

Астраханский региолект формировался под воздействием профессионального диалекта (ловецкая лексика) и территориальных диалектов (местных говоров). Объектом нашего рассмотрения стала терминологическая лексика рыбаков Нижней Волги и диалектно-просторечные слова, встречающиеся в живой речи астраханцев, извлечённых из лексикографических источников: «Ловецкое слово: Словарь рыбаков Волго-Каспия» Э.В. Копыловой и «Словаря русских народных говоров» (далее – СРНГ).

Словарный состав диалекта – сложное образование, единицы которого связаны между собой и зависят друг от друга. Лексические диалектизмы образуют систему – множество слов, находящихся в определённых отношениях друг с другом. Элементы диалектной лексической системы тесно взаимодействуют друг с другом, их могут связывать отношения:

– смысловой мотивированности внутри одного и того же слова: *заманиха* – 1. Не настоящий, обманчивый проход для судов, ложный фарватер, замкнутый с одного конца мелководьем. 2. Мало заметная длинная, неширокая подводная песчаная коса, идущая параллельно берегу реки и руслу и отделяющаяся от берега затоном. 3. Глубокое место между косой и берегом [СРНГ 10: 232]. Смысловая мотивированность устанавливается на основе признака – ‘незаметность, обманчивость’;

– эквивалентности: *заводинка* – *заводь* – ‘залив реки, образуемый крутым поворотом берега’ [Копылова 1984: 32];

– противоположности: *верховый (ветер)* – *низовый (ветер)*. Противоположность устанавливается на основе направления ветра: *верховый* ‘ветер с севера’ – *низовый* ‘ветер, дующий против течения, с моря’;

– включения элементов в класс: *ерик, воложка, узек* – класс рукавов, протоков на Волге.

Такие отношения единиц, лежащие в основе категории многозначности, синонимии, антонимии, конверсии, семантического поля, буквально пронизывают диалектную лексику, организуя её как региональную диалектную лексическую систему.

Тематическая группа «Вода» объединяет ряды слов, отличающихся дифференциальными признаками:

I. Сила прибывающей или убывающей воды:

1) только что начинающая прибывать весной: *белая, красная, подснежка*;

2) низкий уровень воды в реках: *малая, сухая, вода в трубе безводье*;

3) наибольшее повышение уровня воды: *большая, высокая, прибылая, сочная вода*.

II. Температура:

1) только что растаявшая ото льда, но без прибывшей воды: *ледовая, чёрная, ледянка*;

2) волжская вода с прибывшей сверху талой водой: *чувствительная*;

3) прибывающая сверху вода, всегда холодная: *верховая*.

III. Состояние при разливах рек или при слиянии речной воды с морской:

1) прибыль воды в реке от таяния снегов: *наводок, половодье*;

2) место слияния речной и морской воды: *рубец*;

3) средний уровень воды в реке, который устанавливается после спада: *межень* [Копылова 1984: 17].

Такое разнообразие лексики определяется важностью для рыбака знания о состоянии воды.

Самый распространённый способ образования слов исследуемой тематической группы – это морфологический способ словообразования. Его основными типами являются:

– сложение основ: *водополье, водополица* ‘половодье’, *водоверть, мелководье*;

– безаффиксный: *суводь* ‘участок реки, на котором наблюдается завихрение течения’ [Копылова 1984: 106] – от *суводити* ‘бурлить, крутить (о водовороте при встречном течении воды в реке) (СРНГ 42: 139), *заверть* ‘пучина, водоворот’ – от *завертеть*;

– аффиксный: *вздышка* ‘прекращение убыли воды после выгонного ветра и начало прибыли воды’, *заводь* ‘глубокое место в реке’, *подсвежка* ‘вода, только начинающая прибывать весной’ и др.

На Нижней Волги с помощью лексико-семантического способа словопроизводства была образована местная терминология: *рубец* – ‘полоса воды особого цвета, где сливается волжская речная вода и вода Каспия’, *раздор* – ‘разветвление реки или протока на рукава’.

Осознаваемая говорящими внутренняя форма диалектных слов делает их семантически ёмкими.

Слова тематической группы «Вода» нашли применение в номинации населённых пунктов Астраханской области: с. *Раздор* Володар. р-на – от *раздор* ‘место разделения реки на рукава’, с. *Затон* Камызяк. р-на – от *затон* – ‘залив в реке, место зимней стоянки судов’, с. *Три Протока* Приволж. р-на, *Проточное* Лиман. р-на – от *протока* ‘река, дельтовое ответвление’; с. *Приозёрный* Краснояр. р-н и т.п.

Результатом этнических контактов на территории Астраханского области явилось развитие процессов естественной ассимиляции. Языковое взаимодействие привело к обогащению астраханского региолекта, усвоению лексики и терминологии из неславянских языков. Ряд тюркизмов в Астрахани связан с водой: *култук* ‘1. Мелководные заливы; 2. Непроходимое, заросшее кустарником место в лесу’; *баткак* ‘ил, заболоченное место, заросшее чаканом’; *ильмень, ильмешок* – водоёмы,

озерки, образовавшиеся на месте русла пересохшей реки; низкое место, углубление, наполненное водой и др.

Таким образом, нами были выявлены лексико-семантические и структурно-словообразовательные особенности региональной лексики тематической группы «Вода», т.к. именно это объединение наиболее полно и выразительно отражает физико-географические и природные особенности Астраханского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия [Текст] / А.С. Герд. – 2-е изд., испр. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 457 с.
2. Копылова, Э.В. Ловецкое слово: Словарь рыбаков Волго-Каспия [Текст] / Э.В. Копылова. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. – 128 с.
3. Словарь русских народных говоров [Текст]. – СПб.: «Наука», 1965–2014. – Вып. 1–49.
4. Срезневский, И.И. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. С. Петербург. I – IV, 1847 [Текст] / И.И. Срезневский // И.И. Срезневский. Русское слово: Избр. труды; сост. Н.А. Кондрашов. – М.: Просвещение, 1986. – С. 57–102.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕЛИОРАТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Напылова Людмила Ивановна

старший преподаватель кафедры восточных языков Астраханского
государственного университета, Астрахань, Россия

Гендерная обусловленность, проявляющая в речи коммуникантов, является одним из важных аспектов социальной маркированности языка. Гендерный фактор, принимающий во внимание природный пол человека и его социальную репрезентацию, является одной из центральных характеристик личности, влияющей на стратегии и тактики ее поведения и определяющей ее как члена того или иного социально-языкового сообщества.

Оппозиция «мужское-женское» дает богатый материал для лингвистических исследований, в частности для изучения мелиоративного фонда языка в ракурсе гендерной проблематики. Половая дифференциация рассматривается в двух аспектах: структурном и прагматическом.

Первый аспект обычно связывается с преобладанием в структуре женской речи элементов эмоциональной оценки, а в речи мужчин – рациональной оценки.

Второй аспект предполагает, что основной причиной гендерных различий является реализация мужчинами и женщинами противоположных коммуникативных стратегий. Основной характеристикой мужской речевой

стратегии традиционно представляется доминантность, а женской – солидарность и поддержка.

Исследование показало, что положительные эмоциональные оценки достаточно частотны в речи обоих полов, хотя эмоции радости объективируются реже, чем негативные эмоциональные оценки, несмотря на тезис о том, человеческая деятельность изначально направлена на достижение переживаний удовольствия и на избежание переживаний страдания [Луганская, 2005:12].

Анализ примеров из современных немецких романов показал заметное преобладание мелиоративов в женской речи по сравнению с высказываниями мужчин. Безусловно, это связано с большей склонностью женщин к демонстрации своей эмоциональности и их стремлением поддерживать отношения близости и равенства. Женские положительные оценки очень экспрессивны, часто гиперболизированы, что проявляется в большом количестве собственно эмоциональных оценок и их усилении эмфатизаторами. Мужчины же достаточно сдержаны в выражении положительных оценок, нередко используют средства снижения их прагматического эффекта, то есть в речи мужчин превалируют рациональные языковые средства. Сравним женскую (1) и мужскую (2) положительные оценки:

1) «Findest du dich die letzten Meter ohne mich zurecht? Um die Ecke nach links, dann die zweite Tür rechts».

«Links um die Ecke, zweite Tür rechts, kein Problem».

«*Du bist ein Schatz!*» Mrs Jenkins war schon losgelaufen. [Gier, 2009:148]

2) «Das ist Doktor Jakob White», sagte Falk de Villiers mit einem unverkennbar amüsierten Unterton in der Stimme. «*Ein Genie* auf dem Gebiet der Medizin und der Biochemie. Normalerweise ist er ein wenig höflicher». [Gier, 2009:119]

Таким образом, сознательно или подсознательно мужчины стараются соответствовать гендерным ожиданиям, следуя гендерным стереотипам, действующим на данном этапе в немецкоязычном социуме. Они стремятся подавлять экспрессивные эмоции, казаться более уравновешенными, твердыми, то есть мужественными. Зачастую они не приемлют нежностей в свой адрес, испытывая повышенную потребность слышать от окружающих подтверждение своей мужественности, состоятельности и превосходства, например:

«Die beide sind losgesehelt», berichtete er. «Dieser Marius ist wirklich *ein Profi*, das konnte man beim Auftakeln des Schiffes sofort merken. Sorgen musst du dir also keine machen». [Link, 2005:90]

Однако это лишь первичное, чисто внешнее впечатление, которое может подтвердить положение о том, что подобное поведение мужчин и женщин является подготовленным социокультурным фоном современного немецкого общества. Наедине с любимой женщиной большинство мужчин снимают маску сдержанности и оказываются не менее эмоциональными, ранимыми и нежными, чем женщины. Под воздействием положительной

эмоциогенной ситуации рациональные оценки в мужской речи сменяются высоко эмоциональными. Например: *Er beugte sich über ihre Kniescheibe und küßte sie. «Wir werden sehen, mein Schnuckelchen!»* [Hauptmann, 2000:45]

Этот пример далеко не единственный; просто по сравнению с открытостью и эмоциональностью женщин, которые им позволяют женские гендерные стереотипы, в мужской речи подобные выражения чувств встречаются реже и в ограниченном количестве ситуаций. И у мужчин, и у женщин наблюдается преобладание лаудативов и респективов над аффекционатами.

Использование уменьшительно-ласкательной лексики, в том числе и образов различных зверей, в отношениях мужчины и женщины - это, с одной стороны, признак приязни, симпатии, тонких чувств, проявление истинной любви. Цели такого мелиоративного словоупотребления могут варьироваться в зависимости от ситуации речи: от желания добиться расположения до непосредственного выражения чувств. При подробном рассмотрении коммуникации двух влюбленных выявляется изобилие ласкательных диминутивов, прагматической функцией которых является, в основном, передача всепоглощающей нежности, любви и сопутствующих им эмоциональных переживаний.

«Das kann ich nicht glauben», sagte das Mädchen. Sie sah mich an, als hätte sie noch nie etwas Seltsameres gesehen als mich.

«Glaub es ruhig, *Prinzessin!*», sagte Paul. Es klang zärtlich und ein bisschen besorgt. Das Mädchen stand auf der Schwelle wie angewurzelt. [Gier, 2009:290]

В таком случае можно понимать под ласкательными диминутивами своего рода сублимацию - выражение и передачу сексуальной энергии лингвистическими средствами [Резниченко, 2000:38].

С другой стороны, это своеобразная регрессия в детство, показатель статуса личности [Саракул, 2003:22]. Возможно, люди играют таким образом в ролевые игры «родитель - ребенок», когда один представитель пары считает другого инфантильным ребенком. В истории полоролевых взаимоотношений женщина всегда ассоциировалась с чем-то нежным и мягким, мужчина же характеризовался как добытчик и воин. Соответственно, неудивительно, что ласкательные диминутивы более пристойны женщинам, чем мужчинам.

Определенный интерес представляют случаи употребления мелиоративов, особенно аффекционатов, в коммуникации с малознакомыми или незнакомыми людьми. Достаточно часто это происходит в сфере обслуживания, когда продавец пытается убедить покупателя (в большинстве случаев они обе женщины) приобрести что-либо и т.п. Примером может послужить общение девочки и портнихи в романе Керстин Гир «*Rubinrot – Liebe geht durch alle Zeiten*»:

«Jaja, gleich fertig», sagte Madame Rossini, wobei sie mit dem Band um mich herumwirbelte und sogar meine Fesseln ausmaß. «Immer haben sie es so eilig, diese Männer! Aber Mode und Schönheit sind nun mal kein hastiges Geschäft». Schließlich gab sie mir einen freundlichen Klaps und sagte: «Bis später, *Schwanenhälschen*». [Gier, 2009:147] Портниха ласково называет девочку

Schwanenhälschen (досл.: лебединая шейка), подчеркивая красоту и изящность ее тонкой шеи.

Далее звучит просьба девочки сфотографировать ее, на которую портниха также любезно отвечает:

Ich suchte in der Schuluniformjacke nach meinem Handy. «Können Sie wenigstens noch ein Foto von mir machen - ohne Hut?»

Madame Rossini lachte. «Bien sûr, *meine Süße!*» [Gier, 2009:178]

При равенстве прочих условий (социальный и профессиональный статус, возраст, коммуникативная роль) мужчины и женщины избирают различные стратегии речевого поведения, что дает основание говорить о гендерно- детерминированных особенностях мужской и женской речи, а именно о различиях в целях, содержании и стиле ведения беседы [Табурова, 1999:8].

С прагматической точки зрения женская речевая стратегия традиционно характеризуется солидарностью и поддержкой собеседника. Женщины стараются относиться к коммуниканту чутко и внимательно, поддерживают и оживляют беседу, поощряют выражение собственных мнений, соблюдая «корпоративный принцип» и избегая нарушений «принципа вежливости». Они в большей степени стремятся вызвать у адресата положительные эмоции, производя чаще позитивные оценки, употребляя экспрессивные средства для их выражения, а также используя различные способы смягчения отрицательной оценки.

Женщины в процессе коммуникации часто избегают проявлений категоричности и не стремятся претендовать на роль эксперта, доминировать; напротив, их усилия направлены на поддержание неконфликтного общения и сокращение дистанции между его участниками. Таким образом, в основе женского стиля общения лежит принцип сотрудничества, который подразумевает равноправие и взаимную поддержку участников коммуникации.

Особенностью мужской речевой стратегии традиционно признается доминантность. Мужчины склонны к демонстрации своей индивидуальности, оригинальности, остроумия, находчивости. Они подчеркивают свою профессиональную компетентность, присваивая себе статус эксперта и избегая самокритики. Они стремятся поддержать и укрепить свою власть. Мужчины самоуверенны и не склонны признавать собственные ошибки, сомневаться в правильности своей позиции. Их речь сдержана, прагматична и доказательна именно с точки зрения рациональных оценок и нацелена на внешний, прагматический эффект. В любой проблемной ситуации они пытаются найти выход из создавшегося положения, часто не понимая, что женщинам иногда нужно просто поделиться своими неприятностями и почувствовать понимание и поддержку.

Вербализуя оценки, мужчины хотят не столько показать собственные чувства, сколько воздействовать на чувства других [Табурова, 1999:22]. Мужские высказывания с рациональными оценками окрашиваются

эмоционально, когда они хотят убедить женщин в чем-либо, повлиять на их эмоциональное состояние. Например,

«Irgendjemand macht sich einen Spaß daraus, solchen Blödsinn zu verschicken», hatte er gemeint, «und du solltest das nicht ernst nehmen, *Schatz*. Hunde, die bellen, beißen nicht» [Link, 2005:83]. В данном примере муж успокаивает жену, которой приходят письма с угрозами, и просит не обращать на них внимания.

Функция же мелиоративных единиц, используемых женщинами, сосредоточена в первую очередь на отправителе, то есть они выражают скорее собственные эмоции, а эмоциогенное воздействие на окружающих играет в женской речи второстепенную роль [Табурова, 1999:22].

Такая точка зрения представляется весьма обобщенной, так как и мужчины, и женщины могут выбрать мелиоративные единицы для реализации как адресатно – ориентированных, так и адресантно – направленных стратегий и тактик.

Необходимо подчеркнуть, что мужчины могут вести себя более иерархично и практично, так как подобное поведение поощряется обществом именно у мужчин, а у женщин осуждается. Утверждение о доминантной мужской и солидарной женской стратегиях несколько упрощает ситуацию, поскольку они обладают свойством пересеканности, и их выбор напрямую зависит от социокультурного контекста и ролей, принимаемых мужчинами и женщинами. «Перформативный поворот» в изучении языка побуждает лингвистов к интерпретации концептов «мужественности» и «женственности» как постоянно конструируемых в социальной практике с помощью культурных символов, нормативных установок, социальных институтов. Гендер сейчас понимается как динамичный, ситуативно и контекстуально обусловленный культурный феномен, отраженный в языке и воспроизводящийся в коммуникативной интеракции [Гриценко, 2005:85].

Итак, гендерные различия в области использования мелиоративов нельзя рассматривать как абсолютные маркеры мужской и женской речи. На гендерный фактор накладываются психологические особенности личности, включающие возраст, характер, темперамент, уровень образования и различные социальные модификации, статусно-ролевые отношения коммуникантов. Это означает, что нельзя выделить чисто мужские или чисто женские мелиоративные языковые средства и коммуникативные стратегии. О гендерлектах (женском и мужском языках) можно говорить лишь как об идеальных моделях, которые аккумулируют гендерные схожести и различия. Но эти идеальные модели не обязательно реализуются в речевой практике конкретных мужчин и женщин, так как они вплетены в целую сеть факторов, анализ которых возможен в их единстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриценко Е.С. Мелиоративная лексика в английской разговорной речи. [электронный ресурс]: автореф. дис...канд. филол. наук. - Львов, 1986. - 16 с.

2. Луганская Е.В. Аксиологическая оценка в тендерном аспекте (на материале англоязычных открытых писем). [электронный ресурс]: автореф. дис...канд. филол. наук. - Иркутск, 2005. - 18 с.
3. Резниченко Л.Ю. Прагматика диминутивности в английском и немецком языках. [электронный ресурс]: дис...канд. филол. наук. - С-Пб., 2000. - 182 с.
4. Саракул А.Г. В душе я «лев», а по натуре «зайчик» [электронный ресурс]// С-Пб: Курьер. - № 50. - 2003. – 22 с.
5. Табурова С.К. Эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения [электронный ресурс]: автореф. дис...канд. филол. наук. - М., 1999. - 25 с.
6. Gier, Kerstin. Rubinrot. Liebe geht durch allen Zeiten [текст]: Verlag: Arena, 2009. – 345 s.
7. Hauptmann, Gaby. Ein Liebhaber zuviel ist noch zuwenig [текст]: Verlag: Piper, Hamburg, 2000. – 317 s.
8. Keller, Gottfried. Romeo und Julia auf dem Dorfe [текст]: Hamburger Lesehefte Verlag, 2014. – 72 s.

ФЕМИНИСТСКАЯ КРИТИКА СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Шмелева Ольга Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Академии государственной противопожарной службы МЧС России,
Москва, Россия

К специфике феминистской критики языка относят ее ярко выраженный полемический императив и идеологическую нагруженность. Исследования в этой области зародились в рамках *критической лингвистики*, которая имеет своей целью анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке. Как отмечает А.В. Кирилина, здесь «речь идет о патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. В рамках этого направления исследуется, какие образы женщин фиксируются в языке, в каких семантических полях представлены женщины и какие коннотации сопутствуют этому представлению» [Кирилина 1999: 41]. Здесь одной из главных задач является поиск «языковых несправедливостей» по отношению к женщине и устранение их из языка.

Феминистская критика языка затрагивает в первую очередь лексику, так как именно в ней особенно четко отражены негативные дефиниции в отношении женщин. Между тем, социальный мир, как выразился известный французский социолог П. Бурдьё, «есть место борьбы за слова, ибо слова в значительной мере делают вещи. Изменить

слова и, более обобщенно, представления – значит, изменить вещи, порядок вещей, социальный порядок» [Бурдые 2001: 111-112]. Именно поэтому борьба за номинацию, за наименование признается в современном мире одним из важнейших ресурсов, способных обеспечить социальное доминирование.

Осознавая этот факт, феминистски ориентированные лингвистики обращают внимание общества на имеющиеся асимметрии в собственно языковой системе и настаивают в первую очередь на изменениях в сфере языковой номинации. Следует отметить, что главным системным «врагом» феминизма считается то обстоятельство, что во всех языках, где есть категория рода, коррелирующая с семантикой пола, нейтрализация проходит по мужскому полу, подразумевая в качестве денотата мужчину, если имеются в виду лица обоего пола. Этот механизм «включенности» в грамматический мужской род, как отмечает Л. Пуш, способствует игнорированию женщин в картине мира [Pusch 1990: 29]. Исходя из этого, феминистская критика языка настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику вполне продуктивными факторами. Таким образом, на основе феминистской лингвистики реализуется уже не научная, а скорее социальная и культурная программа исправления языка, с точки зрения справедливости и равноправия мужчины и женщины. По существу речь идет об установлении полной симметрии в назывании мужчин и женщин и вообще в употреблении слов, семантически связанных с идеей пола.

Самых серьезных успехов феминистская лингвистика добилась в области изменения языка официально-делового общения. С 1976 г. действует директива 76/207 Совета Европы по реализации принципа равноправия женщин и мужчин относительно возможности получения работы, профессионального образования и продвижения по социальной лестнице.

Одним из пионеров в области законодательного реформирования языка стала Германия, где во многом благодаря активной деятельности представительниц феминистской лингвистики, в 1980 г. был принят закон, закрепивший вышеназванную директиву Совета ЕЭС в немецком трудовом законодательстве. Так, § 611b *Гражданского кодекса ФРГ* предусматривает равное к женщинам и мужчинам отношение при оформлении объявлений о найме на работу. В этом же 1980 г. группа немецких лингвисток, куда входили И. Гюнтеродт, М. Хеллингер, Л. Пуш, С. Трёмель-Плётц, опубликовала «*Директивы по избежанию половой дискриминации в языке*» [Günterodt 1993]. Начиная с этого времени, в законодательном вестнике и реестре официально зарегистрированных профессий указываются не только мужские варианты (до сих пор они использовались и как нейтральные по отношению к полу названия), но также и женские наименования профессий, специальностей и должностей.

Здесь необходимо отметить, что чиновники, составлявшие эти реестры, столкнулись с определенными трудностями, поскольку далеко не все названия профессий и должностей имели соответствующую форму женского рода. Объяснение этой диспропорции феминистские исследователи видят в исторически сложившихся особенностях разделения профессиональной деятельности, где мужчинам принадлежит неоспоримое первенство. Проблема не существовала лишь при обозначении типично «женских» профессий, находящихся на низших ступенях профессиональной лестницы, ср. *Putzfrau*, *Arzthelferin*, *Tippfräulein* и т.д. Теперь эта симметрия устанавливалась повсюду. Причем в официальный перечень были внесены соответствия женского рода даже для самых «мужских» профессий и должностей, ср. *Oberbefehlshaberin der Bundeswehr* – *Главнокомандующая вооруженными силами ФРГ*. Описывая этот процесс, Л. Пуш выделила три ступени, которые проходят данные приспособления языка к изменяющейся реальности:

- 1) женщины именуется существительными мужского рода, соответствующими той ли иной профессии, например (*der*) *General*, *Pilot*, *Kommissar* и т.д., обозначая таким образом первых женщин, имеющих эти профессии;
- 2) когда число таких женщин значительно увеличивается, то перед вышеназванными существительными все чаще употребляется прилагательное *weiblicher*, указывающее на принадлежность к женскому полу, ср. *weiblicher General*, *weiblicher Pilot*, *weiblicher Kommissar* и т.д.;
- 3) и, наконец, когда это явление приобретает массовый характер, то от соответствующих наименований мужского рода появляются производные женского рода, ср. *Generalin*, *Pilotin*, *Kommissarin* и т.д. [Pusch 1990: 39].

Наиболее продуктивными средствами изменения по роду (*die Movierung*) являются суффикс *-in* и компонент *-frau*: *Kauffrau* вместо *Kaufmann*, *Amtfrau* и *Amtmännin* вместо *Amtmann*, *Molkereifachfrau* вместо *Molkereifachmann* и т.д.

Важным достижением феминисток можно считать тот факт, что в немецком языке уже практически исчезло специальное обращение к незамужней женщине (*Fräulein*). Его либо вообще не употребляют, либо употребляют по отношению к значительно более узкому кругу адресатов, например, только к девочкам. Сильное феминистское давление в этом направлении основывалось на следующих доводах: во-первых, обращения к мужчинам и женщинам должны быть симметричны, во-вторых, различие при обращении к замужним и незамужним женщинам является вторжением в их личную сферу и, следовательно, дискриминацией в плане семейного положения. В официальном немецком языке с 1972 г. успешно

используется обращение *Frau*, обозначая как замужнюю, так и незамужнюю женщину.

Что же касается включенности женщин в общественный дискурс, то анализ литературы по данной проблеме позволяет выделить три основные поправки в стратегии обозначения пола, предлагаемые представительницами феминистской лингвистики с целью нивелирования сексизма в языковой сфере:

1. Замена генерического мужского рода двойными формами наименования, так называемый сплиттинг (*das Splitting – расщепление*).

Этот метод «расщепления», представляющий формы мужского и женского рода раздельно в соответствии с принципом симметрии в языке мужских и женских наименований, четко указывает на включенность референта-женщины. Можно выделить четыре варианта сплиттинга, причем первый из них характерен как для устной, так и для письменной речи, в то время как три других только для письменной:

- a) полная форма двойного наименования, напр. *Wählerinnen und Wähler; Studenten und Studentinnen; die Ministerin/der Minister; die Präsidentin bzw. der Präsident* и т.д.
- b) маркеры женского рода отделены от формы мужского рода или корня слова косой чертой, напр. *Lehrer/innen (Lehr/er/innen); ein/e langjährige/r Mitarbeiter/in (Mitarbeit/er/in); Wir suchen eine/n Fremdsprachenlehrer /in* и т.д.
- c) маркеры женского рода стоят в скобках, напр. *Ingenieur(in); Stellvertreter(in); Ausländer(innen)* и т.д.
- d) маркером женского рода является заглавная буква **I** в суффиксе *-in* внутри слова (*das Binnen-I*), при этом два слова как бы сливаются в одно: *der/die SchülerIn, SchülerInnen* и т.д.

Последний вид сплиттинга пользуется в письменной речи гораздо большей популярностью, чем формы через косую черту *der/die Professor/in* или формы в скобках *der/die Professor(in)*. Изобретателем этого способа считается Кристоф Буш, который в 1981 г. в своей книге о независимых радиокомпаниях для одновременного обозначения слушательниц мужского и женского пола настойчиво использовал форму *HörerInnen*. Два года спустя подобное написание появилось в статье об альтернативных местных радиостанциях Цюриха в «Цюрихской Ежедневной газете» («*Züricher Wochenzeitung*»), а с декабря 1983 г. стало официальным способом обозначения лиц обоего пола в этой газете, благодаря чему получило широкую известность сначала в Швейцарии, а затем и в других немецкоговорящих странах. В Германии этот вид сплиттинга первой переняла «Берлинская Ежедневная газета» («*Berliner Tageszeitung*») в 1986 г. [Ludwig 1989: 81].

Необходимо отметить, что недостатком сплиттинга является его тяжеловесность, поскольку формы двойного наименования значительно

затрудняют синтаксическое согласование и противоречат принципу языковой экономии и упрощения, т.е. требуют дополнительных усилий, в то время как мужской род в обобщающем значении упрощает коммуникацию. Сравните: *Der Landtag wählt seine Präsidentin bzw. seinen Präsidenten, ihre Stellvertreterin oder ihren Stellvertreter bzw. seine Stellvertreterin oder seinen Stellvertreter sowie die übrigen Mitglieder des Präsidiums*. Кроме того, некоторые лингвистки усматривают во втором и третьем вариантах сплиттинга своего рода дискриминацию, так как стоящие за косой чертой и в скобках маркеры женского рода указывают, по их мнению, на второсортность женщины. Главным аргументом против заглавного *I* называется то обстоятельство, что в устном варианте происходит полное совпадение слов содержащих заглавное *I* с формами женского рода, т.е. реализуется предложение Л. Пуш о «тотальной феминизации».

Тем не менее, этот метод поддержали представители институтов по выработке языковой нормы. В соответствии с требованиями о соблюдении равноправия полов и на уровне языковых структур принцип сплиттинга положен в основу официальных документов, перечней профессий, объявлений о найме и пр.

2. Замена мужского рода в обобщающем значении нейтральными наименованиями.

Здесь предлагается употреблять существительные, определяющие человека безотносительно к полу, напр. *das Staatsoberhaupt* вместо *der Bundespräsident*; *die Leitung* вместо *der Leiter*, *das Krankenpflegepersonal* вместо *die Krankenschwestern* и *die Krankenpfleger*, а также субстантивированные прилагательные и причастия, преимущественно во множественном числе, напр. *die Studierenden* вместо *die Studenten*; *die Berufstätigen* и *die Angestellten* вместо *die Mitarbeiter* и *die Arbeitnehmer* т.д. Также, наблюдается тенденция вытеснения из языка «сексистских» морфем, указывающих на половую принадлежность человека, вроде компонентов *-mann* (напр. *Kaufmann*), *-frau* (напр. *Putzfrau*), *-mädchen* (напр. *Kindermädchen*), *-fräulein* (напр. *Tippfräulein*), *-dame* (напр. *Bardame*), вместе со словами, в состав которых они входят, и замены их нейтральными, например, такими как: *-kraft* (напр. *Schreibkraft*), *-person* (напр. *Kaufperson*), *-hilfe* (напр. *Haushalthilfe*) и т.д.

Однако эта стратегия также не универсальна. Во-первых, в немецком языке не всегда возможно подобрать соответствующее нейтральное или собирательное существительное, которое не воспринималось бы слишком искусственно и абсурдно, как, например, в следующем предложении:

Steuerklasse V tritt für ein Mitglied des Ehepaars an der Stelle der Steuerklasse IV, wenn das andere in die Steuerklasse III eingereicht wird.

Во-вторых, нейтральные формы не содержат в себе четкое указание на включенность в них женского пола, и поэтому, по мнению некоторых авторов, могут быть ассоциированы с референтом-мужчиной.

Л. Пуш, признающая тот факт, что «действительно слишком сложно всегда упоминать мужчин», предложила еще два оригинальных варианта нейтрализации. Это – употребление среднего рода как одной общей формы для обозначения лиц как мужского, так и женского пола: *das Lehrer, das Student, das Mitarbeiter* и т.д.; и отказ от дискриминирующего суффикса женского рода *-in*, где показателем рода остается лишь артикль, напр., *die Leser* вместо *die Leserin* [Pusch 1990: 62-64]. Эти предложения, однако, не получили широкой поддержки.

Совместное употребление мужского и женского родов в местоимениях и прилагательных с помощью заглавной *R* также может рассматриваться как вариант нейтрализации. Здесь предлагается использовать одну форму, одновременно обозначающую лицо мужского и женского пола, прибавляя к форме женского рода заглавную *R*, напр., *jedeR, dieseR, solcheR, welcheR, alteR* и т.д.

3. «Тотальная феминизация» или замена генерического мужского рода генерическим женским родом.

Представительница радикальной ветви феминистской лингвистики Л. Пуш предлагает использовать в качестве грамматически нейтральной формы форму женского рода, ср. *Studentinnen = männliche und weibliche Studierende, jedefrau* вместо *jedermann* и т.д. [Pusch 1990: 95]. Однако это предложение подхватила лишь крайне радикальная феминистская пресса.

Рассматривая вопрос о соотношении категории грамматического рода и экстралингвистической категории пола на уровне местоимений, феминистская лингвистика требует соблюдать соответствие личных и прочих местоимений истинному полу референта, например, личное местоимение *sie* и притяжательное *ihr* могут относиться к существительному среднего рода *das Mädchen*, а также и к вопросительному местоимению *wer*, если речь идет о женщинах, напр., *Wer hat hier ihre Tasche gelassen?* Однако в большей степени процесс феминизации коснулся неопределенно-личного местоимения *man*, которое этимологически и семантически восходит к существительному *der Mann* «мужчина» и часто ассоциируется с субъектом мужского пола, а также ряда других местоимений, имеющих тот же «сексистский» компонент. Прежде всего, это такие местоимения, как: *jemand, jedermann* и *niemand*. Эти местоимения, как справедливо утверждают феминистки, звучат весьма нелепо в чисто женском контексте, ср. *Wie kann man seine Schwangerschaft frühzeitig selbst feststellen?* Поэтому представляется закономерным появление альтернативного неопределенно-личного местоимения *frau*, которое успешно отражает типично женские ситуации, ср. *Wenn frau stillt, muss frau mehr essen*. В плане грамматики местоимение

frau отличается от *man* тем, что как в именительном, так и в косвенных падежах *frau* может заменяться соответствующим местоимением женского рода, в то время как *man* остается неизменным, напр. *Wenn frau stillt, muss sie (frau) mehr essen; Was passiert heute einer (frau), wenn sie weder Kind noch Vehütungsmittel will?*

В качестве нейтрального неопределенно-личного местоимения иногда можно встретить и прономинальное существительное *mensch*, например, *Diese Leute kann mensch nur vor vollendete Tatsachen setzen* [16, с.74]. Для других вышеназванных местоимений предлагаются следующие соответствия – заменить *jedermann* на *jedefrau*, *jemand* на *eineR*, и *niemand* на *keineR* [Pusch 1990: 31-34].

Необходимо отметить, что, несмотря на всю логику доводов феминисток, в языке эти «уравнивающие» местоимения пока не прижились, однако они широко используются в феминистских изданиях. Т.В. Гречушникова связывает это с тем, что «конструкции с *man* в силу своей распространенности и привычности ассоциируются у носителей языка с устойчивыми выражениями и языковыми клише» [Гречушникова 2001: 151].

Феминистские неологизмы, от окказионализмов до узуальных слов, встречаются в разных типах текстов от официально-делового до разговорного стилей речи. Феминистки предлагают все новые и новые слова, пытаясь окончательно уравнять в языке мужчину и женщину, ср. *Efrauzipation* вместо *Emanzipation*, *Frausarde* вместо *Mansarde* и т.д. Эти языковые инновации не просто игра и не столько попытка создания чего-то нового и оригинального, сколько поиск средств адекватного самовыражения, стремление преодолеть сопротивление консервативной языковой системы, закрепившей целый ряд сексистских норм.

Феминистки требуют убрать из языка все те языковые единицы, которые задевают чувства и достоинства женщины, ущемляют ее человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении ее половой принадлежности, и найти для них соответствующие нейтральные или положительные эвфемизмы, а если это невозможно, то вытеснить их из языка. Прежде всего, это касается устойчивых сравнений, фразеологизмов и поговорок, где женщины, их характер и деятельность определяются как нечто «иное» (более низкосортное) в отличие от мужчин, ср. *dumme Kuh, Betthäschen, das schwache Geschlecht, Mannweib, spätes Mädchen, alte Jungfer, Weibergeschwätz; Ein Mann, ein Wort – eine Frau, ein Wörterbuch* и т.п. Так, согласно проведенному Б. Хуфайзен анализу немецких устойчивых оборотов, содержащих информацию о женщинах, подобные семантические образования употребляются преимущественно оценочно и имеют в большинстве своем отрицательную коннотацию. Эта традиция, отмечает автор, обусловлена тем, что такие выражения представляют собой своего

рода «лингвистические консервы, в которых не только сохраняется запечатленный в давние времена взгляд на женщин, но и достигается эффект семантической компрессии, при которой происходит концентрация в рамках одного высказывания всего потенциала не только самого слова, но и его коннотаций, полевых связей и контекстных значений» [Hufeisen 1993: 154]. Подбирая парные пословицы, Б. Хуфайзен показывает, что рассматривая одни и те же действия и одну и ту же сферу деятельности, эти пословицы неизменно восхваляют характер и поведение мужчин и осуждают действия и манеры женщин, например, *Trunken Weib – gemeines Weib*, но *Wer niemals einen Rausch gehabt, der ist kein rechter Mann*. Среди пословиц, осуждающих женщин, автор выделяет два типа: с негативной оценкой свойств женского характера и с признанием самого факта существования женщин как негативного явления. Анализ более 2000 пословиц позволили Б. Хуфайзен сделать вывод об отражении в немецком пословицном фонде сложившегося в патриархатном социуме негативного отношения к женщине, поскольку даже то небольшое число пословиц, которое дает позитивную оценку, посвящено восхвалению трудовой полезности женщин и одобрительной оценке униженного и подчиненного социального статуса. Особая социолингвистическая значимость пословиц обусловлена также их наставительной и обучающей прагматикой: они характеризуют собой квинтэссенцию народной мудрости и в этом смысле могут считаться средствами внедрения в сознание членов социума отрицательного стереотипного восприятия роли женщины и ее качеств.

Следует отметить, что многие из феминистски корректных изменений уже необратимы и являются ярким примером успешной (в смысле достижения результата) сознательной правки языка. В последние годы в органах печати всех политических направлений можно наблюдать усиленное употребление обозначения лиц женского рода. Методы внедрения таких «поправок» и преследуемые при этом цели находятся вне сферы лингвистики. Лингвистической же задачей можно считать описание изменений происходящих в языке, а также изучение связи языковых и речевых механизмов с прагматическими факторами, в том числе анализ и ограниченное предсказание возможных социальных и психологических последствий изменений в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые, П. Практический смысл [Текст] / П. Бурдые. – СПб: Алетейя, 2001. – 562 с.
2. Гречушникова, Т.В. О гендерных аспектах авторского словотворчества в современном немецком языке и немецкоязычной женской литературе [Текст] / Т.В. Гречушникова // Доклады Первой Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». 25-26 ноября 1999 года. – М.: МГЛУ, 2001. – С. 148-152.

3. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] / А.В. Кирилина.– М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
4. Güntherodt I. Sprachliche Gleichbehandlung: Erkennen und Verwirklichen. Praktische Erläuterungen und Beispiele zur deutschen Rechtssprache. // Grabruker M. Vater Staat hat keine Muttersprache. – Frankfurt am Main: Fischer, 1993 – S. 246-262.
5. Hufeisen B. „Frauen und Pelze wollen oft geklopft sein“. Zur Darstellung der Frau in Sprichwörtern, Redewendungen und sonstigen feststehenden Ausdrücken. // Das Weib soll schweigen: Beiträge zur linguistischen Frauenforschung. / Britta Hufeisen (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Lang, 1993. – S. 153-172.
6. Ludwig O. Die Karriere eines Großbuchstaben – zur Rolle des großen I in Personenbezeichnungen. // Deutschunterricht. – 1989. – № 6. – S. 80-87.
7. Pusch L. Alle Menschen werden Schwestern: feministische Sprachkritik. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. – 239 S.

Общетеоретические и типологические проблемы **языкознания**

НОВЫЕ ТЕРМИНЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ – “РЕЛИГИОЛЕКТ”, “КОНФЕССИОЛЕКТ” И ИХ ЭТНИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ (ХОД ДИСКУССИЙ И ПЕРЕПИСКА УЧЁНЫХ)

Викторин Виктор Михайлович

кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков
Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия

Очень многое обсуждалось ранее о «конвергенциях» (независимых совпадениях) в общественной жизни и мышлении, в общении людей. Так и вышло, что несколькими авторами в гг. Москве, Нижнем Новгороде и Астрахани, а ещё на юге Германии (в т.ч., в Баварии и др.) с 2000 - 05 гг. были, независимо друг от друга, предложены близкие термины – «конфессиолект» и «религиолект». К 2009 - 10 гг. данные версии получили своё основное и полное оформление. Автору данной статьи, как участнику событий довелось осветить их в предыдущих публикациях [См.: Викторин 2015: 10–15; Викторин 2017: 67–70 и др.].

Собственно, «конфессиолекты» и «религиолекты» – это разновидности социальных (а нередко – вместе с тем ещё и региональных, локальных) диалектов, связанные с отражением в языке и речи тех религий, вероучений, принятых среди носителей внутри конкретной общности и / или при общении с иными, по традициям, соседями. Они и близки, и различны.

Упомянем характерное для современной науки и продолжающееся сейчас дробление терминов, обозначающих социальные диалекты (социолекты) на массу уточнений – поначалу зачастую полушутливое, а

затем и официально принимаемое (вплоть, подчас, до «геолекта», «хронолекта», «гендеролекта» и даже ... «сексолекта»), что было отмечено именно представителями немецкой и российской науки [Ср.: Павлов 2011: 36–37; Kretschmer 2013 : 157 ; Плисов 2015: 58 ; Трифанова 2016 : 31–32].

И, пожалуй, несколько ироничными выглядят объединяющие конструкции «- лект», “a lect”. Наш коллега, С.Г. Павлов (доц. каф. русского языка и культуры речи Педагогического университета в г. Нижнем Новгороде), готов предоставить такому «- лекту» любой «масштаб» и «основания для выделения» [Павлов 2011: 36–37].

Более того, проф. Эд. Кречмер (уроженец юж. Германии, работающий в Италии, университете г. Модены), сторонник редкого там термина «религиолект», и доц. Е.В. Плисов (зав. кафедрой немецкой филологии Лингвистического университета тоже в г. Нижнем Новгороде) отметили вслед друг за другом, что такое, в будущем возможное, «количество “лектов” потенциально не ограничено», притом эти конструкты весьма произвольны для условного описания реальности и зависят, прежде всего, от учёного - наблюдателя [Kretschmer 2013, 157; Плисов 2015, 58 - 59].

И, по неслучайному совпадению, последующие авторы буквально вскоре же отметили в новейших англоязычных словарях новый обобщающий термин “a lect” – именно как аббревиатуру от “dia - lect”. Более того, появилось выражение “lectal shifting“, т.е. (если в нашем контексте) «переход, с одного «лекта» на другой», в значении «социального или регионального различия в речи – несущего идентичность в речевом сообществе» [Универсальный англо - русский словарь : [Универсальный - Universal. Из сети “Интернет”, яз. англ. Режим доступа – своб.].

Лишь только – только ставятся вопросы, какого качества бывает такой переход (лично – желаемый, ситуационный, или же – коллективно поэтапный). И оказалась эта тенденция сразу же отмеченной и в научной литературе [Ср.: Трифанова 2016, 29–33; Викторин 2017, 68–69].

И для особого социолекта, сочетающего русский язык с церковнославянскими чертами, наделяющего его особыми смыслами и соотносимого с православной религией, как с и её пониманием – вероучением в России, проф. И.В. Бугаевой, ныне зав. каф. связей с общественностью и языковых коммуникаций Российского гос. аграрн. ун-та – МСХА предложила название «религиолект», а доц. С.Г. Павлов в г. Нижнем Новгороде – «конфессиолект» (упомянув его «употребление в немецкоязычной литературе» и ранее) [Бугаева 2010, 13 ; Павлов 2011, 36–37 и др.]. Притом оба автора подчеркнули, что это – подсистема исходного языка, причём как именно параллельная «разновидность», а не просто функциональный «стиль» литературного (со сложными перекодировками при их соприкосновениях).

Но к тому времени прозвучал и наш доклад в г. Дербенте от 29 марта 2009 г., где были рассмотрены несколько вариантов западно - иранского, “татского” языка на Кавказе в Прикаспии – как несколько отличающиеся образцы и оттенки речи в традициях исповедания разных религий их носителями. Вместо нового тогда же, зарубежного и неясного термина «татско - еврейский язык» нами было предложено уточнённое понятие «иудейский "конфессиолект" татского языка», староиранского в основе, притом со своей письменно - литературной формой. А вездесущий пул актива СМИ сразу же отметил у себя в актуальных печатных Интернет - репортажах, что астраханец В.М. Викторин внёс «научно - лексическую новацию: редкий, ... ещё не прижившийся научный термин – *конфессиолект* как религиозный язык определённого этноса» [Михайлов 2009: 2. Ср.: История и историография ... горских 2009 : 10].

Примерно так же рассмотрел проблему цитируемый С.Г. Павловым знаменитый отечественный лингвист А.Д. Швейцер (1923–2002)Посетив в сер. 70-х гг. XX в. столицу Ирака г. Багдад, он отметил в здешних городских кварталах «сосуществование» двух, арабо - христианского и арабо - мусульманского, “*диалектов*” [Павлов 2011 : 37 ; Швейцер 2012 : 11–16], в нашей терминологии, – “*конфессиолектов*”, притом в их этническом или же субэтническом выражении. Так, во «всеспокойном» (заклучит. песня из советск. фильма «Волшебная лампа Аладдина, 1966 г.) ранее Багдаде, существовало два - три крупных квартала, где мирно проживали тоже арабы по происх., традиции и бытовому языку, но диофизиты - несториане, халдо - униаты. Они имели один с соседями - мусульманами разговорный (с оттенками между собой), тем более, для читающей публики, литературный арабский язык. А вот культово - литургический язык у этих христиан - арабов был и остаётся родственным, но весьма иным, специально изучаемым клиром. Это древний сиро - арамейский. Трудно что - то утверждать при новой ситуации в стране (после крутых перемен с войной весны 2003 г. и после неё).

Разберёмся в основах проблемы. Поскольку «конфессия» (от позднелат. глаг. "confessio" – «признаю, сознаю, выражаю, исповедую(сь)») и «этнос» (см. о том далее) – два основных типа «общинности / коммунности» в групповом человеческом общежитии. В этой же связи наметилось обсуждение, что в данных двух категориях определяется наличной общественной, здесь – этнической, группы («вид» языка), а что – избираемой и избранной людьми стороной социальной жизни («стиль» языка).

У С.Г. Павлова несколько раз подчёркивается, что рассматриваемый им “- *лект*” представляет собою «не с т и л ь, а разновидность» языка, его «подсистему» [Павлов 2011: 38–48]. С позиций И.В. Бугаевой, сфера религии и “религиолект” «находится н а д функциональными стилями», хотя и составляет континуум «на разных уровнях», только «в рамках

одного национального языка». Но в целом социальная группа убеждённо и подчёркнуто верующих людей, подходящая под данную теоцентрическую «разновидность» (С.Г. Павлов) ментальности и языка, в этой сфере, вне любых споров, «ограничена» [Бугаева 2010: 12–13].

И отличительной чертой «религиолекта», думается, как раз и является его распределённость в реально - переходных «стилях». В частности, семинаристы и «белое» духовенство (в отличие от языковой «ядерной зоны – речи монахов» [3; 14]) вынуждены переходить в жизни и на светский стиль общения. Фактически о «религиолекте» ведёт речь и С.Г. Павлов, затрагивая «конфессиолект» (и, более того, – этноконфессиолект) лишь попутно. Но разница между «конфессиолектом» и «религиолектом», вопреки тому, ощутима. В чём мы ещё постараемся и убедиться далее.

Дело и в том, что содержание и смысл русского варианта термина «конфессия» (лат. *confessio* – исповедание или вероисповедание; объединение, им обусловленное) ещё до конца не установились. Принимается это почти как синоним слова «религия». Однако, если религия – это всегда строгое «вероучение», то здесь в виду – более мягкое вероисповедание бытового, общинного характера. В своих статьях на эту тему мы неизменно разъясняли «конфессиональное» явление именно как «вероисповедно - общинное».

Здесь всё здесь нередко отличается от канонических образцов, окрашено местной бытовой традицией. Тогда под «конфессиолектом» мы предлагали понимать особенности языка и речи в т.ч. и маркирующего, отличительного характера (иногда – даже и в собственном литературном оформлении). Концепция веры в таких случаях всегда звучит (на слух, реже – текстуально) «с родным акцентом». Таким образом, это – именно традиционно - бытовое понимание религии на «своём» языке / диалекте.

Далее, в этнологии устоялись с сер. 70-х гг. XX в. два термина – «этноконфессиональная общность» и «этноконфессиональная группа» [Басилов 1993: 232–233; Пучков 1973: 51–65]. В первой ситуации религия и этнос почти совпадают (евреи, сикхи и т.п.), во второй – специфика крупной религии создаёт подобную особенность внутри этноса (наряду с мусульманами – татары - православные, кряшены и т.д.). Отражаются такие факторы и в языке, и в речи. Поэтому предлагаем для данных случаев следующие уточняющие термины.

Этноконфессиолект – это бытовая языковая разновидность (языковое состояние) с её вероисповедно - общинной спецификой отражает специфические черты лексики и фраз у особых этноконфессиональных общностей, групп людей, исповедующих (при общем базовом, родном языке) разные религии или же их ответвления. И субэтноконфессиолект окажется ближе к говору – особенно, при компактном проживании религиозно - обособленной в чём - то этногруппы [Ср.: Викторин 2014: 10–16].

Это – то, что касается России и отечественных учёных (перечислим проф. И.В. Бугаеву и доц. А.И. Грищенко в г. Москве, доц. В.М. Викторина в г. Астрахани, русиста, доц. С.Г. Павлова, видного германиста, доц. Е.В. Плисова – оба из г. Нижн. Новгорода). Все они стремятся выстроить чёткий категориальный ряд из близких, соприкасающихся понятий - терминов.

Особо важно, что свои традиции в терминологии данной проблемы (отчасти внешне сходную с нашей) создала немецкая наука в Германии – тогда ещё разделённой на две страны, восток и запад. Заметим обычно сдержанное – и даже несколько скептическое – отношение к данным понятийным схемам, как к произвольному явлению для условных обозначений, доступных любому исследователю.

И немецкая школа «конфессиолектики» несколько опережала по времени нашу, отечественную. Это направление интенсивно развивалось в Германии – особенно, в южных её частях, хотя в собственном русле и несколько особым путём. Использовались иногда, параллельно, сходные между собою термины «теолект» (А. Гройле, 2012 г.) и, изредка, «религиолект» (Э. Кретчмер, 2013 г.) [Ср.: Плисов 2015: 58–59]. Бросается в глаза вновь относительность терминов – авторы вовсе не настаивали на них и признавали относительность, либо неясность (для коммуникации с ... высшим, Божественным). Интересно и по - особому развивалось и утверждалось понимание гораздо более устоявшегося и интересного нам сейчас термина «*конфессиолект*» в Германии и, соответственно, на немецком языке.

Однако, требуется учитывать, что здесь «конфессия» (*Der Konfession*: религия, либо становящаяся от секты деноминация) традиционно связывается, прежде всего, с ответвлениями внутри христианства именно в центре Европы – в первую очередь, с католичеством и протестантизмом - лютеранством. В данном понимании, «конфессия» – это внутренняя часть или ответвление основной религии. Сейчас это не столь влиятельный, хотя и ощутимый фактор. Даже если эти части исторически и догматически и оппозиционны друг другу.

Уваж. проф. Роберт Хиндерлинг (1935 - 91), при своей жизни, начал и возглавил данную работу в гг. Бейтройте и Тюбингене, с супругой Анне - Мари и всей его школой из Юж. Германии (в т.ч. проф. Эд. Кретчмер, проф. Херм. Шейринген, д - р Ал - др С. Бахман - Штайн и уваж. д - р Йог. Шмук, др., работавшие в гг. Мюнхене и Нюрнберге, Тюбингене, Бейтройте, Регенбурге, Эрлангене, Вальдербахе и др.). При проведённых экспедициях по северо - западу Баварии, примерно с конца 60-х до конца 80-х гг. XX в. «Конфессиолектом» проф. Р. Хиндерлинг обозначал вариант языка, обусловленный конфессионально же возможностью с чёткой идентификации при поликонфессиональности поселения – С 135 С. 59

Рассматривалось, что в северо - западной Баварии существуют селения, где преобладают жители - лютеране, либо католики, а также те, где население – смешанное в отношении христиано - конфессиональных особенностей. Изучены они были циклом экспедиций составителей сборника по здешним «речевым идентичностям», куда включали давно готовую, большую статью супругов Хиндерлинг [Sprachidentität .... 2013 : 230 s.].

Конфессиональные школы (*“die Konfessionsschulen”*), вместе с храмами и богослужениями, поддерживали разнообразие вероучений и особенностей языка, существовали ещё в на момент экспедиций, жили их выпускники в городах и поселениях Баварии, вплоть до отмены таких школ в пользу единого светского обучения общим референдумом 30 апреля 1968 г. Ландтагом «Свободного государства Баварии», Конституцией землі Баварии в составе ФРГ.

И внутри баварского, на основе и с преобладанием католиков, очень специфичного варианта немецкого языка, по своим небольшим отличиям в говоре, не очень сложно определить (или предположить, угадать) конфессиональную отнесённость говорящего или собеседника – именно по узнаваемым деталям произношения и построения фраз. Если, скажем, большинство населения некоторых селений принадлежали к одной «конфессии», то экспедиция сразу же «могла встретить данные «особые диалекты (*“Sondermundarten”*)». В «смешанных» же, католико - лютеранских, населённых пунктах в реальном речевом употреблении «условно выделяются два вероисповедных варианта, (зато) обнаруживается целое ... созвездие (речевых форм) ... То, что мы и обозначили как *“конфессиолект”*» [Hinderling 2013: 135]. Отмечены были здесь и многие «наддиалектные» формы.

Итак, в рамках сбора полевого материала по языковым особенностям северо - западной Баварии существуют селения, где преобладают жители - лютеране, либо католики, а также те, где население – смешанное в отношении христиано - конфессиональных особенностей. Они и были изучены экспедицией составителей сборника по здешним «речеидентичностям» [Sprachidentität .... 2013: 230].

С исчерпанием северо - западного направления экспедиций, к сер. 90-х гг. стартовал нынешний крупный проект «Языковой атлас Северо - Восточной Баварии» (*“Sprachatlas von Nordostbayern - SNOB“*) – региона, не менее конфессионально - разнообразного, на предельно полиэтничной границе. И проф. Р. Хиндерлинг планировал лично подготовить именно раздел «Конфессиолект» в качестве Введения для первого же сборника (любезное письмо д - ра Йог. Шмука автору статьи от сентября 2017 г.) по намечавшемуся проекту.

Поддержим доц. Е.В. Плисова, что в трактовке профессора конфессиолект вариант языка, обусловленный конфессионально же –

возможностью с чёткой идентификации при поликонфессиональности поселения [Hinderling 2013: 135; Плисов 2015: 59].

Однако, налицо, на наш взгляд, сдержанное отношение профессора к выдвинутым им же терминам («условное выделение вероисповедных вариантов ...»), «... наше обозначение их (сводным) “конфессиолектом”»).

Вспомним ещё более строгое замечание одного из последователей проф. К. Хиндерлинга, проф. Эд. Кречмера, что его «религиолекты», в числе схожих с ними, – суть лишь «конструкты, которые ... возникают из наблюдения над языковой действительностью, но при том этой действительностью не являются, ... зависят от позиции наблюдателя, какие варианты он свяжет в один “- лект”, чтобы отличить его от других ...» [Kretschmer 2013 : 156 ; Плисов 2015 : 58–59].

Трудно согласиться в принципе. Но верно, что не всегда «конфессиолектные, религиолектные» особенности чётко фиксируются, осознаются и, тем более, обозначаются их носителями.

Для нас единая немецкая этничность не создаёт ожидаемого многообразия картины. Наличие «конфессиолектов в диалекте / локальном, баварском варианте языка» соответствует и нашим представлениям – и, очевидно, позициям нижегородских коллег. Но развитие термина «конфессиолект» пошло интереснее, движением от *Volkskunde* («народоведения» немцев) к *Völkerekunde* (более широкой – региональной и мировой этнологии). Имея корни и базу опять-таки в пограничной Баварии и её версии «конфессиолектики».

В проекте нового направления – интеграционной Евролингвистики, с 2002 г. [См.: *EuroLinguistik ...*: 354] д - р Крист. Фосс, и д - р Кл. Штайнкеиз Университета им. Людвига Максимилиана и Института Южной и Восточной Европы в г. Мюнхене, Университета им. Фридриха - Александра в г. Нюрнберге, совместно живущим в США изв. автором Викт. А. Фридманом (Университет г. Чикаго), в статье и сборнике от 2007 г. внимательно изучали этническое и конфессиональное развитие Балкан – как в целом, так и на отдельных ярких фактах.

Как бы продолжая идею «наддиалектных» форм двух баварских христианских конфессиолектов (проф. Р. Хиндерлинг), д-р К. Фосс, получив в том поддержку доц. Е.В. Плисова, выделяет объединяющий «надязыковый конфессиолект» балканских мусульман – албанских, славяноязычных и тюркоязычных [Voss 2009: 297–314; Плисов 2015: 60], который, как мы предположим, сложился на арабско - турецкой основе).

Но с соавтором они интересно изучают конкретные речевые и языковые особенности славян - мусульман Боснии и Герцеговины, близких им македонцев - «торбешей» и «помáков» - болгар – тоже исламских групп в славянстве. Для сравнения любопытно првлекаются т.н. «пальчáне», болгары - католики историч. области Банат, на границах между Сербией, Румынией и Венгрией.

Разумеется, используется термин «конфессиолекты» (для нас: «этноконфессиолекты» и «субэтноконфессиолекты», переходы не совсем ясного качества между ними. – В.В.).

Однако,стораживает оговорка, немаловажная по сути дел, д-ра Кл. Штайнке о «помáках» в Родопских горах Болгарии. Их «конфессиолект», по словам баварского учёного, имеет отличия в «лишь нескольких лексических единиц» от речи большинства болгарских православных христиан [См.: Steinke, Voss 2007a: 7–13].

Помимо лексики, имеются ещё фразеология и невербальная сфера (тоже религиозно определённые). Но явное выделение учёными из Германии уровней и степени «конфессиолектности», ставит важные проблемы: закономерности, устойчивости, осознанности явлений, временности и случайности, как и всегда некоторой условности их научного выделения.

Сравнивая в общем плане «религиолект» и «конфессиолект», Е.В. Плисов [Плисов 2015: 51, 59–60] отдаёт дань и германской традиции зарубежных коллег, т.е. модели «внутрирелигиозной конфессионализации», т.е. различий внутри христианства (с учётом возросшего немецкого православия). Но ясно из анализа дефиниций И.В. Бугаевой и С.П. Павлова, что «релгиолект» (религиозный, церковный социолект), уже, но и явно г л у б ж е «конфессиолекта». Аналогия здесь – как между элитной и бытовой речью, а вот «Религиолект» по сути изыскан, замкнут и элитен («ядро» его: речь монашества и высшего клира. – И.В. Бугаева), «конфессиолект» же имеет массовый и распространённый характер.

Мы не согласимся лишь с С.П. Павловым, что «конфессиолект» «ограничен религиозной сферой» – его традиционные черты проявятся и у невоцерквлённых, даже и у неверующих людей. Впрочем, тогда это, вероятно, будет ... «этноконфессиолект».

Не существует для нас и большой проблемы, «конфессиолект» – это «вид» или «стиль» языка (С.П. Павлов, И.В. Бугаева). Смысл здесь, как нам представляется, насколько избирается он сознательно, либо естественно для общения. То, чем пользуется наличная общественная, здесь – этническая, группа – «вид» языка, а избираемая и избранная людьми форма речи – «стиль» языка). Заметим, что баварский речевой «стиль» (если общение земляков идёт, скажем, в Берлине) или же «вид» речи (в регионах юга) складывался именно на «католической» конфессиолектной основе.

И самое любопытное, «свежее» по времени. Весной - осенью 2015 г. нами была предпринята переписка с доц. С.Г. Павловым (Павлов С.Г. Письмо, электронной почтой, В.М. Викторину от 17 июня 2015 г. – в личном архиве получателя) и доц. Е.В. Плисовым (Плисов Е.В. Письмо с вышедшей статьёй адресата, обычной почтой, В.М. Викторину от 14 октября 2015 г. – в личном архиве получателя).

Был направлен в конце 2014 г. и запрос на имя проф. Роб. Хиндерлинга в г. Тюбинген, который вскоре возвратился со строгой пометкой “unbekannt” («не значится»). В 2015 г. письмо было вновь переслано в г. Регенсбург. И в нач. октября 2017 г. на него пришёл любезный ответ от бывш. сотрудника покойного профессора, д - ра Йог. Шмука, который навестил вернувшуюся в Германию вдову профессора, фрау Анне - Мари, и обнаружил наше письмо в неразобранной корреспонденции, с которой госпожа не знала, что и делать (Schmuck J. This is a history of your letter, to V.M. Victorin, of from September 2017 – in the author’s archiv).

Всех коллег заинтересовала вся наша постановка проблемы. Она включена в текущие обзоры нижегородских германистов (доц. Е.В. Плисов: “Ваша статья оказалась как нельзя кстати и в тему ...»). Положительно расценена была и наша идея о проведении в обозримой перспективе в неск. лет совместной с германскими коллегами конференции «по конфессиолектам - религиолектам» (на первый раз, очевидно, – в г. Нижнем Новгороде).

Состоялся небольшой спор о «виде» и «стиле» в отношении «конфессиолекта». Далее, оба автора намекают, что терминологию следует тоньше различать. Колл., доц. С.П. Павлов оговорился сразу: «В своей этноконфессиолектной части Ваша статья слишком специфична для меня, чтобы я выступил с её оценкой» ((Павлов С.Г. Письмо, электронной почтой, В.М. Викторину от 17 июня 2015 г.).

Конкретнее замечает колл., доц. Е.В. Плисов: «В работах В.М. Викторина под конфессиолектом понимается религиозно-окрашенный вариант языка и производная модель речи .... Учёный устанавливает, что этнокультурная специфика может создаваться не только в «собственной» среде, но и в контактах с одноязычными иноверцами и иноязычными единоверцами.»

Здесь, на наш (колл., доц. Е.В. Плисова) взгляд, возможно вести речь о *первичных* и *вторичных* (приобретённых) *конфессиолектных* признаках, а возможно и *религиолектных* (всё выделено нами. – В.В.), если взаимодействие и влияние происходило между носителями разных *религиолектов*» [Плисов 2015: 60]. Замечательно и перспективно отмечено о «*признаках*» конфессиолектных и религиолектных, о первичности и производности осознаваемых различий. Намечены также несколько важных позиций этноконфессиолектных и субэтноконфессиолектных «*соотношений*» о роли и месте небольших групп носителей традиций, языка и речи – и это мы непременно учтём в дальнейшем. Таковы позиции большинства в двух - трёх контактирующих религиях - конфессиях и языковых общностях по поводу друг друга и «*переходных, связующих*» их этнолингвоконфессиональных групп, а также последних – по отношениям между собою.

И приходится, похоже, добавить ещё один (но всегда не единственный!) «*ракурс зрения*» по тем же вопросам, на котором настаивают немецкие (баварские) исследователи. Это – позиция учёного, принятая им установка для изучения и особенности собранного материала и селекции главного и основного из него.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басилов, В.Н. Этноконфессиональная группа (общность) // Религиозные верования (Совм. науч. - справочн. серия РФ и Германии “Свод этнографич. понятий и терминов”. Вып. 5) [Текст] / В.Н. Басилов. – М.: Наука. 1993. С. 232–233
2. Бугаева, И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития [Текст] : автореф-т. дисс. ... докт. филол. н. / Бугаева Ирина Владимировна / Гос. ин-т русск. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 2010. – 48 с. (и <http://www.vak.ed.gov.ru> > [files/vak/announcements/2009-28-12BugaevaIV.pdt](http://www.vak.ed.gov.ru/files/vak/announcements/2009-28-12BugaevaIV.pdt); http://www.dissercat.com/content/yazik-pravislavnoy_tendentsii-razviriya)
3. Викторин, В.М. Понятие и термин "конфессиолект" и сходные с ним в гуманитарных научно - методических дискуссиях нач. XXI в. [Текст] / В.М. Викторин // Современные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Мат. II-ой М/н. заочной научно - практич. конф. (г. Астрахань, каф. немецкой филологии ф - та иностр. языков Астрахан. гос. ун - та, 23 апреля 2014 г.). II - ой Фестиваль науки и инноваций Астраханского гос. ун - та. Отв. ред. – доц. Т.А. Бударина. – Астрахань: Издат. дом "Астрахан. ун -т". 2014. – С. 57–65 (и [http://www.academia.edu/7009910/Confessiolect - Konfessiolekt](http://www.academia.edu/7009910/Confessiolect_-_Konfessiolekt); [http://www.academia.edu/7010154/Confessiolect - Konfessiolekt](http://www.academia.edu/7010154/Confessiolect_-_Konfessiolekt))
4. Викторин, В.М. Новейшая проблематика "конфессиолекта" и "этноконфессиолекта": становление терминологии, связи российской и германской традиций [Текст] / В.М. Викторин // Современные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Мат. III - ьей М/н. заочной научно - практич. конф. (г. Астрахань, каф. немецкой филологии ф - та иностр. языков Астрахан. гос. ун - та, 27 апреля 2015 г.). III - ий Фестиваль науки и инноваций Астраханского гос. ун - та. Сост.и ред. колл. – доц. Т.А. Бударина, Н.П. Стёпкин, О.Н. Кошелева, А.Н. Чурушкина. – Астрахань: Издат. дом "Астрахан. ун - т". 2015. – С. 10–16
5. Викторин, В.М. Лингвистические термины на " - лект " и английский неологизм ' a lect ' в обозначениях профессиональных особенностей языка и речи [Текст] / В.М. Викторин // Актуальные вопросы лингвистики, литературоведения и методики преподавания. Мат. заочной научно - практич. конференции (г. Астрахань, гос. ун - т, каф. романских языков ф - та иностр. языков Астрахан. гос. ун - та, 20 декабря 2017 г.). Сост. – доц. Е.И. Сернова. Астрахань : Издат. дом «Астрахан. ун - т». 2018. – С. 67–70
6. История, историография и этнография горских евреев. Мат. Регион. науч. конференция (г. Дербент,, 29-30 марта 2009 г.). Тезисы докл. Препринт – бриф. - бук / Ин-т истории, археол. и этногр. ДагНЦ РАН, Адм. - мэрия г. Дербента, НКЦ «Кавказская иудаика», Еврейск. благотворит. фонд «Дербент - имид», Центр. инфором. ресурс gorskie.ru. Ред - ры вице - мэр С.П. Ханукаев и доц. И.Г. Семёнов. Махачкала-Дербент: [ДагНЦ РАН, Адм. - мэрия г. Дербента и др.]. 2009. – 72 с.
7. Михайлов, В.С. Полемика о горских евреях ... [Текст] / В.С. Михайлов // Ватан («Родина»), Дагестан респ. татская газ. № 14 (1480). 2009, 2 апреля, г. Дербент. – С. 1–2 (и http://www.vatan.etnosmi.ru3one_stat.545Fi?G)

8. Павлов, С.Г. Семантика языковых единиц. Внешняя лингвистика [Текст] : учеб. пособ. по доп. спец. спец - тям для ст - тов филологич. фак-та / С.Г. Павлов. – Н.Новгород: Изд - во ФГБОУ ВПО «НГЛУ». 2011. – 108 с. (и <http://www.pavlovsg.files.wordpress.com/2013/03...d0b22.doc>)
9. Плисов Е.В. Региолекты и конфессиолекты в структуре современного немецкого дискурса [Текст] / Е.В. Плисов // Вестн. Нижегород. гос. лингв. ун - та им. Н.А. Добролюбова. Вып. 31. Ч. I – Язык и культура – Н. Новгород : Изд - во ФГБОУ ВПО «НГЛУ». 2015. С. 50–73 (и <https://www.readera.ru/religiiolekty-i-konfessiolekty-v-strukture-sovremennogo-nemeckogo-religioznogo-140166990>)
10. Пучков П.И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей [Текст] / П.И. Пучков // Советская этнография. 1973. № 1. С. 51–65
11. Религиозные верования (Совм. науч. - справочн. серия РФ и Германии) ”Свод этнографич. Понятий и терминов”. Вып. 5 [Текст] / ИЭА РАН, г. Москва; немецк. редколл., г. Берлин / Отв. ред - ры вып. В.Н. Басилов и Инг.И. Винкельман. - М.: Наука. 1993. 240 с.
12. Трифанова, С.С. Лексический субстандарт новозеландского варианта английского языка в синхронии и диахронии [Текст] / Трифанова Светлана Сергеевна / Санкт-Петерб. гос. экон. ун-т : дисс. ... канд. филол. н. – СПб - Череповец, 2016. – 579 с.
13. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Изд - во «Либроком», 2012. – 176 с.
14. EuroLinguistik. Entwicklungen und Perspektiven. Akten der Internationalen Tagung (in Leipzig, 30.9–2.10.2007). Hrsg. U. Hinrichs, N. Reiter und S. Tornov. (Serie “EuroLinguistische Arbeiten”. N 5) – Wiesbaden: Ot. Harrassowitz Verlag, GmbH & Co. KG. 2009 – 354 S. (и http://www.harrassowitz-verlag.de/dzo/artikel/201/003/3729_201.pdf?t=1388758364)
15. Hinderling, R. *Wej mir sog'n*. Sprache und Identität des Mundartsprechers in Nordostbayern. Erfahrungen bei der Erhebung des Materials für den Sprachtlas von Nordostbayern [Text] / R. Hinderling // Sprachidentität: Identität durch Sprache. Eine Sammlung von Artikeln / Eberhard Karls St. Universität. – Tübingen: Gunt. Narr Verlag. 2013. – S. 125–136
16. Kretschmer, E. Über die Kategorisierung der Sprachvarietäten und die Mediolekts im Besondern [Text] / E. Kretschmer // REAL Revista des Estudos Alemães. 2013. – № 4. S. 152–175 (и <http://www.publikationen.ub.uni-frankfurt.de/frontdoor/index/index/docId/31385>)
17. Sprachidentität: Identität durch Sprache. Eine Sammlung von Artikeln [Text]. Hrsg. N. Janich und Chr. Thim - Mabrey / Eberhard Karls St. – Tübingen: Gunt. Narr Verlag. 2013. – 230 S.
18. Steinke, K., Voss, Ch. Einführung [Text] / K. Steinke, Ch. Voss // Minorities in the Balkans (Serie “Studien zur Sozialistischen und Postsozialistischen Festkultur / Südosteuropa - Studien”. B. 73). – Munich: Ot. Sagner Verlag / Gesellschaft “Südoosteuropa”, 2007a. – S. 7–13
19. Steinke, K., Voss, Ch. Die Pomaken in Griechenland und Bulgarien als Musterfall balkanischer Grenzminoritäten [Text] / K. Steinke, Ch. Voss // Minorities in the Balkans (Serie “Studien zur Sozialistischen und Postsozialistischen Festkultur / Südosteuropa - Studien”. B. 73). – Munich: Ot. Sagner Verlag / Gesellschaft “Südoosteuropa”, 2007b. – S. 139–147
20. Voss, Ch. Südslavische Perspektiven auf christliche vs. muslimische Sprachidentitäten und Weltbilder [Text] / Ch. Voss // EuroLinguistik. Entwicklungen und Perspektiven.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Гашими Афет Тофиг кызы

Преподаватель кафедры иностранных языков Азербайджанского университета языков, Баку, Азербайджан.

Изучение категории отрицания имеет многовековую историю. Исследования проблем данной категории, начатые в III в. до нашей эры древнеиндийскими и древнегреческими философами, продолжают развиваться и по сей день. Многочисленные научные дискуссии, посвященные изучению этого многоаспектного явления, практически не прекращаются, меняется лишь угол зрения и аспект анализа его рассмотрения. Отрицание является одним из ключевых понятий в различных отраслях науки: это и философия, и формальная и математическая логика, и, конечно, языкознание. Изыскивая свой собственный подход к изучению отрицания, каждая наука трактует этот феномен с точки зрения характерных именно для этой науки особенностей. Признавая многоплановость проблемы отрицания, мы попытаемся рассматривать данную категорию в совокупности тех ее сторон, которые позволяют сосредоточить внимание на ее логико-семантической функции в языке, т.к. логическое отрицание составляет базовую сущность лингвистического.

Существует множество концепций относительно смысла отрицания. Есть среди них и такие, согласно которым в отрицательных суждениях не представлено никакой информации о реальном мире, а наличие отрицания является лишь результатом заблуждения. Данная точка зрения, в частности, получила поддержку в философском учении И. Канта. Интерпретация категории отрицания в языке требует обращения к вопросам логики и философии. Согласно теории формальной логики, отрицательные суждения, как и утвердительные, с одной стороны, являются формой отражения действительности, а с другой, – выступают в качестве суждения о суждении. Следовательно, в формальной логике выделяются два типа отрицания: а) отрицательное суждение как отражение идеи «несуществования», отсутствия чего-либо в действительности, т.е. имеющее самостоятельный характер; б) отрицательное суждение как способ опровержения высказанного, иными словами, присутствия формального момента отрицания, запрета признавать суждение истинным [Бондаренко; 4].

Категория отрицания представляет собой сложное, многоаспектное и многоуровневое явление. Логическая трактовка категории отрицания связана непосредственно с классификацией суждений, но, так как система контекста характеризуется способностью к саморазвитию, то логическая категория отрицания и отрицание с его средствами выражения не всегда находятся в абсолютном соответствии. Категория отрицания в языке выражает отсутствие объективной связи между предметами и явлениями, либо отсутствие самих предметов и явлений в объективной действительности и содержит более обширный диапазон значений, чем в логике. Так, категория отрицания может передавать значения несогласия, возражения, опровержения, отказа; для лингвистической категории отрицания характерна градация отрицательного признака, а также использование двойного отрицания. В отличие от логики, в которой утверждение и его двойное отрицание равнозначны, в языке двойное отрицание предполагает появление различных оттенков от ослабления утвердительного признака до его усиления. В лингвистической литературе последних десятилетий накопилось значительное количество работ, посвященных вопросу характеристики и функционирования отрицания, что свидетельствует о том, что отрицание – одна из фундаментальных категорий языка. И действительно, она является универсальной, исходной смысловой категорией, свойственной абсолютно всем языкам мира. Ее корни уходят в глубокую древность: в древнейших письменных памятниках языков различных семей категория отрицания выступает как законченная, имеющая свою форму и содержание, наряду с категорией утверждения [Бахарев; 9]. Логично предположить, что отрицание появляется после возникновения категории утверждения, тем не менее, нет оснований сомневаться в том, что как категория, она возникла «на заре развития языка», о чем свидетельствуют данные менее развитых языков. Вопросы, к которым обращаются исследователи в процессе изучения данной категории, разнообразны. К ним относятся: определение понятия языкового и логического отрицания, их соотношения, изучение средств выражения отрицания в различных языках, а также исследование роли данной категории в структуре текста и отдельного предложения. Тем не менее, несмотря на комплекс работ, посвященных данной проблематике, отрицание все еще является недостаточно разработанной темой. В языковом отрицании значительную роль играет прагматический компонент. Отрицание есть чисто семантическая категория, выражаемая самыми различными морфологическими и синтаксическими средствами. Утверждение и отрицание — два полюса (или альтернативы) одного измерения. Нет отрицательного положения дел, т. е. в прагматике не существует альтернативы «утверждения или отрицания»: как положительные, так и отрицательные предложения могут отражать одно и то же положение дел. Отрицание – это не чисто грамматическая категория,

а сложная коммуникативная операция, с помощью которой говорящий сообщает адресату свое отношение к определенному факту. Лингвисты отмечают, что деление высказываний на частноотрицательные и общеотрицательные в большинстве случаев обусловлено коммуникативным контекстом. Коммуникативный контекст позволяет определить область действия отрицания: если отрицание относится к ситуации в целом, то такое высказывание понимают как общеотрицательное, если же отрицание относится к какой-либо части ситуации – то высказывание частноотрицательное, например: *«Не человек, а мыльная пена какая-то»*. В авторском повествовании дается подводящий контекст: *...Ровный, бесстрастный характер у Леночки, будто не жена ему, а сестра... Какой-то холодок от нее... Как в воде вымоченная... Не человек, а мыльная пена какая-то»*... (В. Орлов, Аптекарь).

Негация, как частноотрицательное суждение обнаруживается и в вопросительных высказываниях: *«Да что в ней такого прелестного?»*. Имеется в виду, что ничего в ней прелестного нет. Непрямая форма подачи информации усиливает модально-оценочное значение.

Отрицание может и не утверждать противоположного, поскольку выполнение неотрицательных функций актуализируется, можно сказать, регулируется при контекстуальном включении и осуществляется в частноотрицательных высказываниях, где отрицается часть ситуации: *...Девочка как девочка. Звезд с неба не хватает, но ведь не глупенькая... Не красавица, однако и не страхолюдина...* (Ф. Абрамов. А у папы были друзья?)

Самые разные параметры данного явления, как, например, обширная сфера его функционирования и учет достаточно большого набора средств выражения, нуждаются в дальнейшем осмыслении и развитии. Как было отмечено выше, категория отрицания может передавать значения несогласия, возражения, опровержения, отказа; для лингвистической категории отрицания характерна градация отрицательного признака, а также использование двойного отрицания. Согласно Н. М. Орловой, «негация есть такое модальное качество предложения, которое выражает отсутствие связей между явлениями действительности» [Орлова; 22].

Отрицательные суждения в пословичных выражениях могут выражать следующие логические отношения: отношение различия, отсутствия, несовместимости, противоположности, лишения и недостатка [Бондаренко]. В логике, наряду с утвердительными и отрицательными суждениями, выделяют также положительные и отрицательные понятия. Положительными считаются такие понятия, которые выражают наличие у предмета определенных признаков, а отрицательными – отсутствие признаков, составляющих содержание положительного понятия. Как правило, морфологически отрицательные понятия образуются от положительных путем прибавления отрицательной частицы «не/ни» или

префикса «без», например, «красивый» – «некрасивый», «толковый» – «бестолковый» и др. Таким образом, отрицательные понятия, как правило, выражаются в пределах данного слова, в то время как отрицательные суждения – на уровне предложения. При этом необходимо учитывать, что понятия, являясь формами отражения действительности, имеют неразрывную связь с языком и выражаются чаще всего словами и словосочетаниями, было бы неверным отождествлять слова с понятиями. А именно, данные частицы и слова также могут являться ключевыми в структуре паремивыражений. В языковом отрицании значительную роль играет прагматический компонент. Так, в классификации, предложенной А.А. Сухаревой, не учитываются случаи отрицания, переданные интонационно или фразеологически, в результате объем средств выражения данной категории оказывается неполным. Во-первых, отрицание является формально необходимым элементом структуры, как в следующих предложениях: *Нет времени; Некуда пойти*. Ко второму типу относятся такие предложения, в которых отрицание определено не структурой предложения, а характером информации. Например: *Делу время, потехе час*.

Итак, логическое отрицание, находя свое выражение в естественном языке, тесно связано с языковым, хотя и не тождественно ему. Можно выделить два основных направления, которые сформировались при интерпретации данной категории: через форму выражения отрицания и через его понятийное содержание. Мы придерживаемся понятийной интерпретации, основанной на функционально-семантическом подходе, в соответствии с которым отрицание рассматривается как констатация небытия, «несуществования» рассматриваемой ситуации, либо непричастности явления, признака или предмета к сообщаемой ситуации [см. Орлова]. Однако есть и мнения, согласно которым сущность отрицания определяется не объективными, а субъективными факторами. Сторонником формального подхода можно считать К.Д. Дондуа, рассматривающего отрицание с синтаксической точки зрения. Он называет отрицательным такое предложение, в котором присутствует отрицательная частица [Дондуа; 178]. Следует отметить, что средства выражения отрицания относятся к разным уровням языка, они не ограничиваются лишь рамками предложения. Наряду с отрицательными частицами, к ним относятся и отрицательные префиксы, предлоги, местоимения и наречия, не говоря уже об отрицании, выраженном фразеологически или интонационно. Однако можно сказать, что других сторонников такого формального подхода немного.

Многие исследователи, занимающиеся изучением отрицания, рассматривают его в рамках категории модальности. Так, В. В. Виноградов пишет, что «целый ряд грамматических особенностей, связанных с употреблением отрицательной частицы не (преимущественно при глаголе

и категории состояния), указывает на то, что современному русскому языку не чужды и модальные значения отрицательных частиц» [Виноградов; 550]. Классификации отрицательных выражений предлагали и другие исследователи. Так, типы отрицательных предложений следует выделять на основании специфически формального выражения этой категории в предложении. На этом основании ее классификация включает несколько видов отрицательных предложений: 1) предложения, в структуру которых входит отрицательная форма экзистенциального глагола. Например: *От удивления не станет: ни уменья пересказать тебе, ни сил* (И. Крылов) [Крылов; 132]; *Нет ни сна, ни передыху*; 2) предложения, в которых сказуемое выражено переходным глаголом с отрицанием: *Ни дать, ни взять, ни продать, ни заложить*; 3) предложение, в которых сказуемое выражено непереходным глаголом с отрицанием: *Ни мертвеца рассмешить, ни дурака научить*; 4) предложения, в структуру которых входят местоимения и наречия некого, нечего, некуда, незачем: *Жить весело, да есть нечего*; *Не стыдно молчать, когда нечего сказать*; *Чудо в решетке: дырок много, а вылезти некуда* и др.

Так или иначе, в концепции отрицания, как преодоления ложного знания, отрицание есть чисто мыслительная форма, не относящаяся к самим предметам объективной действительности. Отрицание считается вторичным по сравнению с утверждением; оно используется исключительно для опровержения уже высказанного или подразумеваемого утвердительного суждения как ложного. Отрицательные суждения — это только суждения о суждениях. Изучаемое явление - отрицание, передающее утверждение охватывает сферы взаимопересечения категорий отрицания, утверждения, модальности и оценки. В основе данного явления лежит конфликт между формой и содержанием высказывания. Асимметрия плана содержания и плана выражения в паремиологических выражениях заключается в том, что отрицательная форма используется не в своем первоначальном значении, а для передачи различных оттенков утвердительного и противопоставительного значения: *Ни дров, ни лучины, а живет без кручины*; *Ни курицы, ни кошки, а самоварчик на окошке*; *Ни светило, ни горело, да вдруг и припекло*. Несмотря на то, что оценка может быть положительной или отрицательной, нельзя утверждать, что все оценочные суждения стоят в оппозиции *хороший/плохой*. Ряд экстралингвистических факторов: сложность и неоднозначность окружающего мира, степень познания его человеком, сумма практического опыта в освоении окружающей действительности, отливаясь в языковой деятельности человека и закрепляясь в языковой парадигматике, способствуют созданию системы оценочности в любом развитом языке.

Наше понимание данной категории сводится к следующему. Данная категория на уровне обычных предложений имеет более широкий диапазон функционирования и может быть представлена как в пределах логико-грамматических средств выражения, так и интонационно-синтаксических средств. Этим и обусловлены широкие возможности представления отрицательных смыслов в обычных предложениях: одинарное отрицание, двойное отрицание, имплицитное и фразеологизированное отрицание. В обычных предложениях, помимо отмеченного, отрицание выполняет особые функции актуализации: оно является границей обозначения рематической части высказывания: - *Не я стал героем матча*; - *Этому придавалось не очень-то особое значение*. Очень часты случаи стилизованного употребления отрицания, которое выражается средствами малого синтаксиса: - *А что, я сейчас же зайду в милицию и сообщу...*

- *Я тебе сейчас как зайду, так до новых венков не забудешь.*
(А.Плотников. Пикник)

В паремиологических единицах отрицание, как категориальное свойство высказывания, подобная широкая амплитуда использования исключена. Паремиоконструкции, в силу своей устойчивой формально-грамматической устроенности использует устойчивые формы отрицания.. В них нет проявления двойного отрицания; нет смешанного отрицания, т.е. одновременного сочетания различных форм отрицания. (не + ни, нельзя + ни..., ни). Что касается актуализационных свойств отрицания, то в паремиоконструкциях эти свойства также проявляются в своих устойчивых пределах: в серу актуализации вовлекаются либо сказуемые: *Книги не говорят, а правду сказывают*; *Не бойся вечных мук, а бойся барских рук* (ср. *Бойся не вечных мук, а барских рук*). Вовлечение других членов предложения в рамки актуализации либо исключено, либо не характерно для паремиологических конструкций. Это свидетельствует об ограничениях конструктивных возможностей отрицания в структуре паремий: средства отрицания обслуживают устойчивые формы и тем самым становятся одним из существенных средств фразеологизации паремиологических единиц. Отрицание в данных конструкциях играет исключительно структурирующую роль, в силу чего в паремиях нет образцов контекстуально-обусловленного и имплицитно-интонационного отрицания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. - М., Сов. энциклопедия, 1966. - 608 с.
2. Бахарев, А. И. Отрицание в логике и грамматике. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. - 77 с.
3. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. - М., Наука, 1983. - 212 с.
4. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. Изд-е 4-е. - М., Рус. яз., 2001. - 720 с.
5. Дондуа, К. Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. - М., Наука, 1975. - 319 с.
6. Есперсен, О. Философия грамматики. - М., Изд-во иностр. лит-ры, 1958. - 404 с.
7. Калинина, А. А. Категория утверждения / отрицания в функциональных типах предложений в современном русском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. - М., 2011. - 36 с.
8. Крылов, И. А. Басни. - М., Детская литература, 1965. - 134 с.
9. Орлова, М. Н. О лингвистической сущности отрицания и типах отрицательных предложений в русском языке // Ученые записки Башкирского государственного университета. Сер. Филологические науки. Вып. 75. Уфа, 1973. № 25. - 19-26 с.
10. Русская грамматика-80: в 2-х т. / ред. Н. Ю. Шведова. - М., Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис. - 709 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АСТРАХАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Миронова Екатерина Борисовна

зам. директора по учебной работе Негосударственного образовательного учреждения «Компьютерный центр “Зорго”», Астрахань, Россия

Диалектная речь – бесценный фонд народного языка, который является значимой составляющей национального языка. Особенно стоит выделить начавшуюся в 60-х годах публикацию «Словаря русских народных говоров» (СРНГ). Данный словарь выявил границы распространения диалектных слов, доказав существование различий на уровне лексики и словообразования. А также материалы СРНГ показали, что общенародная лексика, по сути, не является общенародной, а распространена лишь в некоторых областях России.

В 70-е годы XX в. была обоснована необходимость изучения диалектной лексики в лингвогеографическом аспекте, так родилась идея о создании «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ).

Создание ЛАРНГ является одной из актуальных задач русской диалектологии не только потому, что нам неизвестны границы распространения диалектных слов, но и потому, что на современном этапе развития социальной жизни процессы изменения, утраты в них

специфически диалектного протекают особенно интенсивно, поэтому сбор материала должен идти по максимально полной программе.

Важную роль в разработке концепции ЛАРНГ сыграл системный принцип исследования диалектной лексики. Он позволяет глубже понять структуру и типологию диалектных различий. Поэтому при обсуждении «Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» решено было отказаться от дифференциального подхода и положить в основание системный принцип отбора материала. Системный подход предполагает «равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литературного языка и общерусского просторечия» [Попов, Азарх, Вендина, Герд и др. 1993: 329].

Ввиду обширности лексической системы ни один атлас не может во всей полноте отразить системный характер лексики диалектов. Реально возможно изучение определённого круга тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп и семантической структуры отдельного слова. С этой позиции и создавалась Программа и концепция ЛАРНГ. Программа ЛАРНГ включает более 5 тыс. вопросов и строится по тематическому признаку. Программа состоит из следующих крупных разделов: природа, человек, трудовая деятельность, материальная культура, пути сообщения и средства передвижения, традиционная народная духовная культура. Внутри этих разделов выделяются более узкие тематические группы. Увидел свет первый том ЛАРНГ «Растительный мир» в тематической серии «Природа» (раздел I «Программы ЛАРНГ») [Лексический атлас русских народных говоров 2017; Программа 1994].

Вопросы формулируются от значения к слову и от слова к значению, что даёт возможность выявить структурно-семантические и деривационные различия диалектного слова.

При формулировке вопросов учитывалась специфика регулярных синтагматических и парадигматических связей в лексике, которые строятся на принципах подчинения и соподчинения, включения и соположенности (родовые и совидовые отношения), целого и его части. «... В этом случае на карте будут представлены не только слова, но и смысловые и иные отношения между словами» (Мораховская 1977: 42–43). В связи с этим вопросник Программы, например, включает родовые и видовые наименования: Л 450. Река (о.н.), ЛСЛ 499. Берег (о.н.), ЛСЛ 511. Замерзание водоёмов, ЛСЛ 512. Первый тонкий лёд в период ледостава, ЛСЛ 514. Мелкий лёд, шуга, Л 515. Отдельная льдина, ЛСЛ 516. Нагромождения льда, торосы, ЛСЛ 518. Полоса воды между берегом и краем льда и др. [Программа 1994: 38–42].

Данные «Словаря рыбаков Волго-Каспия» Э.В. Копыловой и обширных материалов «Словаря русских народных говоров» позволили выявить большое количество наименований, связанных с состоянием льда на территории Астраханской области: *лопина, окраичный лёд, относный лёд, очки, перволедье, переломы, полынья; припай, прогляя; резун, просос, разводина, разрой, закрайка, залом, затор, сало, ледорез, ледостав, майна, молодик, материковый лёд, стоячая утора, хrapник, шауш, шуга* и др. [Копылова 1984; СРНГ]. Видовой ряд терминов образуется на основании дифференцирующего признака – степени крепости льда. Все лексемы образуют ряд, показывающий, как идёт нарастание этого признака (крепости льда):

- самый первый осенний лёд (некрепкий): *молодик, ледорез, резун; шауш* ‘тонкий осенний плавающий лёд’;
- замерзание реки и установление льда: *ледостав, рекостав*;
- крепкий, зимний лёд: *кряж, материковый, матерой, целиковый лёд*;
- неподвижный крепкий лёд, соединённый с берегом (наивысшая степень крепости): *стоячая утора*.

В астраханских говорах отмечены лексемы, указывающие на уменьшение качества, но уже в другое время года – в конце зимы: *разрой* ‘рыхлый, ноздреватый лёд, тающий с наступлением весны’. В ряде диалектизмов отразилось название степени прочности льда относительно берега: *закрайка* ‘острый тонкий лёд у берега, под которым вода’; *окраичный лёд* ‘лёд у края льдины, за которым начиналась вода’; *черневой лёд* – ‘лёд в чернях, ближний к берегу’; *припай* – ‘лёд, примёрзший плотно к берегу моря, озера или реки’. Устойчивое словосочетание *относный лёд* отражает название льдины, крепкого ледяного массива, на котором находились рыбаки, попавшие в *относ* ‘льдина, которую отнесло ветром в море’. Лексемы *сало* и *шуга* называют начальный этап замерзания воды, когда по воде уже плывут льдинки, сгустившийся снег или лёд со снегом.

Целый ряд диалектных слов называет различные трещины во льду: *джарык, лопина, очки, прогляя, просос, разводина, майна, полынья*; из них:

- небольшие отверстия, трещины во льду – *лопина, джарык, майна*;
- трещина, образовавшаяся под влиянием тёплой погоды – *просос*;
- большие участки чистой воды среди льда – *прогляя, разводина, полынья*.

Группа слов обозначает различные неровности поверхности льда, чаще всего бугры на льду. Например: *залом* ‘ледяной бугор, который образуется неожиданно при усилении мороза’; *лава* ‘огромное ледяное пространство’; *затор* ‘огромное скопление льда’; *ломы* ‘большие глыбы льда, образующиеся при сталкивании льдин’; *перелом* ‘ледяная стена из глыб льда’; *хrapник* ‘неровный, бугристый лёд’; *кусочник* ‘лёд, лежащий набоем’.

Изучение такого многообразного лексического материала с помощью методов лингвогеографии и использованием системного подхода даст значительные результаты, т.к. на картах не только чётко будут вырисовываться ареалы отдельных слов, но и прослеживаться географическая повторяемость границ распространения ряда слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копылова, Э.В. Ловецкое слово: Словарь рыбаков Волго-Каспия [Текст] / Э.В. Копылова. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. – 128 с.
2. Лексический атлас русских народных говоров (ЛЯРНГ) [Текст] – Т. 1. Растительный мир; отв. ред. Т.И. Вендина. – М.: СПб.: Нестор-История, 2017. – 736 с.
3. Мораховская, О.Н. К итогам картографирования ‘названий крестьянского жилища’ [Текст] / О.Н. Мораховская // ОЛА. Материалы и исследования 1977. – М.: Наука, 1979. – С. 196–222.
4. Попов, И.А. Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов [Текст] / И.А. Попов, Ю.С. Азарх, Т.И. Вендина, А.С. Герд, О.Н.Мораховская // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации: Сб. докладов; отв. ред. Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1993. – С. 328–338.
5. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров; отв. ред. И.А. Попов. – СПб: Изд. ИЛИ РАН, 1994 .
6. Словарь русских народных говоров [Текст]. – СПб.: «Наука», 1965–2014. – Вып. 1–49.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФОРМ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Степкин Николай Павлович

доцент кафедры немецкой филологии

Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия

Бударина Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой немецкой филологии

Астраханского государственного университета,

г. Астрахань, Российская Федерация

Письменность образует собственную знаковую систему, отличную от знаковой системы устного языка. Из этого факта многие авторы делают вывод, что человек уподобляется билингу, который в одинаковой мере владеет двумя языками - устным и письменным. А переход от одного языка к другому является, таким образом, своего рода переводом.

С одной стороны, письмо есть созданная людьми вспомогательная знаковая система, которая используется для фиксации звукового языка

(звуковой речи). С другой стороны, это есть относительно самостоятельная система коммуникации, которая, реализуя свою функцию фиксации устного языка (речи), т.е. функцию служить знаковым обозначением другой знаковой системы, приобретает ряд самостоятельных черт. Такой двойственный характер письма и дает возможность либо рассматривать его служебным средством, которое используется для записи звукового языка, либо совершенно независимой знаковой системой коммуникации, которая хотя и имеет связь с устным языком, но, реализуя свои функции, существует самостоятельно. То есть, возможны два подхода к решению вопроса о месте и природе письменной формы коммуникации: 1) признание существования двух форм одного и того же языка – звуковой и письменной; 2) признание существования двух разных, хотя и связанных друг с другом языков - звукового и письменного.

Вопрос о соотношении письменного и звукового языка был поднят в языкознании в сравнительно недавнее время. Почти до конца XIX века письменная форма речи рассматривалась в полном отрыве от устной. Л.В. Щерба критиковал в 1904 г. создателей учебных пособий по русскому языку, которые смешивали звуки и буквы, что приводило авторов к неверным выводам в морфологии [см. Щерба, 1957:16]. И сейчас, если человек специально не занимается языком как лингвист, он, как правило, не осознает фонему отдельно от буквы. Происходит это потому, что ребенок, обучаясь письму, сосредотачивает все свое внимание на том, чтобы запомнить буквы, фонемами он уже интуитивно владеет. Сталкиваясь на письме с буквами, он отождествляет их с уже знакомыми фонемами, и это отождествление остается у него на всю жизнь.

Впервые вопрос о том, что письменная и устная речь являются отдельными формами существования языка, поставил И.А. Бодуэн де Куртенэ, который по праву считается основоположником теории письма. Различая два вида речевой деятельности – произносительно-слуховую и писанно-зрительную, он, однако не противопоставляет их как вполне равноправные. Напротив, он пишет, что «...произносительно-слуховое может возникать и мыслиться совершенно независимо от писанно-зрительного: писанно-зрительное же имеет смысл, осмысливается только в связи с произносительно-слуховым». [И.А. Бодуэн де Куртенэ, с. 219, цитируется по: Зиндер, 1987:11].

Отдельное место в лингвистическом описании устного и письменного языка занимают восходящие частично к идеям, высказанным И. А. Бодуэном де Куртенэ, взгляды на соотношение устного и письменного языка, формулируемые Й. Вахеком, а впоследствии Т.А. Амировой, Т. М. Николаевой и рядом других языковедов.

Письменную и устную нормы Й. Вахек рассматривал как «рядоположенные величины, не подчиняющиеся высшей норме». Связь между ними он объяснял лишь тем обстоятельством, что данные нормы выполняют в языковом коллективе, использующем их, комплементарные функции. Этими

функциями, по Й. Вахеку, являются «функции непосредственной и продолжительной реакции». Доказательство своей точки зрения автор строил на том положении, что письменная и устная нормы обладают разными структурами: «... огромному богатству акустических средств устной нормы противостоит ограниченное количество оптических средств, которыми обладает письменная норма» [Вахек, 1967:529]. Однако это не означает, пишет далее Й. Вахек, что структура письменной нормы менее совершенна, чем структура устной нормы. Устной речи часто приходится прибегать к вторичным средствам выражения там, где письменная норма прекрасно обходится иными условными обозначениями, например, это касается разграничения высказываний на абзацы, которые сигнализируют читателю о том, что речь пойдет о новом отрезке содержания; устной речи приходится искать в этом случае иные способы выражения (например: Теперь перейдем к другой проблеме).

По мнению Й. Вахека, письмо вторично лишь по происхождению, по мере своего развития оно приобретает автономность, так что «с этого момента элементы письменной нормы представляют собой не знаки знаков, а знаки вещей» [Вахек, 1967:533]. То есть, знаки письма не просто отражают звуковой язык, а непосредственно связаны с системой реалий. О значении письменной нормы, по его мнению, свидетельствует то, что для некоторых говорящих письменная норма становится основой всей языковой деятельности, а сама письменная норма является базой, на которой вторично строятся новые системы (телеграфный код, система стенографии и т.д.). Таким образом, Й. Вахек признает письменный и звуковой языки как относительно автономные знаковые системы.

Вслед за Й. Вахеком Амирова Т.А. придерживается мнения, что узкотрадиционное использование «признака линейности как критерия различения устного и письменного языка оказывается недостаточным» [Амирова, 1985:39-40]. Признак линейности подразумевает недискретность устной речи, то есть невозможность ее членения в потоке речи, в то время как в письменной речи уже изначально заложена отдельность букв. Автор считает, что использование понятия дискретности/недискретности в отношении устной и письменной речи является неадекватным. Анализ потока звучащей речи, тем более с использованием специальной аппаратуры, легко это обнаруживает. Рассматривая письменный язык как исторически новую по сравнению со звуковым языком общественно отработанную систему, автор относит его к новому виду коммуникативной деятельности. По мнению Т.А. Амировой, звуковой язык не просто воспроизводится в письменной коммуникации, но даже дополняется и замещается ею. Так же как и Й. Вахек, Амирова Т.А. считает, что письменный язык способен выступать «как непосредственная действительность мысли» [Амирова, 1985:44].

В качестве главного аргумента в пользу своей точки зрения Амирова

Т.А. приводит тот факт, что материально-субстанциональное начало письменного языка коренным образом отличается от звуковой субстанции языка устного, то есть письменные знаки и буквы образуют разные знаковые системы. Отсюда Амирова и выводит термины: письменный язык и устный язык, - и делает вывод, что эти языки выступают «как знаковые системы, каждая из которых характеризуется собственными параметрами, относящимися и к так называемым схемам, и к их реализациям» [Амирова, 1985:45].

Близкой в теоретическом отношении взглядам Й. Вахека также является позиция, занимаемая Т.М. Николаевой. Т.М. Николаева анализирует различия свойств письма вообще, письменной речи и письменного языка. Письмо рассматривается ею как система знаков, выражающих письменную языковую норму. Письменную речь вслед за Й. Вахеком Т.М. Николаева определяет как особую языковую норму, реализующуюся в письменном тексте. Письменная речь характеризуется: 1) специфическими средствами выражения (знаки алфавита, пунктуационные единицы, абзац, пробел, курсив и т.д.); 2) своими единицами (буквы и слова) и 3) своим строем. Т.М. Николаева выделяет два языковых стандарта, две нормы - письменную и устную. Письменная речь, по ее мнению, должна рассматриваться как особая языковая норма, реализующаяся в письменном тексте [Николаева, 1963:78-79].

Солнцев В.М., придерживаясь противоположной точки зрения, полагает, что имеются основания говорить о двух формах одного и того же языка - устного и письменного. Сравнивая два текста - письменный и устный - автор приходит к выводу, что различаются они только на уровне субстанционального материала. «Их структуры изоморфны. Грамматические правила у них одни и те же. Лексика различается не своими значениями, а своей материальной оболочкой» [Солнцев:9].

Солнцев В.М и Амирова Т.А. выделяют ряд особенных черт, присущих письменной форме коммуникации. Письмо характеризуется временной протяженностью и большей степенью нормированности, упорядоченности и стандартизации, чем устная речь.

Той же точки зрения придерживается и Иоганнес Фридрих, автор работы «История письма». Как бы расширяя понятие, приведенное В.М. Солнцевым о том, что письмо обладает некоторой временной протяженностью, он указывает, что в то время как речь имеет моментальный характер и ограничена во времени и пространстве, написанное слово способно преодолеть пространство и время. Однако с этой целью и было создано письмо [см. Фридрих, 1979:30].

То, что письмо более консервативно, чем устная речь - факт, признанный многими авторами. Как известно, бесписьменные языки более зыбки и текучи, чем языки, имеющие письменные традиции. «У народов бесписьменных речь изменяется легко и быстро, распадаясь на отдельные

диалекты, или смытаясь под потоком письменных языков, или же, наконец, вырождаясь, смешиваясь с другими языками и полностью растворяясь в них» [Лоукотка, 1950:14].

Нормированность, стандартизация письменного языка отражается на устном. Спротивляясь каким бы то ни было языковым изменениям, письмо оказывает сдерживающее влияние на устный язык, так что какие-либо значительные изменения в устном языке народов, обладающих письменными традициями, могут охватывать целые столетия, в то время как у бесписьменных народов эти изменения могут происходить столь быстро, что речь одного поколения будет совершенно непонятной другому.

Однако нормированность и стандартизация письма нередко приводили к застыванию письменной речи в определенных формах. Этот процесс заходил порой настолько далеко, что письменная речь становилась совершенно непонятной народу. Такие расхождения В.М. Солнцев именуется «ножницами». В качестве примера возникновения подобных «ножниц» автор приводит древний китайский язык вэньянь, который постепенно превратился в чисто письменный язык. Дефиницию «устный язык» и «письменный язык» в данном случае автор считает оправданной. Но совершенно другого мнения придерживается В.М. Солнцев в отношении современного звукового языка, функционирующего в обществе, письменная форма которого не создает нового языка, так как помимо того, что письменная форма не создает новой грамматики или лексики, в ней могут быть зафиксированы все стили устного языка. Из этого автор делает вывод, что письменная форма была и остается лишь фиксатором, «службой» устного языка и «основным источником сведений о структуре и лексике языка» [Солнцев:11]. Опровергая возможность непосредственной связи письменной формы языка с мышлением, автор также приходит к тому, что, хотя на практике и встречаются ситуации такой прямой связи, письмо было создано и остается фиксатором не мысли, а языка: «Знаки письма по происхождению - это «знаки знаков» прежде всего, а не знаки «мыслительных констант» - значений» [там же:17]. Следовательно, говорить об автономности письма даже в этом аспекте нет необходимости.

Зиндер Л.Р. также говорит о том, что «вторичность письменной формы задана с самого начала. Вопрос о ее автономности совершенно неуместен» [Зиндер, 1987:43]. Зиндер Л.Р., отводя письму роль кода, «службы» устной речи, не отказывает ему в самостоятельности и считает, что уже только историческое и генетическое предшествование устной речи письму не дает нам право выделять письмо как совершенно независимую систему. Существенное субстанциональное различие между устной и письменной формами речи автор видит в дискретности письменной формы и недискретности устной: «Лингвистическая дискретность является

результатом языкового, смыслового анализа, проводимого носителем языка...» [там же:32]. Членимость письменной речи задана с самого начала.

Иной позиции придерживается В. Мотш, определяющий естественный язык как грамматику, система выражения которой в зависимости от субстанции будет называться «фонемный компонент» или «графемный компонент». Он считает, что если и признавать язык письменный наряду с устным, то он будет отличаться от последнего лишь формами плана выражения, в то время как план содержания будет у них одним и тем же. И отношение языка письменного к устному будет, таким образом, зависеть от того, признается ли план выражения как переменная или как константа. Но он считает, что эту зависимость нельзя доказать лишь на основе сравнения этих систем. По мнению автора, нет также психофизиологической необходимости рассматривать звуковую систему как примарную, так как «внутреннее озвучивание» не обязательно является предпосылкой для понимания письменного языка, и, кроме того, можно изучить иностранный язык лишь на основе письменных текстов [ср. Мотш, 1963:92-95].

Истрин В.А., отстаивая позицию письма как неравноправного со звуковой речью средства выражения языка, доказывает свою точку зрения, опираясь на учение И.П. Павлова о языке, рассматривающего его как «вторую сигнальную систему». Допуская мысль о том, что письмо может являться «третьей сигнальной системой», возникшей на основе второй, он приводит ряд доказательств того, что «письмо, не внося принципиальных изменений в характер и условия человеческого мышления, не создает нового биологического вида, в то время как слово, язык выделяет человека из животного мира как существо, способное мыслить обобщенно и отвлеченно» [Истрин, 1961:11]. Истрин В.А. отводит письму исключительно вспомогательную роль, так как, по его мнению, оно «служит для закрепления и передачи звуковой речи» [там же:17].

Исходя из вышеизложенного, мы склоняемся к точке зрения тех авторов, которые, признавая самостоятельность письма, считали неверным говорить о существовании двух языков – письменного и устного. Письмо зародилось как вспомогательное средство выражения звуковой формы языка и, пройдя большой путь развития, таковым и остается. В противном случае можно было бы, по аналогии с тем, что существуют целые бесписьменные народы, предположить существование народов, не обладающих звуковым языком, но имеющих письменные традиции. Но даже лингвист признает это мнение абсурдным. Авторитет устного языка подтверждается исторически: письмо значительно моложе звукового языка. Потребность в письме возникла сравнительно недавно: звукобуквенное письмо существует не более 3000 лет, а первичные формы письменной речи появились 6-8 тыс. лет назад. Да и в жизни каждого нормально развивающегося человеческого индивида овладение устной

формой существования языка происходит раньше усвоения письма. Кроме того, едва ли можно согласиться с мнением Т.А. Амировой о способности письменного языка выступать непосредственной реализацией мысли: мы уже однажды писали, что любой школьник, любой студент могут подтвердить, что, готовясь к занятиям, экзаменам, они перечитывают трудные для понимания места, проговаривая их про себя или даже вслух [см. Степкин, 2000].

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирова Т.А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. [Текст] - М.: Наука, 1985. - 286 с.
2. Вахек Й. К проблеме письменного языка. [Текст] // Пражский лингвистический кружок». М., 1967.- 559 с.
3. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. [Текст] – Л.: Наука, 1987. - 109 с.
4. Истрин В.А. Развитие письма. [Текст] - М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1961. – 396 с.
5. Лоукотка Ч. Развитие письма. [Текст] - М.: Изд-во иност. лит., 1950. -319 с.
6. Мотш В. К вопросу об отношении между устным и письменным языком // Вопросы языкознания. [Текст] 1963, № 1. - 90 с.
7. Николаева Т.М. Письменная речь и специфика ее изучения. [Текст] // Вопросы языкознания. 1963, № 3.- 86 с.
8. Солнцев В.М. Язык и письмо. [Текст] Предисловие к работе Амировой Т.А. Функциональная взаимосвязь устного и письменного языка. — М., 1985.
9. Степкин Н.П. К вопросу о месте письма, письменного языка и орфографии в современных лингвистических исследованиях. [Текст] // Вопросы общего и частного языкознания в высшей школе. Сборник научных трудов. Вайсгерберовские чтения в МПГУ. М.: Изд-во МПГУ, 2000. – с. 218-225.
- 10.Фридрих Й. История письма. [Текст] - М.: Наука, 1979. - 464 с.
- 11.Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. [Текст] - М., 1957.

LINGUISTIC STATUS OF THE SPEECH GENRE

Pavlova Gulnara Shamilevna

assistant of the English language department for economic specialties
Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

The interest of modern linguistics in the speech genre problem was due to a number of factors. Among them the main one can be called the desire to identify the basic unit of speech, the role of which can be claimed by the speech genre, and a pragmatic approach to the problems of colloquialism in general.

In the scientific theory of genres, there are many classifications of genres of business communication. They are based on various typological approaches.

Following T.V. Shmeleva, we believe that the most important genre-forming factor is the "communicative aim", and we agree with her classification

of genres which are divided into four groups: informative, imperative, evaluative and etiquette.

- Informative, the purpose of which is various operations with information; its presentation or request, confirmation or refutation.

- Imperative, which purpose is to cause the implementation of a special event, an act in the social sphere, provided for by the etiquette of the given society.

- Evaluative, which purpose is to change the state of health of the participants in communication, correlating their actions, qualities and all other manifestations with the scale of values adopted in the given society.

- Etiquette genres, the purpose of which is the implementation of a special event, an act envisaged by the etiquette of this society [Shmeleva 1997: 91-92].

All genres, to which of the above groups they belong, are influenced by cultural and social factors. Such a system of genre division can not be called permanent. The same applies to genres of official and business style. The genres of business communication dynamically develop and change depending on the requirements of life.

M. Bakhtin wrote: "A new type of communication always generates new forms of verbal life: new speech genres, rethinking or abolition of some old forms, etc." [Bakhtin 1979: 257].

According to F.L. Kositchkaya "Speech genre is a unit of speech, a typical model, united by the purpose, theme and composition, embodied in one or many texts, realized with the help of verbal and non-verbal means and consisting of one or several speech acts."

O.B. Sirotinina proposes to separate genres into verbal (in the absence of a specially planned, consciously used construction of speech and the use of certain language means in it) and rhetorical (in the case of conscious planning and use of certain means) [Sirotinina 1999: 25].

K.S. Sedov defines speech genres as "the linguistic design of typical situations of social interaction of people" [Sedov 2004: 67]. He considers the speech genre as an element of discourse - "an objectively existing sign structure (verbal and non-verbal) that accompanies the process of social interaction of people".

M.Yu. Fedosyuk contrasts the "elementary" and "complex" genres: "in this case, elementary speech genres should be understood as such thematic, compositional and stylistic types of texts, in which there are no components, and they can be qualified as texts of certain genres. Complex speech genres would have to be considered types of texts, consisting of components, each of which, in turn, has relative completeness and represents the text of a certain genre" [Fedosyuk 1997: 71].

Another variant of the typology of speech genres belongs to V. V. Dementiev. The researcher proposes to take as a basis for the classification proposed by T.G. Vinokur - the opposition of two polar speech ideas - "fatics"

and "informatics". "Fatics" is the entry into communication, which is preferably the communication itself. "Informatics" is understood as entering into communication, which aims to inform something [Dementiev 1997: 18].

I.S. Lobashevskaya gives the following algorithm for studying speech documents [Lobashevskaya 2007: 46]:

1. Extralinguistic features:

- the sphere of functioning of the speech work;
- features of communicants (addressee, recipient and addressee) and relations between them;
- content: typical (typical for the genres of a certain business sphere of communication) and specific (thematic content of this speech work);

2. Composition-structural parts of the genre and their functional purpose:

- arrangement and execution of the details of the document;
- features of the layout of the text part of the document;
- features of composition and graphic design.

3. Style features and their influence on the language of the document:

- prescriptive character of speech;
- objectivity;
- accuracy;
- non-personal nature of the presentation;
- standardization.

4. Language features:

- lexical;
- morphological;
- syntactic.

The given algorithm, in our opinion, allows to reveal the features of text construction more fully and to determine the main genre-forming features of any text.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. Esthetics of verbal creativity. - M.: Iskusstvo, 1979-P.260.
2. Dementiev V.V. Factic and informative communicative ideas and communicative intentions: problems of communicative competence and typology of speech genres // Genres of speech: Collection of scientific articles. - Saratov: Publishing House of the State Educational and Scientific Center "College", 1997.-P.9-24.
3. Fedosyuk M.Yu. Investigation of the means of speech influence and the theory of speech genres // Genres of speech. Saratov, 1997 (a).- P.66-88.
4. Lobashevskaya I.S. Genres of official and business writing. Petropavlovsk-Kamchatsky, Kamchatsky State University, 2007
5. Sedov K.F. Discourse and personality. M., 2004.
6. Sirotinina O.B. Some reflections on the terms "speech genre" and "rhetorical genre" // Genres of speech: Collection of scientific articles. - Saratov: Publishing House of the State Educational and Scientific Center "College", 1999. - P.20-31.
7. Shmeleva T.V. Model of the speech genre // Genres of speech: Collection of scientific articles. - Saratov: Publishing House of the State Educational and Scientific Center "College", 1997. - P. 91-92.

Общетеоретические и частные проблемы перевода

ПРИНЦИПЫ ПЕРЕДАЧИ КОНЦЕПТНОЙ СЕМАНТИКИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Гамидова Лейла Ильяс кызы

доктор философии по филологическим наукам, доцент кафедры
иностраных языков Азербайджанского университета языков, Баку,
Азербайджан

Переводу устойчивых словесных комплексов (УСК) уделяется немало внимания в теоретических работах, в работах не только по переводу художественной, публицистической, общественно-политической литературы, но и во многих публикациях по теории фразеологии и сопоставительной лингвистике. Вопросы, связанные с этой проблемой, рассматриваются по-разному, рекомендуются различные методы и методы перевода, которые представляют зачастую достаточно субъективные подходы и мнения. Общеизвестно, что многие конструкции УСК являют собой многомерные единицы. Их многомерность проявляется не только на уровне семантики, или структуры. Чаще всего отмеченная многомерность обнаруживает себя на уровне коммуникативной, контекстуальной заряженности. Поэтому каждой конкретной ситуации требуется индивидуальное решение, при котором основная роль принадлежит восприятию инвариантной семантики или структуры. В каждой конкретной ситуации требуется индивидуальный подход. Но основная роль здесь принадлежит восприятию языковых концептов самим переводчиком. Именно этими единицами и структурами говорящий оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности. И переводчик должен ощутить себя частью той культуры, на языке представителей которой написан тот или иной текст, перенося в мыслительный процесс образ или концепт, должен вжиться в него, сделать единственно возможным и в то же время соответствующий данному образу вариант перевода.

Однако, следует учитывать и то, что помимо мастерства переводчика на качество перевода УСК влияет и множество иных факторов, таких, как заказчик перевода, совокупность культурных знаний потенциального получателя, характер взаимоотношений культур и другие.

В последнее время, в современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к проблеме исследования понятия концепта, который, на наш взгляд, обусловлен отсутствием его однозначного понимания.

Вся познавательная деятельность человека направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться

в этом мире на основе полученных знаний. Концепты — определенные структуры знаний, они являются базовыми элементами системы знаний о мире. Первоначально понятие «концепт» не воспринималось в научной литературе как термин. Так, в философском словаре указанный термин имеет следующее толкование: а) формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие; б) в логической семантике — смысл имени [Ильичев 1983: 189]. В конце XX-го века в связи с переводами англоязычных авторов на русский язык усиливается интерес к проблеме понятия «концепт». При этом слово «концепт» объясняется следующим образом: мысль, понятие, смысловое значение имени, знака, то есть содержание понятия, у которого есть предмет (денотат) этого имени. «Полисемия» трактовки концепта стала предметом анализа в специальной работе, которая обусловила появление концептологического направления в современной науке о языке — в статье С.А. Аскольдова «Концепт и слово». Неоднозначность в понимании данного феномена прослеживается в работах современных исследователей. Обратим внимание на понятие «концепт» в перспективе изменяющегося русского слова и с учетом его экспликации в русском сознании философски и лингвистически. Представляется он по-разному: — *концепт* (как элемент языкового сознания) является первичной оперативной единицей когнитивной семантики — семантическим эмбрионом, или смысловым геном значения языкового знака [Алефиренко 2006:228]. Концепт — это единица коллективного знания/ сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [Воркачев 2001: 47]; Концепт — основная единица ментальности, выражающая значения «национального колорита», концепт — «своего рода росток первообраза», первосмысл. Он представлен в своих содержательных формах, обусловленных этнокультурной семантикой, как образ, как понятие и как символ [Колесов 2004:19].

Следует отметить, что любой человек, своего рода «концептоноситель», который может по-разному расшифровать концепт в зависимости от сиюминутного контекста, а также от своего культурного опыта. Концепт — средство представления культурной темы в языке, «основная ячейка культуры в ментальном мире человека». Основная форма концепта — языковая форма — слово или словосочетание [Степанов 1997: 534]. Концептуальная система представляет собой все многообразие концептов, которыми человек оперирует, как в процессе обработки поступающей к нему информации, как в процессе речемыслительной деятельности, так и в переводческом.

Что касается УСК, то в само понятие «устойчивые словесные комплексы» мы включаем те, которые отличаются от свободных сочетаний слов. Свободное сочетание слов создается по грамматическим нормам данного языка при языковом общении по заданию каждой предлагаемой речевой ситуации для выражения определенной мысли. Общий смысл

свободного сочетания складывается из значения каждого из составляющих его слов. Таким образом, свободное сочетание представляет собой концептуально свободное синтаксическое словосочетание. В несвободном же сочетании, как правило, каждый из компонентов утрачивает свою семантическую самостоятельность и образует с другими одно неразрывное концептуально закрепленное устойчивое значение. Устойчивость словосочетания обуславливается тем, что оно состоит из строго определенных слов, причем замена одного из его компонентов другим невозможна без нарушения смысла, за исключением случаев вариативности. Таким образом, устойчивость выражается закреплённостью формы, определенного значения, большей или меньшей семантической целостностью и традиционностью употребления. В данном случае, понятие концепта в отношении УСК воспринимается как «абстрактный денотат в коннотате», т.е. именно категория устойчивости позволяет воспринимать простейшую или сложную синтаксическую единицу как некий единый образ, имеющий в структурно-семантическом составе фразеологизированность как концептуальную категорию данных комплексов, так как данные комплексы могут не иметь в родном языке ни эквивалентов, ни аналогов, непередаваемы в словарном порядке. Концептуальная основа УСК составляет инвариантное поле и основной смысл интерпретируется как отражение когнитивного признака концепта, например: сравним антонимичный вариант: *Жена без мужа – всего хуже.* – *Ərsiz arvad cilovsuz at.* Подобные единицы переводят либо фразеологизмом, либо иными описательными средствами. Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода УСК различной степени близости между единицей ИЯ (исходного языка) и соответствующей единицей ПЯ (переводящего языка) — от полного и абсолютного эквивалента (при его наличии) до приблизительного, синонимического фразеологического соответствия. Нефразеологический перевод, учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений). Для достижения максимальной адекватности при переводе фразеологизмов с русского на азербайджанский переводчик должен уметь воспользоваться различными способами перевода. *Стужа да нужна, а лучше худого мужа.* Данная пословица не имеет эквивалента в азербайджанском языке, так как национальное концептуальное мышление не позволяет воссоздания подобной «картины мира» в азербайджанском языке: *Ərin əbləhindənsə, olmatası daha xoşdur.* К русскому выражению невозможно подобрать адекватный фразеологически и синтаксически связанный концепт, совпадающий с азербайджанским аналогом. Для достижения максимальной адекватности при переводе фразеологизмов с русского на азербайджанский переводчик должен уметь воспользоваться различными

способами перевода. К русскому фразеологическому обороту порой невозможен подбор, совпадающий с азербайджанским оборотом и по смыслу, и по образной коннотативной основе. Данной ситуации коннотация остается на заднем плане. Общим для данных подходов является утверждение неоспоримой связи языка и культуры. Расхождение обусловлено разным видением роли языка в формировании концепта. Разные формы выражения концепта позволяют обозначить его признаки. Разнообразие форм познания человеком мира определяет разные способы формирования концептов в сознании человека: (на основе чувственного опыта; в предметно-практической деятельности; в познавательной и мыслительной деятельности; на основе вербального и невербального общения). Они (концепты) являются минимальными единицами человеческого опыта в своем идеальном представлении, основной единицей обработки, хранения и передачи знаний, «выступает своеобразным элементом концептуальной системы или системы знаний о мире». [Беседина 2016: 85]. Иначе говоря, при ориентации на концепт, в процессе перевода необходимо уточнить границы концептуальной эквивалентности – соотношение между концептами ИЯ и ПЯ. Случаи полной эквивалентности УСК возможны в случаях совпадения результатов концептуального мышления. В переводе УСК реальны случаи полной эквивалентности, или случаи отсутствия эквивалентности. При отсутствии полной эквивалентности предпочтителен адекватный перевод – передача смысла самого концепта, но вероятность адекватного восприятия читателем данного смысла не гарантирована, в отличие от свободных синтаксических конструкций. Данные единицы, то есть УСК отражают «национальную концептосферу», и отражаются «...как реальные, существующие в концепте, но относящиеся к периферии когнитивного сознания народа. Такие когнитивные признаки включаются в описание концепта, но как принадлежность крайней периферии концепта.» [Попова 2010:57] Наличие таких признаков подтверждает относительную автономность существования в сознании народа концептосфер УСК. Так, например, концептуальную эквивалентность мы наблюдаем в случае соотносительности единиц «*С паршивой собаки хоть шерсти клок*» – “*Donuzdan bir tük də qənimətdir*” [Гамидов 2009:515] даже если в конструкциях наблюдается некоторая «недостаточность» в лексическом наполнении единиц. Недостаточный параллелизм в лексическом наполнении обеих УСК компенсируется достаточной смысловой эквивалентностью базовых концептов, строго говоря, единого для обеих конструкций концепта «при невозможности получить нечто большее, следует удовлетвориться и незначительным.

Лексическая связанность оказывается внутренним свойством синтаксической модели, воплощающей в себе концептуальное единство. «Единое мыслительное» выражается в некоторых единицах типа: *открыть*

душу, находить общий язык, обвести вокруг пальца – *könlünü asmaq, dil tapmaq, barmağına dolamaq* и т. п. Что касается концепта фразеологической единицы русского языка разделать под орех, то в данном случае мы имеем дело с двумя расхожими значениями в азербайджанском языке. Каждое из подразумеваемых значений в русском языке имеет свой эквивалент на азербайджанском: 1. Сильно ругать - *abırını atəyinə tökmək*; 2. Одержать верх в бою, драке - *ağzını qanatmaq/partlatmaq*. Несмотря на то, что в русском языке значение *одержать верх в бою* может быть выражено узко ситуативно в форме *расквасить нос/зубу*, одна концептосфера с двумя синонимичными значениями имеет двойное выражение в ПЯ, так как ситуативное восприятие реальности у каждого социума различное, что выражено сугубо национальным восприятием реальной действительности.

В данном аспекте можно рассматривать значительное количество примеров, например: *лиха беда начало* (имеется продолжение данной фразеоединицы – *а там близок и конец*) – *Всякий знает: лиха беда начало*. Первая часть фразы переводится как минимальная единица перевода – слова: *всякий, знает*, выбирая вариантные соответствия в азербайджанском языке, стилистически подходящее *hər kəs*, соответствующее русскому *каждый*, так как стилистически вариативный потенциал азербайджанского языка не столь богат в плане местоименных форм. Вторая же часть фразы – фразеологизм, а именно – пословица, которая в любом речевом жанре, при любом информационном составе текста несет важные функции: передать информацию компактным образом, с оттенком просторечия, а может служить и элементом ритма текста. Рассматривая всю пословицу как единое семантическое целое, в качестве единицы перевода мы избираем модель предложения. Так или иначе, определяя вариант, мы ориентировались на то, что перед нами текст журналистского эссе, основа стиля которого – письменная литературная норма. Нефразеологический перевод, учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений).

Следует также учитывать, что процесс перевода – это поиск, и переводчик может вести свой поиск вслепую, случайно попадать в точку или впросак. А для техники перевода продуктивнее всего попробовать пойти аналитическим путем – «путем холодного расчета». [Алексеева 2012:341]. Некоторые концепты могут быть коммуникативно нерелевантными для другой культуры. В таком случае они транслируются только в статусе «концепта-минимума» в силу невозможности передачи всей смысловой палитры, воплощающей чужеродную концептосферу. Для разработки стратегий трансляции на другой язык идентичных или близкородственных концептов эффективной представляется методика сопоставительного анализа концептов разных культур на пути поиска

переводческого эквивалента. Жанровая дифференциация текста имеет непосредственное отношение к механизму перевода, к переводческой стратегии. Прежде всего, переводчик должен сделать принципиальный выбор – сохранить ли конвенции исходного текста, или заменить их конвенциями языка перевода с целью передачи концепта. Таким образом, в данном случае перевод может быть определен не только как процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, а как процесс, характеризующийся установкой на передачу концептуального смысла с сохранением коммуникативного эффекта первичного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение.: учеб. пос. - М., Академия, 2012. - 341с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиолог. синергетика слова / Н.Ф. Алефиренко; Белгор. гос. ун-т. Волгоград: Перемена, 2006. - 228 с.
3. Беседина, Н.А. Концептуальный и семантический уровни (проблемы разграничения и взаимодействия) / Н.А. Беседина // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы междунар. науч. конф., г. Белгород, 11–13 апр. 2006 г; БелГУ. Белгород, 2006. Вып. 9, ч. 1. 85–90 с.
4. Воркачев, С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. 47–58с.
5. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов.— СПб.:Петербург. востоковедение, 2004.- 240 с.
6. Попова, З.Д. Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. - М., 2010. - 314 с.
7. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С. Степанов.- М.: Яз. рус. культуры, 1997. 824 с.
8. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и [др.]. 1983, М.: Сов. энцикл., 1983. - 840 с.
9. Гамидов, И.Г., Гамидова, Л.И. Азербайджанско-русский, русско-азербайджанский словарь пословиц и поговорок. – Баку, Техсиль, 2009

АНАЛИЗ И СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА КИНОТЕКСТА

Кустова Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры перевода

Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

С развитием кино- и телеиндустрии фильмы стали считаться отдельным видом искусства, появилась их жанровая классификация. Эти жанры объединены аудиовизуальным характером презентации материала, многослойным взаимодействием различных способов передачи и восприятия информации, влияющим на смыслообразование (поликодовый

характер кинотекста). Также на современном этапе исследования кинотекста можно утверждать, что все они обладают высокой степенью культурной значимости, иными словами – культуроспецифичностью. Однако различные кинотекстовые жанры существенно различаются 1) по эстетическим и прагматическим параметрам; 2) по характеру функционирования культурных смыслов в каждом из них. Соответственно, каждый из жанров и видов кинофильма диктует свои принципы к формированию стратегии перевода. Сегодня мы предлагаем рассмотреть взаимодействие прагматического и культурного параметра переводческого анализа кинотекста на примере художественного фильма, научно-популярной лекции и научно-популярной передачи.

С полным правом можно говорить о переводческом анализе текста применительно к процессу перевода кинопродукции, так как этот перевод является подготовленным, редактируемым и в этом плане максимально приближенным по своей сути к письменному переводу. Его отличительной особенностью является постоянный учет поликодового, а именно аудиовизуального характера текста.

Целью переводческого анализа текста, как известно, является формирование стратегии перевода, однако нет единого мнения о том, что именно подразумевает данный термин. На данный момент этот вопрос является одним из самых дискутируемых в теории перевода. Одни исследователи основывают определения и классификации стратегий перевода на исключительно текстовых характеристиках (в их число входит известное разграничение стратегий доместикации и форенизации Л. Венути), другие рассматривают стратегию перевода как последовательность/совокупность действий, которые переводчик осуществляет с целью решения определенной проблемы (Дансетт, Х.Крингс). Часто термин «стратегия перевода» используется в значении «как надо переводить, искусство перевода» или «план действий, вырабатываемый переводчиком». Во многих случаях этот термин означает конкретные переводческие приемы: «стратегия подстановки прямых и синтаксических соответствий» (последнее – как правило, в лингвистической теории перевода).

В то же время вряд ли можно говорить об изначально заданном (или выработанном) алгоритме переводческих действий, но, скорее, речь идет о некотором прогнозе относительно переводческого процесса, а не о четком перечне действий, что справедливо отмечает В.В.Сдобников [Сдобников 2015: 142]. Опираясь на опыт письменного перевода, действительно, можно согласиться с тем, что в его процессе решения могут приниматься довольно гибко и ни в коем случае не представляют собой механическое выполнение заданных действий. И здесь встает вопрос об ориентире принятия переводческих решений, который определенным образом

проявляется как в процессе письменного перевода, так и в транслатологических исследованиях.

Примерная схема переводческого анализа, применяемая на современном этапе обучения письменному переводу, включает анализ прагматических параметров (цель и коммуникативные задачи текста, категории автора и адресата текста и пр.) и категориальных особенностей исходного текста (темпоральность, модальность, культуроспецифичность и пр.), которые являются исходными для лингвистических характеристик текста. В целом реализуется лингвопрагматический подход. Наблюдения свидетельствуют о том, что целесообразным, хорошо работающим на практике является принцип, когда центром переводческого анализа становится не столько исходный текст, сколько ситуация перевода данного текста, где исходный текст является лишь ее частью. В ситуацию перевода, кроме исходного текста, входит коммуникативная цель перевода (не цель исходного текста, а именно перевода) – то есть, для чего данный текст попадает в принимающую культуру, адресат перевода (а не только адресат исходного текста), то есть из лингвопрагматического переводческий анализ становится, скорее, дискурсивным. Важным при этом является то, что перечень параметров ситуации перевода не является окончательным и не может быть сформирован в виде какого-либо полного списка, так как он каждый раз диктуется условиями самой ситуации. Например, при переводе медиатекста важным может стать учет политической ситуации, при переводе технического текста – учет технического регламента, экологических норм. Любопытно, что действия прагматической адаптации при переводе не являются чем-то новым, но производятся либо уже в процессе перевода, либо его редактирования, также являются популярной темой научных исследований, но редко заложены в основу переводческого анализа.

Еще один важный момент в построении стратегии перевода – определение актуального для ситуации перевода фокуса (ориентира) принятия переводческих решений. Именно в нем сосредотачиваются все выводы анализа ситуации перевода, с учетом не только особенностей исходного текста, но и особенностей его вхождения в принимающую культуру. Он не может быть общим для целого типа текстов и требует от переводчика чуткого отношения к материалу.

На примере трех видов кинотекста были сделаны выводы о формировании данного фокуса.

Ситуация 1. При анализе перевода художественного фильма «Облачный атлас» таким фокусом стала расшифровка образа персонажа на основе выявления системы различных маркеров. Право на такое утверждение дает анализ тактик прагматической и хронологической адаптации текста при переводе, так как маркеры хронотопа и социального статуса в данном произведении оказались наиболее выраженными и

обладающими особой стилистической функцией – стержневой в системе образов персонажей.

Ситуация 2. При переводе публичной научно-популярной лекции таким фокусом становится цель коммуникации, которая ориентирована на эффективное воздействие на адресата. Таким образом, при разработке стратегии перевода научно-популярной лекции целесообразно выделить коммуникативно-прагматические параметры, обеспечивающие реализацию основных коммуникативных интенций автора.

Ситуация 3. Другим ориентиром принятия переводческих решений (в более ограниченном количестве случаев, что связано с содержательной спецификой текста) при переводе научно-популярного кинотекста может стать культурная составляющая. Однако с полной уверенностью можно говорить о том, что с учетом множества разных нюансов, модифицируясь и принимая разные формы, культурная составляющая очень часто является ориентиром, лежащим в основе стратегии перевода.

Фактор культуры функционирует в процессе перевода не как отдельно взятый феномен, а в тесном взаимодействии с прагматическими параметрами. Кроме того, сама культурная составляющая не является однородной и одномерной: она включает как признаки, относящиеся к исходной культуре (социокультурные условия употребления средств выражения, ситуации, события, этнокультурная принадлежность автора текста, авторская модальность, коммуникативное взаимодействие автора с адресатом исходного материала, если он изначально не предназначен для перевода), так и особенности принимающей культуры (этнокультурная принадлежность переводчика и адресата как языковых личностей, экстралингвистический контекст принимающей культуры).

Исследования в области киноперевода объединены необходимостью учитывать различные виды контекстов при анализе и переводе аудиовизуальной продукции.

В основе прагматической интерпретации культурных смыслов лежит вертикальный контекст. Под вертикальным контекстом понимается объективно существующая вне произведения информация историко-филологического, социокультурного и материально-исторического характера, которая актуализируется в произведении и без знания которой невозможно его полноценное понимание [Аксютин 2013: 23]. Такое понимание возможно, если фоновые знания адресата включают в себя данную информацию. Изначально вертикальный контекст изучался в филологической школе Московского университета (Ахманова О.С., Гюббенет И.В.) только на материале художественных произведений, но сегодня многие ученые говорят о том, что понятие "вертикальный контекст" применимо не только к художественным текстам, но и любым другим, так как в любом тексте присутствует филологическая,

историческая, культурная, политическая, географическая и т.п. информация.

Выделяют глобальный вертикальный контекст (образ жизни, понятия, представления и т.д. определенного общества или его слоев), вертикальный контекст произведения (историко-филологическая информация, объективно заложенная в произведении) и социально-исторический (упоминание географических названий, исторических фактов, событий и имен). Так, в научно-популярном и публицистическом дискурсе вертикальный контекст помогает реализовывать одновременно две функции – функцию сообщения и функцию воздействия. Научно-популярная лекция воздействует на людей, формирует их мнения: автор дает собственную (зачастую экспрессивную) оценку событиям.

Вертикальный контекст реализуется посредством интертекстуальных отсылок, определяемых как значимые с точки зрения идейно-художественного содержания произведения отсылки к другому географическому, историческому, политическому, социальному, литературному или культурному тексту в широком смысле слова, то есть выраженному средствами той или иной семиотической системы (не обязательно в вербальной форме) [Аксютин 2013: 24].

Особое значение при анализе кинотекста приобретают понятия культурного и культурологического контекста:

- культурный контекст – условия определенной культуры, в которой создается текст, является неотъемлемой частью и важной характеристикой процесса производства текста автором и восприятия читателем, совокупность культурозначимых и культурообусловленных знаний;

- культурологический контекст – это характерная особенность текста как результата дискурсивной деятельности, совокупность единиц культурной семантики разных уровней, употребление которых обусловлено культурным событием или прагматическим намерением автора текста.

За счет связи этих двух факторов – культуроспецифичности и прагматики – прагматический анализ уточняется как прагмастилистический. Его объектом являются, прежде всего, признаки вертикального и культурного контекста, маркеры системы ценностей автора и адресата, играющие важную роль в смыслообразовании исходного текста, его интерпретации и, соответственно, создании текста перевода.

Таким образом, в основу стратегии перевода можно положить два параметра – прагматика (прежде всего – прагмастилистика) и культуроспецифичность, взаимодействующие как в процессе тексто- и смыслообразования исходного текста, так и в процессе перевода. Коммуникативная ситуация перевода определяет ориентиры в

формировании стратегии перевода и принятии последующих переводческих решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин Д.А. Особенности вертикального контекста художественного телефильма: исторический аспект (на примере британского сериала «Доктор Кто»)// Филологический науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013 – № 9, ч.2 – с. 22-30.
2. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография.– М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 464 с.

Проблемы литературоведения

ИНВЕРСИОННЫЙ СЮЖЕТ В «ПАЦАНСКИХ РАССКАЗАХ» З. ПРИЛЕПИНА

Боровская Анна Александровна

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы
Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия

В книге З. Прилепина «Ботинки, полные горячей водкой» рассказчик играет роль смыслового центра, к которому стянуты все второстепенные и эпизодические персонажи. Система двойников в цикле (революционер, писатель, «человек в камуфляже», внук, «пацанский герой», деревенский подросток) реализует особую нарративную стратегию, для которой характерно воспроизведение дискретно-синтетической модели личности. С фигурой рассказчика тесно связано разворачивание макросюжета сборника, который рождается на пересечении смысловых потенций отдельных фрагментов метажанрового единства.

Трехчастная циклическая схема «потеря себя – поиск – обретение» организует сюжет практически всех рассказов сборника З. Прилепина. В качестве пограничной ситуации, запускающей механизм трансформацией главного героя, выступает коллизия, основанная на следовании или нарушении какого-либо запрета. На этом основании можно объединить «Блядский рассказ» и новеллу «Собачатина».

Начало «Блядского рассказа» представляет собой медитативный монолог главного героя, рассуждающего о различиях между мужчиной и женщиной (в этой связи можно провести параллель с заключительным текстом книги – «Дочка»). Философские размышления рассказчика о «межполовых различиях» противопоставляют его другим персонажам и, прежде всего, братику: «Когда-то я не знал этих смешных истин, и был несчастен. Братика моего, напротив, подобные вопросы не волновали

никогда, он твердо знал, что интересуется его, и никоим образом не пытался соразмерить свои желания с чужими» [Прилепин 2010: 63]. Эта образная и мировоззренческая антитеза формирует сюжетное развитие текста: для братика женщина – источник обезличенного наслаждения, поэтому он не брезгает проституткой; для главного героя женщина – таинство, сакральное и непознаваемое, именно поэтому он видит в проститутке «чистоту» и «искренность» Мадонны.

Провокационное заглавие рассказа, содержащее экспрессивно-оценочную табуированную лексику, выводит на первый план проблему сексуальных взаимоотношений. Сюжет обоих рассказов воспроизводит трехчастную структуру: искушение запретным – преодоление искушения главным героем – преображение. Герою-рассказчику совершенно не свойственны холодное любопытство и тяга ко всему запретному, преступному, антиэстетическому. Он четко выдерживает дистанцию между собой и «грубым» миром: не ест «собачатину» и не прикасается к проститутке.

Таким же скандально-провокационным является сюжет рассказа «Собачатина». В его основе лежит принцип метафоризации еды, которая отождествляется в сознании рассказчика с каннибализмом: «Совсем, что ли, сдурели, мать вашу, людоеды», – примерно так я перевел себе ее лай» [Прилепин 2010: 75]. Телесный код произведения восходит к тотемизму, поэтому «вкушение» шашлыка из сабачатины воспринимается главным героем как убийство себе подобных. Присутствуя при поедании запретной пищи, рассказчик начинает видеть мир искаженным: символическим ему кажется собачий вой, оплакивающий предполагаемую жертву, его товарищи приобретают черты съеденного животного («Рубчик поскуливал», «Братик по-собачьи склонив голову, всмотрелся в меня»), два пса, как ему думается, преследует их, ведомые законом возмездия («Съешьте, – просил я. – Око за око. Глаз за глаз. Лапу за лапу»).

Характерологическим становится мотив отчуждения: рассказчик ощущает свою обособленность, отделенность от компании «преступников», его охватывает сентиментальное сострадание к жертве, вызванное неприятием насилия: «Меня стремительно несло в мягкую, пряную, влекущую темноту, где никто не мучит ранимых душ и не взрезает живых тел» [Прилепин 2010: 76]. В то же время ритуальное поглощение пищи, согласно концепции О. Фрейденаберг, генетически связано с жертвоприношением и в метафорическом смысле – с мотивами рождения, соединения полов, смерти и воскресения. В этом контексте падение Рубчика с лестницы, окружение его тела стаей собак и чудесное спасение от неминуемой гибели являются аллюзией на известные эпизоды евангельского сюжета о воскрешении Христа. Тожество материального и духовного воплощено в финальной части рассказа в сакральной символике, просвечивающей сквозь профанические детали вещного мира,

а также посредством повтора иконографического эпитета «светлый»: «голос сверху», «студентки-ангелы», окно в общежитии – «седьмое небо», «светлый голос», «светлые глаза», «светло печалился». Однако искушение героев оказывается ложным (шашлык был из свинины), нарушение табу – фикцией. Вместе с этим перерождение рассказчика и других действующих лиц в произведении – не иллюзия, а иррациональное преобразование мира оборачивается божественным чудом. Именно в этом ключе может быть интерпретирован финал рассказа: «Никто не печалился, напротив, каждый улыбался себе: один настигнувшей его, щедрой на вкус и запах, нежности, второй – чувству теплого, последнего в этом году, снега у виска, а третий – неведомо чему. ...неведомо, неведомо, неведомо чему» [Прилепин 2010: 78].

Рассказ «Смертная деревня» обнаруживает типологические параллели с новеллой «Собачатина». В обоих текстах автор обращается к инверсионному типу сюжета, когда изначально заданная ситуация в финале трансформируется в противоположную, а ожидаемое ужасающее, пугающее событие оказывается совершенно безобидным. На первый взгляд деревня «Воры», действительно, может показаться местом зловещим, потерянным. Об этом произведении С. Беляков в статье «Две души Захара Прилепина» пишет: «Смертная деревня» – готическая история в среднерусском антураже» [Беляков 2009], а Н. Крижановский утверждает: «Самый отвратный рассказ – «Смертная деревня» – написан в лучших традициях западноевропейских представлений о русском народе – кровожадном, мерзком чудище, стране людоедов, барыг и сумасшедших уродов» [Крижановский 2008: 3]. С первым утверждением можно согласиться: повествование в данном рассказе построено достаточно «зловеще» и организовано мотивами страшной сказки: «Неведомый кто-то пропал, и звуков больше не было» [Прилепин 2010: 87]; «Немножко побегали, согреваясь, на полянке, как два лесных морока» [Прилепин 2010: 89]; «Эка невидаль из леса вышла... На- чудит же Господь!» [Прилепин 2010: 90]; «...лес кончился – остался, корявясь сучьем и тяжело дыша в затылок, за спиной» [Прилепин 2010: 90]; «...налил себе чаю и выпил его, горячий, как-то не по-человечески» [Прилепин 2010: 92]; «много черных сучьев со всех сторон выламывали себе хрусткие суставы...» [Прилепин 2010: 93]. Даже мечты о пристанище сопряжены с фольклорными образами старинных языческих обрядов: «Сейчас придем, а там девки хороводы водят, – мечтал он. – Через костры прыгают. Венки вьют, по воде пускают» [Прилепин 2010: 93]. Героев пленил лес, в котором они заблудились на пути к «корешу» братика. Лес подчиняет героев себе, они боятся неведомых звуков, сердце все существо рассказчика объято ужасом: «...сердце падало в самый низ и долго потом поднималось обратно, еле живое и скользкое» [Прилепин 2010: 92]; «Внутри у меня все неизвестно отчего затрепетало, словно сердце мое вырезали из холодца» [Прилепин

2010: 97]. В рассказе З. Прилепина «пороговое» пространство, в котором осуществляется переход от жизни к смерти и наоборот, ассоциируется с гибельным, заколдованным местом из одноименного произведения Н. Гоголя. Центральный топос (деревня) представляет собой динамическую структуру, совмещающую признаки «фантастического» и «бытового» пространства и основанную на превращении последнего в «фикцию». Заколдованное место в этом случае играет роль чистилища, места испытания человеческой души. В зависимости от своих действий в «пороговом» пространстве персонажи совершают движение «вверх» или «вниз». Деревня оказывается затеряна во времени и пространстве: к ней нет нормальной дороги, у нее нет определенного названия, чтобы покинуть зачарованное место, нужно переплыть реку, которая представляется границей, отделяющей здешний мир от нездешнего. Деревня без названия, которой нет на карте, для современного человека – несуществующее место. Очевидно, поэтому жители соседней деревни стремятся придумать ей хоть какое-то название, материализовать пугающий локус, но у них это не получается – название расплывается, двоится и тоже получается «немым»: имя «Тихое» само по себе является смысловым провалом, говорящим лишь о невозможности понять, услышать.

Заключительная часть текста соотносится с основной по принципу контраста: мрачному колориту новеллы-*horror* противостоит финальный акт очищения, в котором дедушка своей фразой «Бог спасет» убедительно доказывает, что живет он с Богом в душе, и православная вера вошла в него органично и истинно. Дед угощает героев ягодами и яблоками (яблоко три – священное в православии число), с которыми связан мотив разговления. В пасхальном Огласительном слове Иоанна Златоуста сказано о праздничном разговлении: «Постившиеся и непостившиеся, возвеселитесь сегодня. Трапеза полна, насладитесь все. Телец велик, пусть никто не уйдет голодным. Все наслаждайтесь пиром веры; все вкусите от богатства благодати». Таким образом, разговление в православной вере – это символ великой радости избавления от смерти и достижения благодати. Герои, кусая яблоки, которыми их угостил старичок, отказываются на какое-то время от своих страхов и приобщаются к истинной, природной, радостной жизни, в которой нет места запаху бойни: «Брызнуло живым из-под зубов» [Прилепин 2010: 65].

Таким образом, основу макросюжета составляет эволюция главного героя – обретение собственного «я» через преодоление «тварной» сущности. Рассказчик З. Прилепина находится на границе между двумя противоположными интенциями: существованием в бытии-для-других (отсюда его маска «брутального пацанского героя» и состояние экзистенциальное отчуждения, «посторонности» по отношению к миру и «другим») и освобождением, осознанием собственной индивидуальности, творением бытия-для-себя. Помимо общего настроения и мотивов, все

рассказы объединены единой драматургической линией. Кульминационные моменты оказываются наиболее значимыми в жизни рассказчика, после них он меняется и вступает в новую для него экзистенциальную фазу. Они происходят в каждом из рассказов, и поэтому возникает впечатление повторяемости, закономерности происходящего (недаром во многих новеллах встречаются одинаковые фразы, мотивы, состояния); они, словно арки, создают единую конструкцию произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прилепин, З. Грех : роман в рассказах [Текст] / З. Прилепин. – М. : Вагриус, 2010. – 256 с.
2. Крижановский, Н. Куда идет Захар Прилепин? [Текст] / Н. Крижановский // Литературная Россия. – № 41. – 10 октября 2008 г. – С. 3.
3. Беляков, С. Две души Захара Прилепина [Электронный ресурс] / С. Беляков // Частный корреспондент (19.02.2009). – URL: http://www.chaskor.ru/article/dve_dushi_zahara_prilepina_3661

МОТИВ СМЕРТИ В ЛИРИКЕ РЮРИКА ИВНЕВА 1930-1980-Х ГОДОВ

Исаев Геннадий Григорьевич

доктор филологических наук, профессор Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия

Творчество Рюрика Ивнева (1891-1981) - известного русского поэта XX века – представляет собой несомненное и органическое единство; естественно, что и мотивы его лирики взаимосвязаны, тесно переплетены друг с другом, часто «просвечивают» один через другой. Тем не менее, при известной условности их выделения, вполне целесообразно самостоятельное изучение отдельных мотивов: каждый из них представляет ту или иную грань художественного мира поэта, в совокупности же микроанализов раскрывается объемность и целостность мирозерцания поэта.

Под мотивом в статье понимается устойчивый элемент текста, повторяющийся в пределах ряда литературных художественных произведений. В поэзии мотив воплощается в ведущих темах, символах, сюжетных ситуациях, образах.

В статье рассматривается лишь второй период творчества Рюрика Ивнева (1930-1980), весьма существенно отличающийся от первого (1907-1929).

Один из основных мотивов философской рефлексии и поэтического переживания Рюрика Ивнева, тесно связанный с размышлениями о вечности и времени, о бессмертии и о любви, является мотив смерти.

Ожидание смерти как освобождения от земных мук и страданий – распространенный мотив романтической поэзии. У Рюрика Ивнева он достигает наивысшей трагической кульминации в стихотворении «Панихида», где смерть желанное избавление от плена жизни:

*Друзья, пора домой, на палубу земли.
Там груды человеческого мяса,
И гильотина времени вдали
Нас ожидает, час казня за часом.*

*Усопший друг, Тебе легли на плечи
Смертельные холмы прозрачных ледников.
Здесь нет трагедии. Есть только смысл извечный
И смена дней, как смена лепестков.*

Но гораздо чаще в поэзии Рюрика Ивнева смерть предстает как естественный финал земного пути:

*Я не могу ни сетовать, ни плакать,
Что ничего уже не ощущаю,
Что я отныне лишь частица мрака,
Небытия частица небольшая?*

В поздней лирике Рюрика Ивнева (1930-1970 годы) смерть представлена как таинство, возможность открывания завесы бытия, осознания вечности. Она способна раздвигать горизонты, поднять на высоту, неизбежно устремляя лирического субъекта к жизни и любви:

*Нет, невозможно говорить о смерти,
Когда теряем мы друзей любимых
И вместе с ними радость и покой.*

*Нам кажется, что мы не сможем выжить,
Что мы смертельно ранены потерей,
Что сил не хватит горе пережить...*

*Проходят дни. Кляня расчет неверный,
Живу нелепой, скомканною жизнью,
И все-таки я продолжаю жить.*

Рюрику Ивневу свойственно пушкинское гармоничное ощущение природного кругооборота, смены поколений, смягчающее трагизм смерти. Через всю лирику поэта проходит мотив приятия смерти как реально существующей данности, воплощенной в физический образ, намечается соглашение с ней в религиозно-философском аспекте в позднем творчестве. Поэт слишком верил в будущее, раздвигая границы земного пространства. Самое интересное в танатологии то, что ее объект изучения не обладает бытийной сущностью. Чем является смерть: не жизнью,

отрицанием бытия, другой жизнью в загробном мире? Об этом до сих пор ведутся дискуссии, но к единому выводу философы пока не пришли. Смерть есть ограничение жизни, но сама она ничем не ограничена, а значит, полностью свободна. Не является ли она в таком случае подлинным существованием? Такой тезис вполне подтверждается христианством, буддизмом и другими мировыми религиями.

*Вижу я твой образ среброкрылый
Средь живых и выдуманных лиц,
И пред ним – то не было иль было –
Я склоняюсь без раздумья ниц.*

*Не ищи под солнцем совершенства
Там, где с явью сон переплетен.
Знаю я: у высшего блаженства
Свой, никем не познанный закон.*

Смерть для него – тайна, не вмещаемая человеческим разумом, и он стремится не к разгадке, а к более глубокому ощущению тайны смерти. Трагизм ее Рюрик Ивнев видит прежде всего в невозможности личного бессмертия, в бесследном исчезновении духовного «Я», с уничтожением которого поэту так трудно примириться.

Смерть для лирического героя — это необходимое состояние, через которое человек должен пройти, чтобы проникнуть в иное пространство, когда, наконец, вполне откроется прошлое, когда все времена в сознании человека объединятся:

*Из-под ног уплывает земля, -
Это плохо и хорошо.
Это значит, что мысленно я
От нее далеко отошел.
Это значит, что сердцу в груди
Стало тесно, как в темном углу,
Это значит, что все впереди,
Но уже на другом берегу.*

Правда, в некоторых стихотворениях смерть отвергается как нечто чуждое лирическому субъекту:

*Минутами, когда болит душа
При виде утонченного насилья,
На помощь мне услужливо спешат
Такие мысли, расправляя крылья:*

*«Смерть – лучший друг. Корить ее не смей!
Встречай ее хлеб-солью на дороге».
Но эти мысли, как шипящих змей,*

Я отгоняю от себя в тревоге.

В стихотворении «Без лафетов» речь идет о борьбе жизни и смерти в человеческом подсознании, утверждается, что все умирают от любви, и это дает бессмертие. Для героя лирики Рюрика Ивнева смерть нередко предстает как событие, уже заранее пережитое. Отсюда появление темы живого мертвеца: герой чувствует себя мертвым среди живых или ожившим среди мертвых, что делает его равнодушным к факту собственной смерти:

*Никто не крикнул мне: «Воскресни, Лазарь!»
И, бога ненавидя и любя,
Как прокаженный от своей проказы,
Я убегаю от самого себя.*

*Но бегства нет. Есть только призрак бега,
И я верчусь, как белка в колесе.
И смерть со мной – белей луны и снега,-
Хмельна, тучна, во всей своей красе.*

Заранее пережитое героем ощущение смерти переносит события его дальнейшей реальной жизни в иной план, где душа обречена быть немой, но не безучастным созерцателем земной жизни:

*Как похож на бой настоящий
Этот бой в подсознании нашем,
Без лафетов, патронных ящичков,
Но с тоской, никогда не бывавшей.*

*Чем закончится бой, мы не знаем.
Он на картах еще не отмечен.
Но мы все от любви умираем,
Чтоб воскреснуть и жить бесконечно.*

Преодоление земного временного пространства — свершившийся факт в поэзии Рюрика Ивнева. Поэту, как многим художникам слова, свыше была дана возможность «узнать» будущее:

*А остаются память и любовь
И неопровержимое сознание,
Что, умерев, мы воскресаем вновь
Насмешливым потомкам в назидание,*

*Что нет конца надеждам и стихам,
Смятению чувств и радости, и боли,
Душевным покаяньям, и грехам,
И вере в жизнь на воле и в неволе.*

Смерть не внушает лирическому герою чувства страха, ее неизбежный приход осмысливается им нередко иронически:

*Без короткой военной повестки
И без длинных посланий от друга
Я готовлюсь к последней поездке,
Деловито, без тени испуга.*

*Я не знаю пока расписанья,
Да и вряд ли оно существует
Для страны, утонувшей в тумане,
Где ветра бесконечные дуют.*

Наряду с пророческим переживанием смерти в творчестве Рюрика Ивнева всегда существовал образ смерти, умышленно лишенной ореола таинственности, данной как бы взглядом со стороны:

*Я кричу тебе в пространство,
Я кричу в небытие:
«Где былое постоянство?
Где дыхание твое?»
Отвечает мне молчаньем
Тишина сгоревших лет.
И с лица существованья
Смерть сотрет последний след.*

В этом случае мотив смерти не связан с эсхатологическими и космическими мотивами. В «Поцелуе» образ сна-смерти обретает новое наполнение: здесь душа после смерти не тонет в «вечности холодной» и не испытывает муки могильного ада. Граница жизни и смерти передана в стихотворении не как резкая и непроходимая преграда. Смерть – это погружение в сон, в котором человек и природа «понимают» друг друга (в сне-смерти человек приобщается к «вечной» жизни природы:

*Когда сочтешь все горечи, потери,
Когда любовь насквозь тебя прожжет,
Скажи: есть смерть, которой можно верить,
Есть только смерть, которая не лжет.*

*Она придет без горького оскала
И всем знакомых страшных впадин глаз,
Без освященного веками покрывала,
Что называют саваном у нас.*

*Сжимая руки, теплые, как свечи,
В бреду последнем, как бы весь в огне,
Ты скажешь, жадно обнимая плечи:
- Тебя другою рисовали мне.*

*И кто-то крикнет на твоём пороге,
Ловя последний сердца стук:
«Всю жизнь ты друга ждал в тревоге,
Вот он пришел – твой верный друг».*

Его прощание с жизнью окрашены в светлые, мажорные тона:

*Вскипает волна, набегая,
Ласкаясь о борт корабля.
Прощаюсь с тобой, дорогая,
Пронахшая солнцем земля.*

*Несется корабль одинокий,
На все корабли не похож,
Зачатый в неведомом доке,
Как некий фатальный чертеж.*

*Несется, не ведая боли,
Несется, не ведая зла,
Как звуки несыгранной роли,
Что жизнь дописать не смогла.*

*Ему одинаково светят
Живые и мертвые сны.
Огни на далекой планете
Ему, вероятно, видны.*

В стихотворении «На берегу моря» лирический субъект воображает свое прощание с жизнью и перечисляет все то, что ему дорого и что он теряет, превратившись в «частицу небытия»:

*О, неужели грянет час, в который
Я не увижу ни зеленых листьев,
Ни теплых шпал, ни пыльных семафоров,
Не буду слышать, сам с собою споря,
Ни сладкой лжи, ни ядовитых истин?
Не буду больше созерцать ни моря,
Ни нежных звезд, ночных просторов пленниц,
Ни прелести земных страстей и горя,
Ни месяца, святого, как младенец?*

Сама по себе смерть не страшит поэта; ужасно забвение и гибель любви, которые связаны неразрывной роковой цепью:

*И все-таки сквозь дым фантасмагорий
И сквозь туман космической земли*

*Читаю я в твоём холодном взоре
То, что прочесть другие не смогли.
И позабыв о всех своих тревогах
И о друзьях, деливших хлеб со мной,-
Иду к тебе не каменной дорогой,
А как лунатик, движимый луной.*

*Пусть небеса рассудят наши чувства
И нам пошлют затишье или гром.
Мне без тебя томительно и грустно,
Но тяжело с тобою быть вдвоем.*

В стихотворении, посвященном О.Вульвач, речь идет о воспоминаниях, которые по своей силе нередко ярче реальности:

*Тебя вспоминаю все реже и реже,
Но в миг, когда ты вдруг припомнишься мне –
Душевная рана становится свежей
И сердце горит в негасимом огне.*

Восприятие реальности и смерти сквозь призму сна становится в позднем творчестве всеобъемлющим:

*Нет ощущения реального,
Все видится сквозь дальний сон. –
И легкий шорох платья бального
Доисторических времен.*

*И счастье самое огромное,
Которому названья нет,
Теперь лежит почти бескровное
На кубиках прошедших лет*

Таким образом, мотив смерти – важнейший в онтологии поэта. Однако, как ни характерен мотив смерти для Рюрика Ивнева, все же преимущественные позиции у него занимает любовь в качестве позитивного чувства, и поэтому мотив смерти уравновешан, лишен трагического ореола. В последние годы интерес к смерти почти совсем угасает у Рюрика Ивнева, пережившего внутренний сдвиг в сторону притяжения простых истин жизни. Появляется иной строй чувств – с преобладанием метафизической грусти, прощания и прощания с миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рюрик Ивнев. Избранное. Стихотворения и поэмы 1907-1981. М.: «Художественная литература», 1985. Тексты стихотворений цитируются по этому изданию без указания страниц.

CONCEPT «ÜBERMUOT» IN «DAS NIBELUNGENLIED»

Lybimova Victoria

Senior Lecturer for the Department of Oriental Languages,
Astrakhan State University, Astrakhan Russia

Sarakaeva Elina

PhD, Senior Lecturer for the Russian Language Department,
College of Foreign Languages, Hainan University, Haikou, China

The concept "*übermuot*" (pride, arrogance) plays an important role within the cultural and mythopoetic context of the medieval German heroic epos "Das Nibelungenlied" ("The Lay of the Nibelungs") [Sarakaeva, Lebedeva 2017: 599]. In this article we discuss the compound semiotic complex formed by the concept "*übermuot*" and its analogies – concepts "*hôhermuot*", "*hochmuot*" and "*hôhvirt*".

The most precise translation of the concept "*hôhvirt*" is, as we believe, "pride". In the epos it serves as the closest synonym to "*übermuot*", but unlike the later, it has no known cognate or related form in any other Germanic language. It is, as Robert Sullivan stresses, a learned ecclesiastical invention, first found in the works of a scholar-monk Notker (ca. 950-1022) when he tried to render into the German language the Latin "*superbia*" [Sullivan 2002: 157]. "*Hôhvirt*", therefore, directly indicates pride as described in Christian moral theology, the first and the worst of the seven deadly sins, "the beginning of all sins", according to the Vulgate version of Ecclesiastics 10.15. Thus the word has a clear Christian heritage, and is used only a few times by the anonymous author of the poem. The **B** version of the epos has only 2 examples of "*hôhvirt*" and 3 of its adjectival forms – compared with 34 instances of its synonym "*übermuot*". Though in all cases it means "pride", the context allows us to say that the meaning of the concept, like that of "*übermuot*" is ambivalent despite its Christian origin. Used negatively of Hagen (54, 2) and with a clear biblical echo of Brünhild (474, 3), it is also a positive military attribute of the Burgundians in their final ordeals (1882, 4 and 1891, 4).

The antithesis of the concept "*übermuot*" would be not something like "humbleness". It is the concept "*hôhermuot*" – "noble spirit", sometimes "joy". As shown by Michael Restler, this concept is a fundamental, frequently occurring phrase in both courtly and heroic medieval literature [Restler 2002: 156]. "*Hôhermuot*" indicates elation, noble mind, cheerfulness that becomes noble knights and ladies. In "Das Nibelungenlied" the characters experience and demonstrate "*hôhermuot*" in two situations: when they are in love, as when Kriemhild and Siegfried first meet, and when they perform knightly deeds, as when Siegfried prepares for a combat. In contrast to it, words "*hochmuot*" and "*übermuot*" indicate arrogance and haughty pride. The modern German

descendant “hochmut” (pride, arrogance, conceit, haughtiness) inherits only the negative denotation.

What is so special then about the concept “*übermuot*” as compared to its synonyms and antonyms? To begin with, “*übermuot*” (arrogance, pride) seems to be a characteristic feature of most all of the major figures of the epos. “*Übermuot*”, as Will Hasty points out, has a positive or a negative value according to the perspective from which it is considered [Hasty 2002: 177]. On the one hand, it is related to “*hōhvari*”, one of the deadly sins, and is thus reprehensible. On the other hand, “*übermuot*” used to be the central feature of a Germanic warrior ethos that may be visible in the “Hildebrandslied”, “Waltarius” and in the “Poetic Edda”. It is consistent with vigour, courage, brutality and even greed.

“*Übermuot*” should not be confused with character traits, because it refers to an excess of energy, a power that is effective beyond character-specific features. It is not exactly “*superbia*”, the later term being overburdened theologically and identified with Lucifer’s original sin. Moreover, the difference between religious and feudal value systems becomes apparent by comparing “*übermuot*” and “*superbia*”. When mentioned in the Latin chronicles, “*übermuot*” is interpreted as “ethically undifferential exuberant feeling of strength and joy” [Stutz 1990: 417].

“*Übermuot*” crosses the boundaries between smart and foolish, legitimate and illegitimate, ethically defensible and inconsiderate, egotistic behaviour. This can be exemplified by the advice Siegfried gives his companions when they arrive in Isenstein to pretend that he is Gunther’s vassal:

*Durch ir übermüete ir deheiner ez niht liez,
Si jâhen swes er wolde, dâ von in wol gescach* (387, 2-3)

[No one failed on account of their *übermuot*,
They spoke s he hasd asked them, and therefore they succeeded]

Siegfried’s advice is correct, because it ensures success in Isenstein. The fact that his companions do what he asks can be “*übermuot*” in the sense of a careless self-assuredness that do not bother with consequences. Only in this way can the word “*übermuot*” paradoxically refer to a gesture of subordination.

“*Übermuot*” is ambivalent. Self-confidence can turn into aggression, such as with the “*übermüetn vegren*” (ferryman), who challenges Hagen with his words (1553,4) and thereby loses his life, or with Hagen himself, the “*übermüetn gast*”(1561,1). The term can refer to a thoughtless delusion that confuses caution with fear, like when no one make Etzel aware of the latent enmity between his wife and her relatives:

*Er het wol understanden daz doch sît dâ gescach.
Durch irvil starken übermüete ir deheiner ims verjach* (1865, 3-4)

[He might have been able to stop what happened afterwards
No one told him about it because of their great *übermuot*].

Thus "*übermuot*" moves into the sphere of inconsiderate presumption that knows no bounds of law and custom. Brunhild's "*übermuot*" threatens all suitors with death. After Siegfried's death "*übermuot*" is the prepotency of the victor, who couldn't care less about her rival's sufferings:

Prünhilt diu schoene mit übermüete saz.

Swaz geweinte Kriemhilt, unmaere was ir daz. (1100, 1-2)

[Brunhild the beautiful ruled with presumption

She cared little about how much Kriemhild cried].

Finally, "*übermuot*" comes close to the criminal. The murder of Siegfried and the profaning of his body is a story:

....von grôzer übermüete....und von eislîcher räche (10031,1-2)

[of great presumption .....and of terrible revenge]

These negative qualities are strengthened in some variants in the manuscripts. The Klage (B) traces Siegfried's downfall to his "*übermuot*", and in the C version it is traced to the "*übermuot*" of his murderers. "*Übermuot*" is in one place incomprehensible thoughtlessness, in another place, it is criminal insolence. Since the connotation of the Luciferian sinn is also present in the vernacular, the turn to the pejorative is possible at any time [Müller 2007: 219].

At the same time in the "Nibelungenlied" the concept is positively connoted with the joyous anticipation of battle (181, 4), at the victorious return from the war (243,4), with the spirit of the quest in an adventure (318, 4) or the excitement of the hunt. But it is not only the self-assured satisfaction at the sight of a numerically superior army that is so called – but also the self-overestimation. Here the synonym to "*übermuot*" would be "hôchvart". The ferryman on the Danube is so rich and courtly that he refuses his services to the Burgundians. The additional reason is given as "*ouch wâren sine knehte vil hôhe gemuot*" [his men were high-spirited] (1551,3). When Siegfried wants to motivate himself to defeat Brunhild in the bedroom contest and so to prevent women from "*tragen gelpfen muot*" [being boastful] (673,3) this points to the latently negative connotations of the newly courtly fashion in the Nibelungen context.

Of all the characters of the epos Siegfried seems to be especially full of "*übermuot*". Siegfried is depicted as a demy-god, and as all demy-gods go, he is only half human; "Siegfried's extraordinary natural ability and strength allow him to get by without ever having to develop an understanding of the people around him; he is therefore surprised when those for whom he has done so much do not admire him (as he thinks they should) but instead plot to kill him at the first opportunity, using fair means or foul" [Ellis 1997: 40-41].

Siegfried displays haughtiness in absolutely all his dealings with the other characters, beginning from his first appearance in Worms, when he threatens and taunts the Burgundians, through all his adventures and intercourses with the Burgundenhoff and up to his last day when he sets a wild bear on his fellow-hunters to boast his own hunting skills. As Winder McConnell puts it, "A certain

naiveté...complimented by his *übermuot* and his ignorance (or ignoring) of the deeper significance of words and actions constitutes one of the major factors responsible for bringing about his death” [McConnell 1984: 25]. Even his wife Kriemhild admits that she didn't have to fear “*daz im iemen name in sturme s înen l îp,/ ob er nicht wolde volgen s îner übermuot*” (that someone could kill him in an attack/ unless he would follow his *übermuot*) (8962, 2-3).

Though the author of the poem sympathises with Siegfried and expresses pity for his untimely death, he notably explains the tragedy by Siegfried's own "*übermuot*" rather than putting the blame entirely on Hagen. It is Siegfried's "*übermuot*", the author says, that made the hero boast his sexual victories and betray his friends' darkest secrets to Kriemhild. These secrets, that never should have been told, provided Kriemhild with a chance and a weapon to display her own "*übermuot*" in the quarrel with Brünhild and thus to start the chain of events that would lead to Siegfried's death.

"*Übermuot*" seems to be the reason of Hagen's downfall too. Moreover, Edward Haymes speaks of "*übermuot*" as a solid proof to his thesis that Hagen (not Siegfried or Kriemhild) is the "structural hero" of the epos. It is exactly that flaw of hubris, "*übermuot*" that is a basic characteristic and a typical flaw of the tragic hero: "The poet has subtly undermined his picture of the great man at the mercy of fate by making Hagen's own weaknesses of pride and a fear of appearing weak directly responsible for his tragedy. Again and again he has opportunities to prevent the catastrophe, but his pride prevents him from taking advantage of them" [Haymes 1999: 112].

Jan-Dirk Müller in his famous book "Rules for the Endgame" treats "*übermuot*" as the excess of energy, and specifies it as "ethically undifferentiated exuberant feeling of strength" [Müller 2007: 216-217]. "*Übermuot*" denotes the attitude behind aggression. Saxons display it when they start a campaign against Worms, Sigfried's challenge of Worms is called "*übermüeten*", when the Burgundians defend themselves against Saxons and Hunns their desperate fight is referred to as "*starkez übermüeten*" (167,4). "*Übermuot*" determines the quality of the hero who knows his own strength and is not concerned about the strength of the other party. It means audacity and strength.

Thus the concept "*übermuot*" crosses the boundaries between smart and foolish, legitimate and illegitimate, ethically defensible and reprehensible. It is a force that penetrates heroes. It is ambivalent – and yet vitally important, it is what defines the hero and what brings him to his doom.

REFERENCES

1. Ellis John M. Literature Lost. Social Agendas and Corruption of the Humanities.[Text] : – New Haven : «Yale university Press», 1997. – 399p. –P. 39-41

2. Hasty Will. Übermuot. The Nibelungen Tradition. An Encyclopedia [Text] : Ed. by Francis Gentry, Winder McConnel, Ulrich Müller and Werner Wunderlich. – NY. : «Routledge», 2002. – 375 p. –P. 177
3. Haymes Edward R. Das Nibelungenlied: Geschichte und Interpretation [Text] : CIP-Einheitsaufnahme. – München. : «Fink», 1999. – 191 p.
4. McConnell Winder. The Nibelungenlied. [Text] : Ed. by Ulrich Weisstein. – Boston. : «Twayne Publishers», 1984. – 141 p.
5. Müller Jan-Dirk. Rules for the Endgame. The World of the Nibelungenlied. [Text] : The John Hopkins University Press. – Baltimore. : «Max Niemeyer Verlag», 2007. – 561 p.
6. Restler Michael. Hôher Muot. The Nibelungen Tradition. An Encyclopedia [Text] : Ed. by Francis Gentry, Winder McConnel, Ulrich Müller and Werner Wunderlich. – NY. : «Routledge», 2002. – 375 p. –P. 156
7. Stutz Elfriede. Über die Einheit und Einzigartigkeit der Siegfried-Gestalt. [Text] : Helden und Heldensage: Otto Gschwantler zum 60. Geburtstag. Ed. Hermann Reichert and Günter Zimmermann. Pholologica Germanica II. – Vienna : 1990. – 655 p. –P. 411-430
8. Sullivan Robert. Hôhvert. The Nibelungen Tradition. An Encyclopedia [Text] : Ed. By Francis Gentry, Winder McConnel, Ulrich Müller and Werner Wunderlich. – NY. : «Routledge», 2002. – 375 p. –P. 157
9. Саракеева Э.А., Лебедева И.В. Концепт «trôst» в «Песни о нибелунгах» и проблема его перевода на современные языки. [Text] : Научно-технический прогресс и современное общество: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции молодых ученых, 15 января 2017г. – М.: НОО «Профессиональная наука», 2017. -727 с. - С. 599-612

MODERN ADAPTATIONS OF “DAS NIBELUNGENLIED”: “HAGEN VON TRONJE” BY WOLFGANG HOHLBEIN

Lybimova Victoria

Senior Lecturer for the Department of Oriental Languages,
College of Foreign Languages, Astrakhan University, Russia

Sarakaeva Elina

PhD, Senior Lecturer for the Russian Language Department,
College of Foreign Languages, Hainan University, Haikou, China

Wolfgang Hohlbein is a modern German writer of fantasy, horror and science fiction most known outside Germany for the franchise “Indiana Johns”. With more than 200 published books and more than 43 million sold copies he is considered among the most successful and prolific German writers in the fantasy genre.

One of the first adaptations of the medieval German heroic epos “Das Nibelungenlied” was undertaken by Hohlbein in 1989 under the pseudonym Martin Heidner. His novel “Drachentöter” (“The Dragonslayer”) retells the story of Siegfried’s youth and his maturation from a youthful, reckless adventurer to a

responsible adult [Heidner 1989]. This popular juvenile tale has virtually nothing in common with the medieval epic. It is poorly written and full of standard, black-and-white clichés. The novel was followed by a few more adaptations of the epos: “Der Ring der Nibelungen” 2004, “Die Rache der Nibelungen” 2007 and “Das Erbe der Nibelungen” 2010.

One of his most renowned books, the one Wolfgang Hohlbein himself calls his best in his interviews, is “Hagen von Tronje”, one more adaptation of “Das Nibelungenlied”. This work, ardently loved by many teenagers and young adults worldwide, has been influential in forming teenagers’ impressions of medieval literature in general and “Das Nibelungenlied” in particular [Schmidt 2002 : 234].

The plot of the book can be summarised as follows:

When Hagen von Tronje, a weapon master of Burgundian royal court, returns to the capital Worms from a trip to the borders of the kingdom, he meets an old witch who prophesies to him that a woman will determine his destiny and will bring him to his doom

Hagen is tormented by gloomy misgivings that are confirmed by the arrival of Siegfried the Dragon Slayer, the invincible semi-god from the Netherlands. Siegfried brings along an army of unearthly creatures – the Nibelungs - and a tremendous treasure that he possesses. Although Siegfried has come to demand the crown of king Gunther, they finally make peace and the horrible man stays as a guest in Worms. After a year of this stay, during which Siegfried wins support and admiration of the courtiers and the commoners (while the king and his loyal vassal Hagen von Tronje are lost in thoughts how to get rid of him) there come messengers of royal brothers Lüdeger and Lüdegast, kings of the Saxons and Danes respectively. The messengers declare war on Burgundy so Siegfried volunteers his help. He has reasons beyond paying for hospitality - Hagen finds out that Siegfried and Princess Kriemhild, king’s sister, are having an affair. Having failed to capture the throne of Burgundy by brutal force, Siegfried cynically admits to Hagen that he is going to get the throne through marriage to the Burgundian princess.

The Burgundians decide to attack the army of the Danes, before they can unite with the Saxons. Siegfried leads the offensive. Due to the advantage of the surprise they succeed in taking prisoner first the king of Danes and then the king of Saxons (Siegfried skinning people alive on the way). They return with triumph bringing noble hostages to Worms. During the battle Hagen is badly wounded, he loses an eye and while he slowly recovers from his injury Siegfried pushes his dominance yet further.

Siegfried wins the hearts of the townsmen due to his charms and due to the fact that without him the war would have been lost. The power of king Gunther shrinks while Siegfried’s position grows stronger with every day. Hagen tries desperately to find a solution, torn between his oath of allegiance to the king and his promise to Kriemhild whom he secretly loves to be loyal to Siegfried.

Finally he comes up with an idea – when Siegfried asks for the hand of beautiful Kriemhild, Gunther, prompted by Hagen, agrees to the marriage under the condition that Siegfried helps him to win the hand of Brunhild, Queen of Iceland, a mighty Valkyrie, who kills all her suitors in a duel.

Siegfried seems taken aback – it is hinted he has had an affair with the Valkyrie himself and knows she is almost invincible. He acknowledges his defeat to Hagen and prepares to leave the country. Hagen for some reason believes him and returns to his home (located somewhere in the extreme north among ices and everlasting winter). It is from there that he receives bad news – instead of leaving Burgundy for good Siegfried has set on a journey to Iceland and drags the unwilling Gunther with him. Hagen and his younger brother Dankwart hurry to Iceland either to win over Brunhild or to stop Siegfried from further mischief. Siegfried in his turn sends his immortal followers – the Nibelungs –to assassinate Hagen. After some adventures all the heroes assemble at the Queen’s palace. Here Queen Brunhild makes the new suitor take part in a three-stage competition with herself. Gunther is totally demoralized and has to hide in his room while Siegfried, disguised as Gunther, wins a victory over the shield-maiden.

Back in Worms Hagen is tormented by his love to Kriemhild whose wedding is to be celebrated soon. He cannot endure pain and runs away into the forest. Or probably he runs away due to the conflict with king Gunther, who tries to persuade him to kill Siegfried. However, Hagen soon returns only to spot Siegfried in bed with Brunhild – right before their wedding day to other people! Infuriated, Hagen challenges Siegfried to a duel - he has sworn to kill Siegfried should he hurt Kriemhild in any way.

Next morning both heroes fight with each other. Hagen uses Siegfried’s magic sword Balmung which he has taken from the semi-god when he caught him naked in the queen’s bed. Initially the magic sword helps Hagen to withstand, but soon he is overpowered by Siegfried and is about to be killed. Suddenly a spear comes flying from the bushes and pierces Siegfried’s back – it is king Gunther who decides to take control of the situation. Hagen is not happy about the whole thing, but he takes the guilt on himself to protect the king’s honour. They bring the body back to the castle and tell everyone it was Hagen who has murdered Siegfried. During Siegfried’s funeral Brunhild jumps into the burning pyre to follow her beloved Siegfried into death realm. Kriemhild holds Hagen responsible for her husband’s death. The crowd is ready to tear Hagen to pieces but Kriemhild stops them and tells Hagen that her revenge will be more than his immediate death – she will rob him of everything he holds dear.

As it is evident from the plot summary, the novel is a mixture of motives from “Das Nibelungenlied” and sentimental episodes of the author’s own making. The novel is set against the historical background of the great migrations in the fifth century and contains a mixture of history and fantasy. The plot and the motifs of “Das Nibelungenlied” serve simply as the decorative basis

for a suspenseful, pseudo-historical but trivial tale. Its main difference from other numerous adaptations of the great epos is that the title character, Hagen, is portrayed not as a villain or an anti-hero – with Hohlbein he is a hero and the chief protagonist. His love for Kriemhild (!) constitutes the reason of his course of action; because of this love he challenges Siegfried, though it is king Gunter, not Hagen, who deals him a treacherous blow [Hohlbein 1986]. Hohlbein's story ends with Siegfried's and Brünhild's death, mirroring Scandinavian tradition. Kriemhild doesn't seek revenge – her disappointment in Hagen is enough punishment for him.

“Hagen von Tronje” by Hohlbein enjoys quite favourable reviews of the critics. Even scholars try to find some literary merits in the novel. Thus, Ulrich Müller finds the work “a conventional (in the good sense of the word) historical novel” [Müller 2009 : 431]. Werner Wunderlich is of the opposite mind though, calling the novel “trivial”, a mere “Nibelungen masquerade of a plain story” [Wunderlich 1998 : 375].

The doctoral thesis of Enicó DácZ explores the structure and the reception of the novel among other adaptations of the “Lied” and juxtaposes it with the drama “Die Nibelungen” of the famous modern German playwright Moritz Rinke and the Nibelungen-related trilogy of a Hungarian author János Térey. Admitting that “Hagen von Tronje” has no great potential, the scholar immediately remarks that it is “an ideal mixture of all components of fantasy fiction: mystics, biography, the fight of good and evil” [DácZ 2009 : 71]. The novel, according to DácZ, combines anti-modernism, anthropocentrism, eclecticism and build-in patterns. He praises the narrative for being abundant with details of historical, geologic, archaeological, astronomical, religious character. DácZ sees special merit of the novel in getting modern young readers interested in all these spheres of knowledge, which otherwise they wouldn't care to learn [*ibid* : 72].

We would explain the discrepancies in the plot and characters' motivation in the light of the psycholinguistic theory of “sense-emotional dominance” introduced and developed in the works of Valery Belyanin. This Russian psycholinguist offered a typology of texts based on their leading motives, thesaurus and semantic components of lexical units. Among other types he describes “beauteous” texts that mainly deal with emotional changes and are created by the authors driven by hysterical accentuation [Belyanin 1996]. “Beauteous” texts describe chiefly human feelings and emotions; the motivations of the characters are based solely on the whims of their constantly changing moods. The feelings of the characters are intense at every given episode, but so shallow at large that they would forget their love (hatred, devotion, intentions) in the very next scene and act in total contradiction with previously professed sentiments. This is a formulaic type of fiction to which the majority of “pink novels” belong [Sarakaeva 2016].

“Hagen von Tronje” by Hohlbein is exactly that type of fiction. Though the title character, Hagen, would in every chapter profess his devotion to Burgundy and her king, the controversies of his acts don't allow the reader to believe him. He would advise Gunter to kill Siegfried when the author wants to show him a wise counsellor, in the next chapter he would be scandalised at the very mentioning of Siegfried's assassination when the author wants to show him a noble knight. He would come up with numerous schemes to get rid of Siegfried and then would forget both Siegfried and his schemes and go travelling.

To summarize it all, the novel serves as an illustrative example of the “Nibelungen masquerade” in the modern fiction, when the images and motifs of the great epic are exploited, banalized and distorted in pursue of popularity and commercial success.

REFERENCES

1. Belyanin Valery. Introduction to Psychiatric Literary Criticism. [Text] :Specimina Philologiae Slavicae, Band 107. – München: “Verlag Otto Sagner”, 1996. - 296 p.
2. DácZ Enicó. Das Nibelungenlied als Projektionsfläche für die Gegenwart das Beispiel von Moritz Rinkes “Die Nibelungen” und János Térey’s “A Nibelung-lakópark” [Text] : Thesis ...PhD/ DácZ Enicó– Szeged, 2009. – 247 s.
3. Heidner Martin. Der Drachentöter: Ein Roman nach Motiven des Nibelungenlieds. [Text] : – Bindlach : «Löwe», 1989. – 204 s.
4. Hohlbein Wolfgang. Hagen von Tronje. Ein Nibelungen-Roman [Text] : – Vienna. : «Überreuter», 1986. – 191 s.
5. Müller Ulrich. Die Nibelungen: Literatur, Musik und Film im 19. und 20. Jahrhundert. [Text] : Heinzle, Joachim; Klaus, Klein; Obhof, Ute (Hrsg.): Die Nibelungen. Sage – Epos- Mythos. - Wiesbaden: “Reichert Verlag”, 2003- 655 s.- S. 407-445.
6. Sarakaeva Elina. Nibelungs on the margins: transformation of the *Nibelungen legend* in the folklore of German-Scandinavian frontier. [Text] : Journal of frontier studies (Журнал фронтальных исследований) № 4, 2016. – Astrakhan - P. 76-94.
7. Schmidt Siegfried. Children's literature. The Nibelungen Tradition. An Encyclopedia [Text] : Ed. by Francis Gentry, Winder McConnel, Ulrich Müller and Werner Wunderlich. – NY. : «Routledge», 2002. – 375 p. –P. 233-234
8. Wunderlich Werner. Total krasse Helden. Literaturhistorische und literaturkritische Anmerkung zur neueren Nibelungenrezeption. [Text] : Buschinger, Danielle (Hrsg.): Sammlung – Deutung – Wertung. Ergebnisse, Probleme, Tendenzen und Perspektiven philologischer Arbeit. - Amiens, 1988. – 412 s. - S. 369-383.

Проблемы когнитологии и семантики

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛА VOGUE)

Бударина Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой немецкой филологии
Астраханского государственного университета,
г. Астрахань, Российская Федерация

Власова Екатерина Ильинична

студентка 3 курса факультета иностранных языков Астраханского
государственного университета, Астрахань, Россия

Как известно, словарный состав языка является самой подвижной языковой структурой, находящейся в процессе постоянного изменения. Словарный состав языка изменяется, обогащается, отражая в своём развитии условия определённого исторического периода в эволюции общества. Обогащение словаря во многом происходит благодаря заимствованию слов из других языков.

Так, например, торговля с соседними и отдалёнными странами в свое время способствовала тому, что немецкий язык принял множество новых слов, в том числе, американского происхождения: *Cojote* – койот, *Jaguar* – ягуар, *Kakao* – какао, *Kannibale* – каннибал, *Kautschuk* – каучук, *Kolibri* – колибри, *Savanne* – саванна, *Schokolade* – шоколад, *Tabak* – табак, *Ananas* – ананас, *Orkan* – ураган, *Totem* – тотем.

Начиная с 18 века, немецким языком было заимствовано множество англицизмов, обозначающих понятия, относящиеся к таким областям как:

искусство и литература: *Ballade* – баллада, *sentimental* – сентиментальный, *Elfe* – эльф, *Humor* – юмор; В области государства и права: *Parlament* – парламент, *Adresse* – адрес, *Debatte* – дебаты, *zur Ordnung rufen* – призывать к порядку;

социальная сфера: *Klub* – клуб, *Streik* – забастовка, *Boykott* – бойкот, *Leitartikel* – передовая статья, *Heilsarmee* – армия спасения;

спорт: *boxen* – боксировать, *Sport* – спорт, *paddeln* – грести, *Trainer* – тренер, *Start* – старт, *Outsider* – аутсайдер, *Tennis* – теннис, *Matsch* – матч, *Champion* – чемпион, *Hockey* – хоккей, *Bobsleigh* – бобслей, *Fußball* – футбол;

мода и стиль: *Frack* – фрак, *Raglan* – реглан, *Pullover* – пуловер, *Sweater* – свитер;

еда и напитки: *Pudding* – пудинг, *Keks* – кекс, *Punsch* – пунш, *Portwein* – портвейн, *Roastbeef* – ростбиф, *Rumpsteak* – ромштекс;

техника: Tunnel – туннель, Lokomotive – локомотив, Lift – лифт, Koks – кокс, Dampfer – пароход, Expreßzug – поезд-экспресс.

В период Второй мировой войны в немецкую речь пришло много новых слов англо-американского происхождения: Killer – наемный убийца, Superman – супермен, Party – вечеринка, Thriller – триллер, good-looking – красивый, Cinema (Film) – кино, Producer – продюсер, Happy-End – счастливый конец, Band – группа, Fan – поклонник, Cup – кружка, Team – команда, swimming-pool – бассейн.

Англицизмы, отражающие реалии англо-американского общества наиболее широко стали заимствоваться в новое и новейшее время. Как правило, эти слова связаны с новыми техническими и научными достижениями, с терминологией, не имеющей аналогов в немецком языке, но востребованная как существующая реалья. Среди заимствований, обозначающих понятия из мира техники, можно выделить: Internet – интернет, chatten – беседовать в чате, Handy – мобильный телефон, Hotline – горячая линия, Callcenter – колл-центр, browsen – просматривать, Callingcard – визитная карточка, Electronic Commerce – электронная коммерция, E-mail – электронная почта, Pager – пейджер, Website – веб-сайт, Blockbuster – блокбастер, Mystery – тайна, babysitten – присматривать за ребенком.

И, наконец, самая современная английская лексика по большей части относится к областям:

высоких технологий (Playstation, Joystick, Display, Airbag, Gameboy, Online, Provider, E-Mail, Mouse),

бизнеса и экономики (Marketing, Image, Message, Corporate Identity, Slogans, Promotion),

красоты и моды (Foundation, Strip, Eyeliner, Make-up, Fluid, Cover, Concealer, Highlighter, Look, Fashion, Top, Dress, Boots),

спорта (Fan, Freestyle, Cross, Penalty, Match, Badminton, Finish, Sprint, Team, Handicap),

СМИ (Pay-TV, Feature, Primetime, Motion, Entertainer, Print, Slow) и так далее (примеры взяты со страниц онлайн-версии журнала Vogue).

Листая немецкие журналы и газеты, читая статьи в Интернете, можно встретить значительное количество англо-американских заимствований, обозначающих понятия из выше названных областей.

В данной статье представлены результаты исследования семантики англо-американских заимствований на материале периодического электронного издания журнала Vogue. Электронное издание представляет собой электронный документ (группу электронных документов), прошедший редакционно-издательскую обработку, предназначенный для распространения в неизменном виде, имеющий выходные сведения.

Для проведения данного исследования было проанализировано 16 статей объемом 63 000 символов, что составляет 1,6 печатного листа. Без

учета того факта, что отдельные исследуемые лексемы употребляются в разных статьях более одного раза, можно выделить 100 англо-американизмов, которые обозначают понятия из различных сфер жизни. Анализ семантики исследуемых лексем проводился на основе отнесения их к определенной тематической группе. Всего было выделено 7 групп.

Больше всего англицизмов было выявлено в тематической группе, включающей лексемы, обозначающие социальные явления – 20 (сюда были отнесены прилагательные, глаголы и существительные, описывающие реалии): Protection, Wash, Hydrate, high, volumen, Business, sexu, Eternity и т. д.

На одно заимствование меньше в тематической группе, включающей лексемы, обозначающие понятия бьюти-сферы – 19: Hairspray, colorieren, Haircontrast, Longbob, Ponytail, zu stylen, Look, Beauty и т.д.

Следующими по количеству являются тематические группы, включающие слова, обозначающие понятия из области интернета (18), моды (17) и рекламы (14).

Меньше всего англо-американизмов включают тематические группы, состоящие из лексем, обозначающих понятия из сферы музыки (5), а также фото и видео (3): Trailer, Selfie, CD.

Интересным является тот факт, что при наличии немецкого эквивалента в исследуемом электронном издании используется заимствованное слово. Рассмотрим слово Beauty. В немецком языке существуют такие эквиваленты к этому слову: das Schöne; die Schönheit; die Ansehnlichkeit. Однако именно англо-американский вариант используется в основном в названиях рубрик журнала, а также в статьях о красоте, моде и стиле жизни. Это слово используется как самостоятельно, так и в качестве компонента сложных слов: Beauty-Tipps, Beauty-News. Можно предположить, что немецкий эквивалент не используется в данном случае по причине наличия у него иной окраски. Слово das Schöne относится, скорее, к внешней характеристике человека или предмета. Заимствование же Beauty обобщает понятия моды, стиля, красоты, стиля жизни, всего, что касается косметики, причесок и пр. В качестве компонента сложного слова “beauty” не переводится, но оказывает влияние на значение всего композита: “Perfekte Rottöne können in den Beauty-Cases nie genug vertreten sein...” - в данном случае Beauty-Case будет переводиться способом транскрипции - бьюти-кейс, то есть, в каком-то роде, косметичка, чемодан визажиста и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журнал Vogue <http://www.vogue.de/>

BEDEUTUNGSBEZIEHUNGEN ZWISCHEN LEXIKALISCHEN EINHEITEN DES WORTBESTANDS (ANHAND DER DEUTSCHEN FARBBEZEICHNUNG “GRÜN” UND DER ASERBAIDSCHANISCHEN FARBBEZEICHNUNG “AĞ”)

Jabarova Arzu Qadir

Doktor der Philosophie in der Philologie, Oberlehrerin, Aserbaidsschanische
Sprachenuniversität, Baku, Aserbaidsschan

Die Wörter im Wortgut der Sprache gehen miteinander semantische Beziehungen ein und schaffen dadurch Wortgruppen bzw. Wortfelder. Das heißt, die Wörter existieren nicht für sich alleine, sie kommen nie isoliert vor, als wären sie durch eine unsichtbare Kette miteinander verbunden. Im Vergleich zu der Peripherie ist für den Kern dieser Gruppe Intensität und Festigkeit der Beziehungen charakteristisch. Wir werden nun die Aussage, dass die Wörter kein “einsames Leben führen”, anhand einiger Beispiele erläutern. Die Sprache muss man sich wie ein lebendiges Wesen vorstellen. Sie befindet sich in einem stetigen Entwicklungsprozess. Stillstand bedeutet Rückschritt, sich zurückzuentwickeln, was schließlich zum Tod der Sprache führt. Wenn wir uns den Wortschatz der Sprache als ein riesiges Meer ausmalen würden, dann könnten wir ersehen, dass die Wörter mit lexikalischer Bedeutung seine obere Fläche, die ständig in Bewegung ist, bilden, während seine sich sehr langsam bewegende Tiefe aus funktionalen Einheiten besteht, die nur grammatische Bedeutungen haben. Die Neuigkeiten in der Gesellschaft spiegeln sich auf der lexikalischen Ebene der Sprache wider. Die Entwicklung der

Wissenschaftsbereiche und der Technik und die politischen, wirtschaftlichen und sozialen Veränderungen finden sich vervollkommen in der Sprache. Und so entstehen neue lexikalische Einheiten, manchmal ersetzen die neuen Einheiten die älteren und die nicht mehr gebrauchten Wörter wandern vom Zentrum in die Peripherie und werden allmählich von Wellen an die Küste geworfen. Auf diese Weise erweitert sich der passive Wortschatz der Sprache. Manchmal erhalten die Wörter eine neue Bedeutung und können dabei ihre Hülle behalten. Nur unter dieser Bedingung können sie ihr Leben weiterführen. Die Sprache ist das Spiegelbild der Gesellschaft. Wie die Gesellschaft nicht aus einzelnen Menschen bestehen kann, so kann die Sprache nicht aus einzelnen Wörtern bestehen. Die Beziehungen zwischen Menschen formen die Gesellschaft und die Beziehungen zwischen Wörtern formen die Sprache. Wenn wir auf das Meeresbeispiel zurückkommen, dann könnten wir sagen, dass die Meerestropfen (Wörter) dadurch das Meer (die Sprache) bilden können, dass sie miteinander in Verbindung gehen.

Nun betrachten wir diese Beziehungen näher. Es steht außer Frage, dass zwischen den Wörtern der Sprache paradigmatische und syntagmatische Bedeutungsbeziehungen existieren. Darüber hinaus darf man die assoziativen Bedeutungsbeziehungen nicht außer Acht lassen. Zunächst legen wir fest, dass wir ab nun an im Artikel die Wortfelder meinen werden, wenn wir über die Wortgruppen reden. Als Beispiel für paradigmatische Bedeutungsbeziehungen können wir lexikalisch-semantiche Gruppen, synonymische und antonymische Reihen und die Komponente der Bedeutungsstruktur eines mehrdeutigen Wortes usw. anführen. Thematische Gruppen und die Wörter mit gleichem Wurzelmorphem gehören unserer Ansicht nach ebenso zu den lexikalisch-semantiche Gruppen. Manchmal werden auch Wortarten zu den Wortfeldern gezählt.

Am Beispiel der Farbbezeichnung "grün" können wir eine Reihe von Bedeutungsbeziehungen zwischen lexikalischen Einheiten in der deutschen Sprache erkennen. Im Folgenden betrachten wir einige semantische Beziehungen dieses Wortes innerhalb der lexikalisch-semantiche Gruppe.

- Die Gruppe der Farbbezeichnungen: „schwarz, weiß, grau, rot, violett, blau, grün, gelb, orange, braun“
- Die Gruppe der Farbbezeichnungen, die die chromatischen Farben im Lichtspektrum bezeichnen: „rot, orange, gelb, grün, blau, indigo, violett“
- Farbbezeichnungen die grüne Farbe bzw. die Grüntöne ausdrücken: „apfelgrün, blassgrün, blattgrün, dunkelgrün, erbsengrün, erdgrün, farngrün, flaschengrün, gelboliv, giftgrün, grasgrün, grauoliv, grünblau, grünfarbig, grünlich, grünlichgelb, hellgrün, jagdgrün, kiefergrün, knallgrün, laubgrün, lauchgrün, leuchtgrün, lichtgrün, liliengrün, lorbeerengrün, mattgrün, maigrün, metallgrün, minttürkis, minzgrün, mittelgrün, moosgrün, nilgrün, oliv, olivfarben, olivfarbig, olivgrün, opalgrün, perlgrün, reingrün, resedagrün, sattgrün, schimmelgrün, schwarzoliv, seegrün, signalgrün, smaragdgrün, spinatgrün, tannengrün, tschitscheringrün, tiefgrün, türkisgrün, waldgrün, weizengrün, wiesengrün, zartgrün, blaugrün, braungrün, gelbgrün, graugrün, rotgrün, schwarzgrün, weißgrün“ [Klappenbach].
- Die Gruppe von Tier-, Vogel-, Insekt- und Pflanzenbezeichnungen mit "grün": „Grünspecht, Grünfink, Grünkern, Grünkohl, Grünalgen, Grünmalz, Grünspargel“
- Die Gruppe der lexikalischen Einheiten mit dem Morphem "grün": „immergrün, Grünanbau, Grünanlage, Grünblatt-Tabak, grünblind, Gründonnerstag, Grüne, grünempfindlich, grünen, Grünenabgeordnete, Grünfäule, Grünfläche, Grünfink, Grünfutter, grüngelb, Grüngemüse, Grüngeschmack, Grüngürtel, Grünhering, Grünkernmehl, Grünkohl, Grünkram, Grünland, Grünlicht, Grünling, Grünmais, Grünmasse, Grünöl, Grünrock, Grünschimmel, Grünschnabel, Grünschwäche, Grünsehen,

Grünstärke, Grünstich, Grünstift, Grünstreifen, Grüntee, Grünton, Grünzone, tschitscheringrün“

Betrachten wir die Farbbezeichnung „grün“ als ein polysemantisches Wort, dann können wir klar sehen, dass sich auch seine Semanteme synonymische Reihen darbieten können. Im Deutschen Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm steht, dass das Wort „grün“ ursprünglich im Sinne „sprossend“ auf jungen Pflanzenwuchs angewendet wurde. Erst danach wurde es als Farbbezeichnung für die Farbe „in Saft stehender Pflanze“ gebraucht [DWB, Bd. 9, Sp. 641]. Die meisten Nebenbedeutungen dieses Wortes wurden von der ursprünglichen abgeleitet.

- **„oliv, grün“**
- **„ahnungslos**, grün, naiv, unerfahren, unreif, infantil, jugendlich, jung, kindisch, unkundig, unbewandert, unwissend, ahnungslos, arglos, blauäugig, einfältig, gutgläubig, gutmütig, harmlos, infantil, kindlich, leichtgläubig, sorglos, treuherzig, unbefangen, unkritisch, unschuldig, vertrauensselig, kritiklos, kindsköpfig, unfertig, unmündig, unselbstständig, klein“
  - **„unreif**, grün, hart, nicht erntereif, sauer, saftlos“
  - **„frisch**, grün, saftig“
  - **„jung**, grün, frisch, blühend, saftig, appetitlich, knackig, knusprig, gesund“
  - **„naturgemäß**, biologisch-dynamisch, naturverbunden, ökologisch, umweltbewusst, alternativ, umweltfreundlich, umweltschonend, umweltverträglich“ [Gröner].

Jedes Semantem kann über ein oder mehrere Antonyme verfügen. Folgende lexikalische Einheiten stehen mit dem mehrdeutigen Wort „grün“ in einer antonymischen Bedeutungsbeziehung:

- **„erfahren**, alt, reif, bejahrt, groß, erwachsen, grau, ehrwürdig, gesetzt, gereift, abgeklärt, vernünftig“
- **„reif**, süß, saftig, rot, gelb“
- **„welk**, dürr, trocken, getrocknet, verdorrt, vertrocknet, verkümmert, faulig, kaputt“
- **„betagt**, bejahrt, Greis, verblüht, ältlich, angealtert, angejahrt, faltig, gealtert, verlebt“
- **„umweltschädlich**, umweltgefährdend, umweltzerstörend“ [Agricola].

Die syntagmatische Bedeutungsbeziehung entsteht innerhalb eines Satzes bzw. eines Syntagmas. Die Wörter kommen in einem Kontext vor und im Gegensatz zu den Komponenten der paradigmatischen Bedeutungsbeziehung können sie sich nicht gegenseitig ersetzen.

Assoziative Bedeutungsbeziehung ist dem Individuum geeignet. Daher kann die Größe eines assoziativen Wortfelds, die von dem Weltwissen, den

Lebens- und Berufserfahrungen des Individuums abhängt, unterschiedlich sein. Der Kern eines assoziativen Wortfelds muss sich bei verschiedenen Menschen, die in einer sozialen Gesellschaft leben, nicht sehr unterscheiden.

Fügen wir der Liste der schon oben aufgezählten lexikalischen Einheiten auch die Wörter, die mit dem Wort „grün“ syntagmatische und assoziative Bedeutungsbeziehung eingehen, und auch alle stehenden Wortverbindungen mit „grün“ als Bestandteil hinzu, dann können wir feststellen, wie breit die Bedeutungsbeziehungen des erforschten Wortes sind, zum Beispiel „Grüne Woche, grüne Erde, grüner Punkt, grüne Lunge, grüne Ware, grüne Klöße, grüner Speck, grünes Holz, grüne Ideen, grüne Politik, grüner Plan, grüne Witwe, grüne Welle, grüne Minna, der Grüne, grün vor Wut, sich grün ärgern, an jemandes grüner Seite gehen, auf einen grünen Zweig kommen, von einem grünen Tisch entscheiden, dasselbe in Grün, grün hinter den Ohren sein, bei Mutter grün, jemandem wird es ganz grün und blau vor Augen, grün vor Neid sein, noch sehr grün sein, ach du grüne Nonne, die grüne Hochzeit, über die grüne Grenze gehen, grün lachen“

Die Bedeutungsbeziehungen dieser Farbbezeichnung sind in der aserbajdschanischen Sprache nicht so vielfältig wie in der deutschen Sprache. Aber unser Ziel ist nicht die Sprachen zu vergleichen, sondern an Beispielen verschiedener lexikalischer Einheiten die Ganzheit des Wortbestandes der Sprachen zu verdeutlichen.

Nun analysieren wir die Bedeutungsbeziehungen der Farbbezeichnung „ağ“ (weiß) in der aserbajdschanischen Sprache. Dieses Wort kann Mitglied folgender lexikalisch-semanticen Gruppen sein:

- Die Wortgruppe der Hauptfarbbezeichnungen: „ağ, qara, qırmızı, yaşıl, sarı, göy“
  - Die Gruppe der achromatischen Farbbezeichnungen im Lichtspektrum:
„ağ, qara, boz“
- Die Gruppe der Wörter, die diese Farbe und deren Töne ausdrücken: „ağ, bəyaz, ağımtıl, ağtəhər, ağaçalan, ağımsov, ağabənzər, ağappaq, apağ, dümağ, ağyanız, ağyağız, nabatı, şəkəri“
- Die Gruppe der Wörter, die die Hautfarben der Menschen bezeichnen: „ağ, qara, qırmızı, sarı, ağdərili, ağyanız, ağmaya, ağmatan, ağbəniz, ağnavaz, əsmər, qaradərili, qırmızıldərili, buğdayı, qarabuğdayı, qarayanız, qarayağız“
- Die Gruppe der Wörter, die die Haarfarben bezeichnen: „ağ, qara, şəvə, sarışın, qızılı, kürən, qırmızı, boz, şabalıdı“
- Die Gruppe der Wörter, die die Pferdefarben ausdrücken: „ağ, qara, kəhər, boz, kürən, qızılı kürən“
  - Die Gruppe von Tier-, Vogel-, Insekt- und Pflanzenbezeichnungen mit

„ağ“: ağdiş, ağ ayı, ağdöş ayı, ağqarın, ağgöz, ağsol, ağbalıq, ağleylək, ağquyruq, ağgözcük, ağqanadlı, ağyonca, ağşanı, ağot, ağyarpaq, ağkirpik, ağtərə, ağqovaq, ağsöyüd, ağtikan, ağsoğan, ağçubuq, ağgilə, ağqılçiq“

Als polysemantisches Wort „ağ“ weist Reihen von sinnverwandten Wörtern auf.

- Farbbezeichnung: „süd rəngi, qar rəngi“
- hell: „açıq, bəyaz, parlaq“
- hochwertig: „yüksək keyfiyyətli, əla“
- sauber: „təmiz, ləkəsiz, çirklənməmiş“
- glücklich: „xoşbəxt, bəxtəvər, ağgün, ağdaban“
- übertrieben: „ifrat, mübalığəli, açıqdan-saçığa“
- ehrlich: „təmiz, vicdanlı, namuslu“
- erfahren: „hörmətli, təcrübəli, yaşlı“
- feig: „qorxaq, cəsarətsiz“

Antonymische Wortgruppen der obengenannten Semanteme sind auch sehr breit:

- dunkel: „tünd, qara, zülmət, qaranlıq, işıqsız, tutqun“
- minderwertig: „aşağı keyfiyyətli, ucuz, pis“
- schmutzig: „çirkli, kirli, ləkəli“
- unglücklich: „bədbəxt, bəxtsiz, qaragün, talesiz, küskün, uğursuz, qaradaban, yazıq“
- unehrlich: „vicdansız, namussuz, məkrli, qarafikirli, xain“
- unerfahren: „cavan, gənc, təcrübəsiz, bərkə-boşa düşməmiş“
- mutig: „cəsur, cəsarətli, qorxmaz, inamlı“

Natürlich anhand der syntagmatischen und assoziativen Bedeutungsbeziehungen dieser lexikalischen Einheit vergrößert sich ihr Wortfeld.

Zusammenfassend können wir sagen, dass der Wortschatz einer Sprache eine Ganzheit ist, indem seine Komponente zueinander in enger Verbindung stehen. Wenn man die Einheiten des Wortbestands, die miteinander in Bedeutungsbeziehungen eingehen, mithilfe einer Linie verbinden würde, dann würde ein „Wortnetz“ entstehen und keine Einheit außen vor bleiben würde.

LITERATURVERZEICHNIS

1. Agricola CH., Agricola E. Wörter und Gegenwörter. Antonyme der deutschen Sprache. – Leipzig, 1980 – 280S
2. Kleines Synonymwörterbuch von Gröner H., Kempcke G. - Leipzig, 1987 – 430S.
3. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Herausgegeben von D.Götz, G.Haensch, H.Wellmann. -Berlin-München, 1998 – 1218 S.

4. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Herausgegeben von Klappenbach R. und Steinitz W. -Berlin: Akademie- Verlag, Bd.1- 4, 1968-1978 – 4579 S.
5. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. Ə. Orucovun redaktəsi altında. I c. -Baku, 1966 – 596 S.
6. Cabarova A.Q. Müxtəlifsystemli dillərdə rəng adlarının semantik-struktur xüsusiyyətləri: alman və Azərbaycan dillərinin materialları əsasında: filologiya üzrə fəlsəfə dok. ... dis. Avtoreferatı, Baku, 2015 – 22 S.

WEBVERZEICHNIS

1. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Bd. 9, Sp. 641, unter http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GG29938#XGG29938 (abgerufen am 20.04.2018).
2. Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter, Umgangssprache, unter <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (abgerufen am 15.04.2018).

Психолого-педагогические и методические аспекты инновационного обучения иностранным языкам

ИЗУЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Веклич Марина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры современного русского языка
факультета филологии и журналистики

Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия

Философия является обязательной к изучению дисциплиной в вузах России. Иностранные студенты наравне с российскими студентами изучают структуру философского знания, историю развития мировой философской мысли. Теоретическая составляющая таких занятий сложна для российских студентов, а для студентов-иностранцев тем более. Поэтому на занятиях по дисциплине «Иностранный язык (русский)» студентам-инофонам разных факультетов и специальностей, объединяемых в одну группу для интенсивной подготовки по русскому языку как иностранному, было организовано изучение языка философии. В рамках этих занятий студенты изучали тексты и их языковое своеобразие по истории философии, познакомились с философскими учениями и знаменитыми философами. Для этих целей силами преподавателей кафедры современного русского языка факультета филологии и журналистики, факультета довузовской подготовки иностранных граждан

был составлен учебник «Русская миля» [Русская миля 2014], первая часть которого содержала тексты по философии и практические задания к ним.

Единый стержень таких занятий – тексты философской направленности как адаптированные, так и неадаптированные для инофонов. Языковая работа охватывала все языковые уровни при подготовке к восприятию и чтению текста. Так, например, для языковой работы по теме «Философия Древнего Востока» студентам был предложен неадаптированный текст из учебно-практического пособия «Философия. Ч. I. История философии» [Философия 2007: 16-23].

Для актуализации знаний, восприятия и понимания текста студентам первоначально предлагается лексическая работа, позволяющая им познакомиться с ключевыми словами, терминами данного текста. Такая работа формирует у инофонов навык толкования слов, закрепляя умение определять значение разными способами, например:

1) с помощью словаря, предлагаемого перед текстом:

Задание 1. *В данном тексте вам встретятся философские понятия, ознакомьтесь с их значением и лексической сочетаемостью. Обратите внимание на ударение и грамматические характеристики слов.*

Бытиé, -я, ср.р. **Бытие** – существование. **Бытие в мире**. Например, в предложении: «Я есть» – моё *бытие* в мире.

2) конструкторская работа со словом (образование однокоренных слов):

Задание 2. *Образуйте при помощи суффиксов -ени(-е), -ани(-е) существительные от следующих глаголов. Составьте словосочетания, раскрыв скобки. Учитывайте чередования в корнях д//дж, с//ш. Образец:* возникнуть (философия) – возникновение философии, стремить(ся) (добро) – стремление к добру, желать (узнать) – желание узнать.

Задание 5. *От данных сочетаний образуйте сложные слова. 1) существительные:* Мир + здание; натура + философия; первый + основа; первый + субстанция.

3) составление парадигм слов (подбор синонимов и антонимов):

Задание 3. *Подберите синонимы (если есть) и антонимы (если есть) к словам. Образец:* красный – алый, багровый, багряный; белый – черный.

Важный, изначальный, невидимый, прочнейший, древний, активный, различный, тождественный, традиционный, внутренний.

Следующий подготовительный этап в предтекстовой работе – это активизация знаний, умений и навыков в области морфологии русского языка. Для анализа предъявляются формы, которые будут представлены в тексте, поэтому данная часть работы определяется морфологическим наполнением текста. Чаще всего это бывает работа с формами прилагательного, глагола, например:

Задание 6. *От данных прилагательных образуйте степени сравнения. Составьте с прилагательными словосочетания и предложения.*

Задание 7. *Образуйте полную и краткую формы пассивных причастий от инфинитива глагола и запишите их.*

Задание 8. *От данных глаголов образуйте полную и краткую форму страдательных причастий с помощью суффиксов -нн-, -енн-, -т-. Составьте с причастиями словосочетания и предложения.*

Вплести, насытить, призвать, связать, ограничить, разработать, пробудить, просветить, положить, избрать.

Начиная подготовительную работу предтекстового этапа с отдельных слов, студенты переключаются впоследствии на работу с предложениями, т.к. для определения формы или значения слова важен контекст, например:

Задание 11. *Вместо точек вставьте глаголы.*

1. Важной чертой философии Древнего Востока ... (являет – является) акцент на изначальном единстве макро- и микрокосма, природы и человека.

2. Человек ... (представляет – представляется) как мельчайшая песчинка мироздания.

3. Другую черту данной философии ... (составляет – составляется) ее прочнейшая связь с мифологией.

4. Не меньшее значение в теоретической мысли Востока ... (имеет – имеется) натурфилософия.

Следующая часть подготовительного этапа для последующего восприятия текста – работа с синтаксическими структурами разного типа, например:

1) словосочетание:

Задание 9. *К данным словам подберите определения из текста. Образец:* черта – важная черта.

Единство, песчинка, нити, взаимодействие, школы, образы, мысль, традиции, философия, цивилизации, дифференциация,

Задание 10. *Найдите в тексте данные глаголы и выпишите их с зависимыми словами.*

Отразить, формироваться, составить, содержать, происходить, являться, представлять, определять, возникать.

2) предложение:

Задание 12. *Замените придаточное предложение причастным оборотом.*

1. Человек вплетен в картину мироздания тысячью невидимых нитей, которые устанавливают теснейшее взаимодействие между человеком и Космосом.

2. Индийская философия формировалась под влиянием двух мощных традиций: арийских племен, которые пришли во II тысячелетии до н.э. в страну, и местных древних цивилизаций.

3. Основу индийской идеологии составили арийские Веды-гимны, которые прославляют богов и содержат просьбы о земных благах (II тыс. до н.э.).

Притекстовая работа предваряет чтение текста. В таком случае студентам предлагается прочитать заголовок текста и проанализировать его, предположить, о чем пойдет речь в тексте. Следующее задание (*Прочитайте первые предложения абзацев и назовите микротемы текста*) активизирует предсказательность, смысловую догадку о содержании предъявленного текста и готовит к составлению плана текста, созданию пересказа. Студенты на первых занятиях, где предъявляется такое задание, вспоминают/повторяют принципы построения любого текста, которые

сохраняются и при выделении абзацев: выдвигается тезис (в первых предложениях), затем приводятся доказательства, потом следуют выводы (в последних предложениях).

Послетекстовые задания проверяют степень понимания прочитанного и готовят к завершающему этапу: создание собственного текста либо в виде пересказа (устного или письменного), либо в виде сочинения по предложенным, связанным с основным содержанием текста, темам. Задания в таком случае предлагаются такие:

1) Закончите предложения.

1. Важной чертой философии Древнего Востока является ...
2. Другую черту данной философии составляет ...
3. Не меньшее значение в теоретической мысли Востока имеет ...
4. Индийская философия формировалась под влиянием ...
5. Основу индийской идеологии составили ...
6. Согласно Упанишадам, в качестве первоосновы бытия выступает ...

2) Используя материал текста, ответьте на вопросы.

1. Что является источником философии Древнего Востока?
2. Под влиянием каких традиций сформировалась индийская философия?
3. Что отражают Упанишады?
4. На основе какой традиции возникла йога?
5. В чем суть йоги?
6. Какие истины положены в основу буддизма?

3) Согласитесь или не согласитесь со следующими утверждениями. Дайте правильный вариант ответа, используя формулы речевого этикета: нельзя согласиться с тем, что...; данное утверждение нельзя считать верным, так как ...; можно согласиться с тем, что...; данное утверждение можно считать верным, так как ...

1. Важной чертой философии Древнего Востока является акцент на макрокосме.
2. Философия Востока не была связана с мифологией.
3. Натурфилософия не имеет никакого значения в философии Востока.
4. Индийская философия сформировалась под влиянием древнегреческой традиции.
5. Согласно Упанишадам, формы бытия не равнозначны универсальной сущности мира.
6. Центральное место в учении даосизма занимают Ян и Инь.

4) Расположите пункты плана в логической последовательности.

1. Даосизм.
2. Основные черты философии Древнего Востока.
3. Философия йоги.
4. Возникновение индийской философии. Упанишады.
5. Конфуцианство.
6. Буддизм.

5) На основе плана из задания 26 составьте другой план, состоящий из трех пунктов.

6) Пользуясь составленным планом, расскажите о философии Древнего Востока.

При необходимости на этом этапе может опять проводиться работа по лексике и грамматике, например:

Попытайтесь объяснить значения выделенных в тексте слов. Используйте

грамматические конструкции: что? называется чем?; под чем? подразумевается что?; что? имеется в виду под чем?; что? означает что?; что? значит что?

Конечно, не всем студентам легко даются подобные задания, но отрадно видеть, как они тянутся за лучшими, как начинают дискутировать по тем или иным философским проблемам, стараясь помочь своей команде в языковом баттле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская мила: в 3 ч. [Текст] : учебник / М.В. Веклич, Н.В. Лукина, М.Н. Маркина, Н.Ю. Санникова; под ред. Н.Ю. Санниковой. – Астрахань: Астраханский государственный университет; Изд. дом «Астраханский университет», 2014. – Ч. 1: Философия. – 176 с.
2. Философия. Ч. I. История философии [Текст] : учеб.-практ. пос. / под ред. Ю.В. Еремина. – М.: МГУТУ, 2007. – 139 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Заичкина Наталья Владимировна

ассистент кафедры английского языка для ФСК и ЮФ

Трунилина Марина Игоревна

ассистент кафедры английского языка для ФСК и ЮФ
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»
г. Астрахань, Россия

Основной целью высшего образования является подготовка профессионала, способного к дальнейшему самосовершенствованию и творческому развитию, а также, развитие таких личностных качеств как трудолюбие, целеустремлённость, организованность, ответственность, коммуникабельность. Это значит, что перед преподавателем иностранного языка для студентов неязыковых специальностей ставится цель развить у них способность к коммуникации в устной и письменной форме на русском и иностранном языках для решения задач межкультурного и межличностного взаимодействия.

Вышеуказанные цели возвращают нас к проблеме мотивации студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка. Опыт работы показывает, что эту проблему педагоги вынуждены решать на протяжении всего курса обучения английскому языку в вузе, т.к. в большинстве случаев преподавателю приходится работать в группах студентов, имеющих разный уровень подготовки. В одной группе

студентов могут оказаться те, кто практически свободно владеет иностранным языком, и те, кто в силу каких-то причин имеет очень слабую подготовку или совсем не изучал его.

Такое положение дел отрицательно сказывается на уровне мотивации всех студентов группы. Если преподаватель сосредоточится на совершенствовании знаний и умений студентов, свободно владеющих английским языком, то, как следствие, у студентов начального уровня подготовки не будет никакой мотивации к изучению иностранного языка. Если преподаватель будет давать задания, ориентируясь на группу студентов с начальным уровнем знаний, то студенты более высоких уровней владения языком утратят всякий интерес к изучению иностранного языка, что в итоге приведет к отрицательным результатам обучения. Ф. К. Зайнуллина отмечает: «Результат образовательного процесса зависит от положительной мотивации студентов обучаться, т.к. мотив это то, ради чего выполняется деятельность» [Зайнуллина]. Из этого следует вывод о том, что поддержка достаточно высокого уровня мотивации студентов к изучению иностранного языка является одной из основных задач педагога.

Здесь хотелось бы снова вернуться к определению и классификации мотивации. Современные психологи используют различные способы классификации мотивации. Одним из них является выделение интринсивной (внутренней) и экстринсивной (внешней) мотивации. К внутренней мотивации принято относить группу мотивов, имеющих внутренние причины: потребности, установки, интересы, желания, стремления. Внутренняя мотивация позволяет человеку действовать и поступать, руководствуясь внутренними причинами, не подвергаясь влиянию внешних обстоятельств. К экстринсивной мотивации принято относить группу мотивов, обусловленных внешними факторами, такими как, например, условия, обстоятельства, не связанные с содержанием конкретной деятельности.

Существует деление мотивации на устойчивую и неустойчивую, а также на положительную и отрицательную. Устойчивой мотивацией считается мотивация, основанная на нуждах человека, не требующая подкрепления. Соответственно, неустойчивая мотивация требует постоянного подкрепления, дополнительной стимуляции извне. Ожидание позитивного или негативного результата или подкрепления позволяет психологам выделять положительную или отрицательную мотивацию. Примером положительной мотивации может служить фраза «если я выучу эту тему, я получу высокий балл», в то же время примером отрицательной мотивации может стать фраза «если я выучу эту тему, я не получу неудовлетворительную оценку». Опыт работы показывает, мотивацию студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка можно в большинстве случаев классифицировать как внешнюю,

неустойчивую, отрицательную. Следовательно, преподавателю следует уделять особое внимание формированию и постоянному подкреплению положительной мотивации к изучению иностранного языка.

Кайлин Уильямс и Каролин Уильямс в своей работе выделяют пять ключевых составляющих для поднятия мотивации студентов: студент, учитель, содержание, метод/процесс и окружающая обстановка [Уильямс 2011: 2]. Учитывая тот факт, что все эти пять компонентов находятся в тесной связи друг с другом и оказывают постоянное влияние на учебный процесс, мы приходим к выводу о том, что:

1) содержание обучения должно быть интересным и студенту, и преподавателю;

2) содержание должно соответствовать требованиям будущей профессии студентов;

3) окружающая обстановка должна настраивать всех участников учебного процесса на работу, создавать благоприятную атмосферу для общения на иностранном языке;

4) преподаватель должен создать благоприятную и безопасную психологическую атмосферу на занятии;

5) современные технические средства должны быть доступны для использования на занятиях;

б) а также, по нашему мнению, педагог должен владеть различными методами преподавания, чтобы подобрать наиболее подходящий метод преподавания и стиль общения со студентами, учитывая психологические особенности и возможности каждой группы.

Исходя из всего вышесказанного, для успешного изучения английского языка в сфере профессиональной коммуникации наиболее продуктивным и методически оправданным нам представляется использование метода проектов.

Работая со студентами факультета архитектуры и дизайна, применяя для их обучения различные методы преподавания английского языка, мы пришли к выводу, что проектная работа имеет много преимуществ.

Во-первых, проектный метод позволяет задействовать в учебном процессе всех студентов, независимо от уровня их подготовки, т.к. над проектом можно работать небольшими командами. Здесь учителю следует взять под контроль состав команд, чтобы в одной группе были студенты с разным уровнем подготовки. Это позволит студентам учиться друг у друга, а информация, полученная в соответствии с принципом «равный обучает равного», как правило, оказывается более значимой, ценной, чем полученная от преподавателя, а значит, лучше усваивается и дольше удерживается в памяти.

Во-вторых, используя метод проектов очень важно дать студентам право выбора [Антонова, Шмелева]. Можно, например, предложить им темы проектов на выбор. Также можно попросить их предложить свои

темы для исследования или изучения, т.к. заинтересованность студентов в получении информации по данной теме будет стимулировать их активную работу. Например, в группе студентов 2 курса мы исследовали отдельные памятники архитектуры Астрахани, в группе 3 курса описывали на английском языке проектные работы студентов, выполненные в качестве курсовых работ по специальности.

В-третьих, командная работа позволяет создать благоприятную конкурентную среду. Конкуренция возникает между командами, но не между отдельно взятыми студентами. Такая конкуренция не может понизить личную самооценку, но в то же время стимулирует активные действия студентов для достижения его командой наивысших результатов.

Однако при огромном количестве плюсов данного метода существуют и некоторые отрицательные моменты. Например, при работе над выбранной темой студенты со слабым или средним уровнем владения языком могут стремиться к использованию родного языка для работы в группе. Учитель должен быть готов решать подобные сложные ситуации, создавая благоприятную, дружескую, безопасную обстановку, чтобы студент мог пытаться выражать свои мысли или делиться важной информацией, не боясь допустить ошибку, за которую он будет высмеян. Главной целью студента в данной ситуации будет любыми доступными ему средствами иностранного языка донести необходимую информацию до собеседников или добиться от них каких-либо действий. В этом ему могут и должны помогать студенты его команды, с более сильной подготовкой, и, безусловно, учитель. По отзывам самих студентов, ничто не стимулирует к говорению на иностранном языке как обязательное условие использовать изучаемый иностранный язык в качестве единственно возможного средства достижения своей цели.

Также хотелось бы обратить внимание на то, что не все группы (команды), работающие над проектом одинаково эффективны и добиваются хороших результатов. Причиной этого является не только не достаточно сильная мотивация, но и состав команд. Выше мы обращали внимание на важность создания комфортной и безопасной психологической атмосферы для того чтобы каждый участник команды мог максимально реализовать свои способности и тем самым внести свой вклад в общий успех. Исходя из вышесказанного и опыта работы со студентами, мы приходим к выводу, что при объединении студентов в команды следует включать в команду людей, разных по характеру и темпераменту, а также, если возможно, обоих полов. Это даст возможность им возможность увидеть изучаемый вопрос с разных сторон, более успешно выполнять те или иные задачи, возникающие перед командой. Например, кто-то может генерировать идеи, а кто-то способен более тщательно работать над деталями.

Т.В. Тюленева, изучая особенности проектной работы, представленные в трудах А.В. Хуторского и Р.Э. Викке, обращает внимание на то, что проектная работа может осуществляться студентами индивидуально или в группах, но отдается предпочтение групповой, в частности парной работе. [Тюленева Т. В. 2012:77] Наш опыт работы со студентами показывает, что оптимально в команде может быть от двух до шести студентов. Это обусловлено тем, что в такой команде:

а) каждый студент будет чувствовать свою ответственность за общее дело;

б) больше возможности собраться командой для совместной работы или обсуждения тех или иных вопросов, задач, проблем.

Как отмечалось выше, мы использовали метод проектов своей работе со студентами 2-3 курсов факультета архитектуры и дизайна. Все команды, работающие над проектами, прошли несколько этапов работы. Первым, и очень важным, этапом стало деление на команды. Вторым этапом был выбор темы. Третьим этапом стала постановка целей и определение задач, которые нужно будет решить для достижения поставленных целей. Четвертый этап включал в себя планирование работы, определение сроков выполнения и распределение обязанностей в команде. Следующим этапом стало выполнение поставленных задач в соответствии с планом. Затем подготовка проекта к представлению и разработка критериев оценки. Завершающим этапом стало выступление с презентацией готовой работы и анализ проделанной работы.

Особое внимание хотелось бы уделить важности завершающего этапа работы над проектом – этапа анализа проделанной студентами работы. Позволив студентам параллельных команд на заключительном этапе, во время представления готовых проектов, оценить работу друг друга, мы дадим им мотив внимательно слушать выступления других команд, задавать вопросы, быть критичными и учиться ценить труд других. Разработайте вместе со студентами критерии оценки. Например, в группе студентов 2 курса специальности «Графический дизайн» мы обсудили и создали таблицу с критериями оценок. По итогам обсуждения в неё были включены следующие пункты:

- а) качество подачи материала;
- б) качество презентации;
- в) доступность используемых слов и конструкции для восприятия аудиторией;
- г) соответствие стиля подачи материала теме;
- д) количество и уместность вводных слов и оборотов;
- е) умение задавать вопросы выступающей команде;
- ж) способность понять вопрос и дать исчерпывающий ответ.

После выставления студентами таблицы попросите их прокомментировать оценки, которые они выставляют выступающей

команде. Обязательно комментируйте сами и отслеживайте прогресс. Это поможет студентам увидеть полученные результаты и поставить перед собой новые цели. Студенты этой группы очень высоко оценили то, что их мнение было учтено при подведении итогов работы.

Подводя итог, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что метод проектов, при грамотном использовании и соблюдении всех условий работы, может повысить мотивацию всех участников учебного процесса: студентов и преподавателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюленева Т.В. Проектная работа студентов как средство развития их лингвистической креативности в процессе изучения иностранного языка / Материалы научно-методической конференции «Инновационные технологии и методы в профессиональном образовании студентов университета». – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – С. 98 – 101. – ISBN 978-5-9926-0189-3
2. Тюленева Т.В. Формирование лингвистической креативности студентов неязыковых специальностей: Дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2012. – 211 с.
3. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. - М.: Изд-во МГУ, 2003. - 416 с.
4. Wicke R.E. Vom Text zum Projekt. Kreative Textarbeit und offenes Lernen im Unterricht „Deutsch als Fremdsprache“ 1997 Cornelsen Verlag, Berlin, 168 S.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ УДАЛЕННОГО ДОСТУПА

1. Антонова Н. В., Шмелёва Ж. Н. Повышение мотивации студентов на уроках иностранного языка в неязыковом вузе [Электронный ресурс] /Вестник КрасГАУ, 2015. №3/ URL:<https://cyberleninka.ru/article/v/povyshenie-motivatsii-studentov-na-urokah-inostrannogo-yazyka-v-neязыковом-vuze> (дата обращения: 28.03.2018)
2. Зайнуллина Ф.К. Проектный метод обучения в формировании мотивации образовательного процесса студентов [Электронный ресурс]/URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/proektnyy-metod-obucheniya-v-formirovanii-motivatsii-obrazovatel'nogo-protsessa-studentov> (дата обращения: 28.03.2018)
3. Коваленко Ю.А., Никитина Л. Л. Проектная деятельность студентов в образовательном процессе вуза [Электронный ресурс] / URL <https://cyberleninka.ru/article/v/proektnaya-deyatelnost-studentov-v-obrazovatelnom-protsesse-vuza> (дата обращения: 28.03.2018)
4. Kaylene C. Williams California State University, Stanislaus Caroline C. Williams University of Wisconsin, Madison Research in Higher Education Journal Five key ingredients for improving student motivation [Электронный ресурс] <http://www.aabri.com/manuscripts/11834.pdf> (дата обращения: 28.03.2018)
5. Michael Rost, Generating Student Motivation Series Editor Of WorldView [Электронный ресурс]// Generating Student URL:http://www.longmanhomeusa.com/content/WorldView_Motivation.pdf (дата обращения: 28.03.2018)

НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ В МЕТОДОЛОГИИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Кириллова Татьяна Сергеевна,
доктор филологических наук, профессор,
зав.кафедрой иностранных языков

Климчук Олег Геннадьевич
кандидат педагогических наук, доцент

Касаткин Николай Николаевич
кандидат педагогических наук, доцент
зав.кафедрой экстремальной медицины и безопасности
жизнедеятельности

Астраханского государственного медицинского университета, Астрахань,
Россия

Обзор публикаций, посвященных изучению подготовки врачей, приводит к заключению, что, как правило, исследование этого сложного и многопланового процесса проводилось с аналитических позиций. Их предмет расчленялся на составные части с последующим анализом каждой из них в отдельности. На этом пути получен ряд результатов, представляющих интерес для организации. Вместе с тем известно, что накопление даже массы добротных, но разрозненных эмпирических данных не только не облегчает, а, напротив, затрудняет познание какого-либо сложного явления или процесса. Очевидно, что существенных успехов в совершенствовании медицинского образования можно достичь, если опираться на методологию системного подхода, которая позволяет учитывать сложность и многокомпонентность этой проблемы.

Системный подход представляет собой конкретно- научную методологию познания сложных объектов, пришедшую на смену аналитическим исследованиям. **Сущность системного подхода заключается в том, что объекты исследования изучаются как системы.**

Потребность в использовании понятия «система» возникла для объектов различной физической природы в глубокой древности, еще Аристотель обратил внимание на то, что целое (то есть система) невозможно свести к сумме частей, его образующих.

Существует множество определений понятия системы (Бир С., 1971; Акофф Р., Эмери Ф., 1974; Холл А., 1975; Клир Дж., 1990; Мескон М.Х. и соавт., 1992 и др). В то же время представляется, что для решения задач настоящего исследования в большей степени подходит определение П.К. Анохина: *«Системой можно назвать только такой комплекс*

избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношение приобретает характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата»[Анохин 1980: 76].

Возможны несколько вариантов системного подхода к процессу подготовки врачей.

Один из таких подходов - рассмотрение подготовки медицинских кадров с позиций теории функциональных систем П.К. Анохина, которая выступает как методология не только при изучении функционирования организма, но и различных видов его деятельности. Эта теория, как следует из приведенного ранее определения, в отличие от других направлений системного подхода, исходит из ведущей роли полезного для системы результата - эффективности обучения. Результат выступает в качестве системообразующего фактора. Функционирование системы понимается как процесс последовательного изменения ее состояния.

Важно учитывать, что все функциональные системы, независимо от уровня их организации и количества составляющих компонентов, имеют принципиально одну и ту же функциональную архитектуру (принцип изоморфизма); афферентный синтез; стадию принятия решения; акцептор результата действия; формирование самого действия (эфферентный синтез); многокомпонентное действие; достижение результата; обратная афферентация о параметрах достигнутого результата. Принцип изоморфизма, по всей вероятности, должен быть реализован и в настоящей работе, то есть при системном исследовании этого процесса необходимо проанализировать функционирование каждой стадии данной системы.

Одним из основных в методологии системного подхода является положение об иерархии систем («принцип иерархии»). Согласно этому положению каждая система рассматривается как составная часть вышестоящей («суперсистемы»). При этом с одной стороны, она подчинена ей в своих проявлениях, а, с другой стороны, сама определяет характер вышестоящей системы на основе собственных свойств. **Именно полезный результат функционирования системы, какой бы малой она ни была, представляет тот реальной вклад, который эта система может внести при образовании всей суперсистемы.**

При исследовании системы подготовки врачей целесообразно также реализовать принцип мультипараметрического взаимодействия - изменение результата деятельности одной из ее функциональных подсистем немедленно сказывается на результатах деятельности системы в целом. Точно также изменение характеристик какого-либо информативного критерия, характеризующего конкретного студента, скажется как на состоянии этого показателя, так и на результатах профессиональной подготовки будущего специалиста [Юматов 1982: 63].

Еще один вариант системного подхода к исследованию подготовки медицинских кадров связан с процессом управления. При этом под

управлением понимается процесс целенаправленного воздействия на систему, обеспечивающий повышение ее организованности, достижение того или иного полезного эффекта, а система, в которой протекают процессы управления, называется «системой управления». Понятие системы управления впервые было введено в теории автоматического управления. Так, в сборнике рекомендуемых терминов по теории управления система управления определена как «система, состоящая из управляющего объекта и объекта управления» (Теория управления. Терминология: Сборник рекомендуемых терминов. - М.: Наука, 1988,- Вып. 107).

Действительно, если мы полагаем, что в системах не может быть бесцельных процессов (есть цель деятельности), то должны быть управление достижением этой цели и сама деятельность по ее достижению. Таким образом, налицо разделение функций управляющей и управляемой подсистем. Подобное разделение объективно необходимо, оно вызвано усложнением процессов деятельности во всех ее областях, в том числе в медицинском образовании, постоянным ростом общественного характера деятельности, увеличением взаимосвязей различных процессов. Появляется необходимость согласования целей и усилий индивидуумов, коллективов и т.д., управления их совместной деятельностью.

Вариант системного подхода, когда орган управления - преподаватель, а объект управления - слушатели, был апробирован на кафедре ОТМС Саратовского Военно-медицинского факультета. Результат реализации данного подхода оказался положительным. По-видимому, его также целесообразно использовать при исследовании функционирования системы подготовки медицинских работников.

Чрезвычайно важно получить данные об истинном состоянии системы управления. **Специфика поставленной задачи предполагает реализацию положений педагогической диагностики.** При этом под педагогической диагностикой следует понимать целенаправленную познавательно-преобразующую деятельность участников педагогического процесса, обеспечивающую эффективность обучения и воспитания специалистов на основе полной и достоверной информации об их содержании, методике, средствах, условиях и результативности [Барабанщиков 1995: 72].

В процедуре диагностирования исследователи выделяют пять относительно самостоятельных этапов: на первом (подготовительном) формируется замысел, определяются цели, задачи, информативные критерии диагностики и методы диагностирования; на втором (поисковом) этапе изучаются объекты диагностирования, выявляется и собирается соответствующая информация; на третьем (оценочном) этапе производится анализ полученных данных, характеризующих процесс обучения, реальные объекты, явления, устанавливается диагноз и

определяется его достоверность; на четвертом (продуктивном) этапе прогнозируется характер развития процесса, определяются необходимость и возможности использования полученных материалов для его оптимизации; на пятом (заключительном) этапе организуется хранение диагностической информации.

Центральным звеном диагностирования, по всей вероятности, является установление диагноза. Действительно, по мнению С.И. Ожегова [Ожегов 1985: 141], диагностика - учение о способах диагноза; установление диагноза. В контексте настоящей работы данное положение предполагает, во-первых, оценку функционирования всей системы подготовки врачей в конкретном медицинском вузе и, во-вторых, получение результатов прогнозирования индивидуальной успешности военно-профессиональной подготовки студентов. При этом существенным компонентом выступает определение критериев, которыми руководствуется диагност.

Представляется целесообразным при выполнении данного исследования использовать критерии оценки деятельности кафедры ВЭМ АГМУ, разработанные Н.Н. Касаткиным (2002) и послужившие базой проектирования соответствующей технологии оптимизации.

Что же касается информативных критериев прогнозирования индивидуальной успешности профессиональной подготовки студентов медицинского вуза, то этот вопрос, как уже обосновывалось ранее, нуждается в специальном исследовании.

Возможна ли оптимизация рассматриваемого процесса профессиональной подготовки? Ответ на этот вопрос будет представлен в следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин, П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы / П.К. Анохин. – М., 1980. -196 с.
2. Барабанщиков, А.В. Военно-педагогическая диагностика (теория, опыт, проблемы) / А.В. Барабанщиков, П.П. Дерюгин. – М.: Военный университет, 1995. - 108с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание 17-е, стереотипное. - М.: «Русский язык», 1985. - С. 141
4. Теория управления. Терминология: Сборник рекомендуемых терминов. - М.: Наука, 1988,- Вып. 107.
5. Юматов, Е.А. Системный подход как концептуальная основа исследования эмоциональных стрессов / Е.А. Юматов // Вестн. АМН СССР. -1982. - №2. – С. 63-69.

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВЛЯЮЩИХ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ЦИКЛА МЕТОДИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Макарова Валентина Петровна

старший преподаватель кафедры немецкой филологии
Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия

Для успешной обучающей деятельности учителю иностранных языков нужно владеть теоретическими и практическими основами обучения иностранным языкам, включая знание научных подходов, методических принципов, общих дидактических и частных дидактических методов, обучающих приемов, а также современных педагогических технологий.

Необходимость дальнейшего совершенствования учебно-воспитательного процесса при изучении конкретного учебного предмета привел к постановке и исследованию проблемы методического управления. К.Б. Есипович впервые поставила и решила проблему в технологии обучения иностранным языкам [Есипович 1983,1985,1988].

Автор убедительно доказывает, что предлагаемая параметрическая концепция методического управления возникла на основе анализа методологии деятельности общей теории систем, общей теории управления, теории социального управления и теории педагогического управления. Введение в педагогическое управление понятия методического управления позволяет качественно по-новому, прежде всего в аспекте генезиса и функционирования, раскрыть сущность системообразующих факторов, влияющих на процесс усвоения формируемых деятельностей.

С точки зрения К.Б. Есипович, существует несколько аргументов, которые обуславливают целесообразность и объективную необходимость введения методического управления применительно к предмету «иностраный язык». Во-первых, только методическое управление может полностью учесть качественное своеобразие изучаемого предмета и обеспечить последовательную реализацию требований, выдвигаемых общей теорией управления, а также учет специфических закономерностей учебного процесса по предмету. Во-вторых, комплексный характер проблем, решаемых каждым конкретным учебным предметом, не позволяет педагогическому управлению достаточно обоснованно и комплексно обеспечивать введение необходимых изменений даже в связи с анализом главных сторон изучаемых явлений. В-третьих, системный подход к анализу объектов управления, т.е. изучение системы в трех взаимосвязанных аспектах – структурном, функциональном и информационном – позволяет сосредоточить внимание на существенных

сторонах конкретного учебного предмета с учетом его качественного своеобразия. В-четвертых, объективный анализ педагогической обстановки по обучению конкретному предмету, прогнозирование перспектив, совершенствование системы обучения и воспитания средствами изучаемого предмета показывают важность выбора ведущего звена, способного стимулировать эффективное решение стоящих задач. Управление вбирает в себя в критическом переработанном виде все ценное, достигнутое передовым опытом школы при изучении конкретного учебного предмета [Есипович 1985:20].

Вместе с тем, автор цитируемого исследования не абсолютизирует роль методического управления. К.Б. Есипович подчеркивает, что «методическое управление не претендует на универсальность, единственность своего подхода... и не есть особый метод или прием. Методическое управление ставит целью не предложить очередное усовершенствование, а предлагает проведение качественных, глубинных преобразований конкретной предметной области с целью максимального ограничения стихийности и обеспечения гарантированного уровня обученности каждого ученика [Есипович 1985:60-61]. Таким образом, методическое управление как специфический вид общественной деятельности призван помочь в разработке комплекса мероприятий, обеспечивающих успешное решение проблем, стоящих перед школой на современном этапе при обучении конкретному предмету.

Иными словами, «методическое управление – это многоуровневый подход к построению процесса по конкретному учебному предмету, целенаправленное проектирование педагогического, психологического и методического обеспечения учебного процесса» [Есипович 1985:40].

В широком смысле методическое управление может интерпретироваться как самостоятельная научная область, отрасль науки, занимающаяся изучением соотношения педагогического управления и технологии обучения конкретному предмету, т.е. «стык», не входящий ни в традиционный предмет педагогики, ни педагогической психологии, ни технологии обучения конкретному предмету.

Поскольку методическое управление интерпретируется как самостоятельная научная область, то оно имеет свой собственный предмет исследования. *Предметом методического управления является целенаправленное воздействие на учебный процесс по овладению учебными деятельностями с целью получения результатов с заданными характеристиками.* В предмет методического управления как объекта входит вся проблематика, связанная с изучением данной сферы деятельности.

В соответствии с концепцией К.Б. Есипович, объектами методического управления являются учащиеся, учебная деятельность и соответствующие им действия. Под учебными деятельностями

понимаются инвариантные звенья или деятельности эвристического, полуэвристического и алгоритмического характера.

Для методического управления, как и управления вообще характерна цикличность. Управленческий цикл начинается с постановки целей, задач и завершается решением этих задач, достижением поставленной цели. При этом важно: 1) указать цели управления; 2) установить исходное состояние управляемого процесса; 3) определить программы воздействий, предусматривающие основные переходные состояния процесса; 4) обеспечить получение информации по определенной системе параметров о состоянии управляемого процесса, т.е. обеспечить систематическую обратную связь; 5) обеспечить переработку информации, полученной по каналу обратной связи, с целью выработки корректирующих (регулирующих) воздействий и их реализации.

По определению К.Б. Есипович «цикл методического управления – это ограниченное во времени, повторяющееся явление. Управленческий цикл методического управления должен учитывать положения общей и педагогической теории управления, но в то же время должен отражать качественное своеобразие объектов и субъектов методического управления. Есть основание полагать, что основным структурным элементом управленческого цикла, с позиций субъекта, может явиться блок как объективно значимая единица управленческого цикла с позиций субъекта управления на уровне учебного процесса, своеобразная программа деятельности субъекта» [Есипович 1985:34]. Введение понятия «блок методического управления» позволяет с точки зрения К.Б. Есипович, минимизировать зону поисков вариантов решения, способствует укрупнению изучаемых вопросов и большей обозримости средств, наиболее значимых для обеспечения надежных результатов. Кроме того, введение блоков методического управления как особой новой единицы системно-функционального характера позволяет обеспечить оперативность рекомендаций, компактность, что создает реальную возможность обзорно вычлнить наиболее важные узлы проблемы. При этом упорядочение проблем по блокам является своеобразным способом организации, облегчающим ориентировку, позволяя сосредоточить внимание субъектов управления на узловых проблемах.

В результате проведенного анализа К.Б. Есипович было выделено девять блоков, составляющих управленческий цикл методического управления:

- 1) Блок определения целей управления;
- 2) Блок учета качественного своеобразия формируемой деятельности;
- 3) Блок мотивационной обеспеченности процесса управления;
- 4) Блок организации обратной связи;
- 5) Блок организации контроля;

- 6) Блок организации самоконтроля;
- 7) Блок учета индивидуальных особенностей учащихся;
- 8) Блок организации учебного процесса по овладению объектами управления;
- 9) Блок организации коррекции.

Выделенные блоки относительно автономны и инвариантны к формируемой деятельности, к основным объектам методического управления – деятельности алгоритмического, полуэвристического и эвристического характера, но в то же время существует их определенное соподчинение.

Следовательно, блоки методического управления рассматриваются как своеобразная система параметров или типовых признаков, с помощью которых процесс методического управления анализируется и комментируется. По объему воздействия на объект различают такие уровни методического управления, как полное, неполное, рационализация и нулевое управление.

Полное методическое управление имеет место, если представлены все основные блоки методического управления. Схематически это может быть представлено так: 1)+2)+3)+4)+6)+7)+8)+9)+ - полное методическое управление.

Неполное методическое управление или управляемость имеет место, если отсутствует факультативный блок методического управления (№9 – коррекция). Схематически это можно изобразить так: 1)+2)+3)+4)+5)+6)+7)+8)+ - неполное управление или управляемость.

Рационализация, когда отсутствуют два параметра-блока из названных блоков, а именно (№4 – организация обратной связи) и (№9 – коррекция), которая означает относительно целостное улучшение учебного процесса. Схематически это можно изобразить так: 1)+2)+3)+4)-)5)+6)+7)+8)+9)-. Объекты рационализации связаны с возможностью и целесообразностью использования программирования при обучении иностранным языкам в школе.

Нулевое управление, если отсутствуют такие параметры-блоки, как №9 – коррекция, №4 – обратная связь, №5 – оперативный контроль, №6 – самоконтроль, т.е. совершенствование, которое всегда означает частичное, фрагментарное, избирательное (нецелостное) улучшение учебного процесса: 1)+2)+3)+4)-)5)-)6)-)7)+8)+9)-. Без блоков №9, №4, №5, №6 учебный процесс состоится и может быть достигнут определенный уровень обученности.

По мнению К.Б. Есипович, «оптимальным может быть любой из уровней управления, который в данных конкретных условиях при наименьших затратах времени позволит достигнуть наилучших результатов, т.е. при условии нулевого рассогласования достигается

существенный прирост количества и качества практических навыков и умений у каждого учащегося за единицу времени» [Есипович 1985:64].

Средства управления связаны со средствами обучения. Любое средство обучения может стать средством управления, если оно четко соотносится с деятельностной концепцией методического управления и способствуют выполнению управленческих функций. С позиций субъектов управления целесообразно различать основные и вспомогательные средства.

Основные средства управления: 1) книги для учителя; 2) программные материалы различного дидактического назначения, построенные с учетом идей методического управления; 3) учебники иностранного языка.

Вспомогательные средства управления: 1) учебные инструкции; 2) схемы; 3) алгоритмы; 4) памятки; 5) ориентировочные карточки и таблицы; 6) ключи; 7) образцы; 8) опоры; 9) раздаточные материалы. Средства управления должны обеспечивать активную адаптацию учащихся.

Чтобы осуществлять методическое управление учителю важно знать:

1) объективные и субъективные трудности овладения иностранным языком;

2) основные понятия и составляющие процесса управления;

3) параметры и критерии методического управления;

4) какие учебные деятельности или отдельные действия могут быть объектами управления;

5) место методического управления в учебном процессе по иностранному языку;

6) средства управления познавательной деятельностью учащихся при изучении иностранного языка.

Мастерство учителя заключается в умении предвидеть и избегать формальных решений и качественно учить каждого ученика, обеспечивая возможность достижения необходимого уровня коммуникативной компетенции. Именно поэтому применение идей методического управления столь необходимо в процессе обучения иностранному языку, поскольку обеспечивается гарантированный уровень обученности каждого и всех учащихся по предмету при минимальных затратах времени и средств на достижение поставленной цели, а также способствует наиболее рациональной и целенаправленной организации процесса обучения по иностранному языку. Это переход педагогической науки к проектированию оптимальных педагогических процессов для достижения учащимися высокого мастерства в изучаемом предмете.

Методическое управление может быть дифференцировано как личностно-ориентированный подход к построению процесса обучения по данному конкретному предмету с учетом уровня интеллектуального

развития учащихся, а также уровня их обученности по данному предмету, их способностей и задатков, т.е. предпрограммы учащихся, благодаря чему обеспечивается гарантированный уровень обученности каждого учащихся по предмету.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есипович К.Б. Книга для учителя к учебнику «Немецкий за два года» - М., 1988
2. Есипович К.Б., Миссюра Н.А. Немецкий язык за два года – М., 1988
3. Есипович К.Б. Основы управления процессом обучения иностранным языкам в средней школе – М., 1983
4. Есипович К.Б. Подготовка студентов к управлению учебно-воспитательным процессом по иностранным языкам в школе как средство формирования их социальной активности - М., 1985
5. Есипович К.Б. Управление познавательной деятельностью учащихся при изучении иностранных языков в средней школе – М., 1988

АУДИРОВАНИЕ В ОБУЧЕНИИ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Сорокина Татьяна Георгиевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия

Одной из целей обучения второму иностранному языку является развитие иноязычной коммуникативной компетенции, важной составляющей которой служит речевая компетенция в аудировании, говорении, чтении и письме.

Студенты в период педагогической практики часто сталкиваются с тем, что школьники испытывают гораздо большие затруднения в аудировании, чем в других видах речевой деятельности на втором изучаемом языке. Ведь суть аудирования кроется в одновременном восприятии языковой формы и понимании содержания высказывания, а с точки зрения коммуникации именно это умение и является ключом к успешному овладению иностранным языком. Управление же формированием этой речевой деятельности затрудняется тем обстоятельством, что она протекает во внутреннем плане, скрыто от наблюдения [Бим 1988: 192].

Чтобы облегчить данную работу и упорядочить ее, в методике преподавания иностранных языков принята трехчастная модель обучения аудированию: до прослушивания, во время прослушивания, после прослушивания. Задача учителя подобрать соответствующие задания и разнообразные опоры (изобразительные, вербальные), а также использовать контролирующие задания, соотносящиеся с глубиной понимания содержания аудиотекста (полное; глобальное; селективное, т.е. выделение необходимой информации в коротких аутентичных текстах).

К сожалению, начинающему учителю выдержать весь известный алгоритм работы над аудированием не всегда удастся. Причин тому множество: незаинтересованность детей в выбранном втором иностранном языке, их разный уровень обученности, предельно минимизированное количество уроков второго иностранного языка в неделю и время самого урока, который часто сокращен на пять минут, а самое главное естественная на первых порах неуверенность в своих силах и возможностях.

Поэтому так важно в период педагогической практики соблюдать несколько несложных правил: общаться на уроке только на иностранном языке, регулярно использовать аудиоприложение к УМК, по которому работаешь, добиваться понимания со стороны учащихся формулировки задания к аудиотексту, при необходимости иллюстрировать его соответствующими примерами - образцами, выводя их на интерактивную доску, планомерно заниматься повторением изученного лексико-грамматического материала, на основе которого построены аудиотексты.

Хорошее техническое оснащение современных кабинетов иностранного языка позволяет студентам привлечь к обучению школьников аудированию еще и визуальные опоры с помощью мультимедийной панели, задействуя таким образом не только слуховой канал памяти, но и зрительный.

Еще одним мощным стимулом в развитии аудитивных умений выступает песня. Аудиоприложения к самым распространенным УМК по немецкому языку как второму иностранному содержат определенный песенный материал.

Будущие учителя, увлеченные музыкой, с успехом используют на уроках ИЯ2 немецкие песни, положительной чертой которых, безусловно, является их аутентичность. Для немецких песен характерен чаще всего мажорный лад. Их отличает бодрый, энергичный ритм. Мелодия песни управляет интонацией предложения, логическим ударением. Мотив и слова песни запоминаются произвольно и намного быстрее, стихотворная форма также облегчает запоминание. Песня, подобранная верно и затрагивающая актуальную для школьника проблему, вызывающая у него интерес, может послужить поводом для общения и средством формирования речевой компетенции [Blell 1996: 150].

При отборе песен для школьников обращают внимание на их воспитательный потенциал, соответствие возрасту учащихся, их речевому опыту в родном и иностранном языках. Текст песни должен быть для ученика ясным и простым, представлять разные формы речи – монологическую и диалогическую.

Последовательность работы с песней как материалом, предназначенным для аудирования, такая же, что и с обычным аудиотекстом.

Однако стоит учесть, что ознакомление с новыми словами (показ+объяснение) из песни, их иллюстрацию примерами стоит давать не общим списком, а по смысловым фрагментам текста.

Учитель обязательно прорабатывает с учащимися сложные грамматические конструкции в песенном тексте.

В 8-ом классе одной из студенток-практиканток для аудирования была предложена песня «Gold von den Sternen», Angelika Milster.

После выполнения необходимых подготовительных упражнений для проверки понимания содержания текста она использовала серию заданий в тестовой форме.

Например:

1. Um wen handelt es sich in diesem Lied. (a..., b..., c..., d...)
2. Wo lag ihr Haus? (a..., b..., c..., d...)
3. Was steht nicht im Text? (a..., b..., c..., d...)
4. Was ist der Hauptgedanke des Liedes? (a..., b..., c..., d...)

Школьники проявили подлинный интерес к такому уроку. Оказалось, что не только практикант, но и учитель этого класса активно используют немецкие песни для развития как языковых навыков, так и речевых умений.

Более того, ежегодные фестивали немецкой песни, проводимые кафедрой немецкой филологии на факультете иностранных языков в течении последних пяти лет, свидетельствуют об огромной популярности этого жанра и среди школьников и среди студентов.

Какие бы материалы не использовались на уроке для формирования аудитивных умений, следует стремиться соблюдать нормы прослушивания (не менее двух раз), а также стимулировать школьников к комментарию трудностей, с которыми они столкнулись. В современном обучении для становления речевой компетенции в аудировании возможно использовать разнообразные тексты, но они должны быть интересны и значимы для молодых людей, нести им дополнительную информацию о стране изучаемого языка, ее культуре и истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. Проблемы и перспективы. – М.: Просвещение, 1988. – 256 с
2. Blell G., Hellwig K. Bildende Kunst und Musik im Fremdsprachenunterricht. – Frankfurt/M., 1996. – 385 S.

ВЫЯВЛЕНИЕ СТУДЕНТАМИ ЯЗЫКОВЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Тюленева Татьяна Владимировна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры немецкой филологии

Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия

Обучая немецкому языку студентов неязыковых направлений подготовки (специальностей), для которых иностранный язык не является профилирующим предметом, мы стараемся в условиях малого количества учебного времени, выделенного для дисциплины «Иностранный язык», максимально использовать предлагаемые данным предметом широкие возможности для развития когнитивных процессов личности (прежде всего, мышления). Большую важность представляет развитие самостоятельного логического мышления. В значительной степени этому способствует самостоятельное выявление студентами языковых закономерностей и формулирование на их основе грамматических правил. В одной из наших предыдущих публикаций [Тюленева 2013] мы уже указывали на необходимость организации учебно-исследовательской деятельности студентов по выявлению языковых закономерностей, на необходимость применения обозначенного А.В. Хуторским метода конструирования правил, который заключается в «создании», «открытии» самими обучающимися правил в рамках учебной дисциплины [Хуторской 2003: 218]. Идея применения такого метода на занятиях по иностранному языку отражена в методической литературе, в частности, в трудах Г. Функа, М. Кёнига (G. Funk, M. Koenig). Немецкие исследователи утверждают, что обучающиеся, сравнивая между собой грамматические явления, находя сходства и отличия между ними, анализируя их, осознавая языковые закономерности, могут «открывать практически все грамматические правила» [Funk, Koenig 1991: 124-125; Тюленева 2013: 184]. Такая работа способствует не только развитию логического мышления обучающихся, но и наилучшему усвоению данных правил: информация, полученная в результате собственной напряженной мыслительной деятельности, запоминается гораздо лучше, чем предоставленная преподавателем «в готовом виде».

В стремлении поделиться некоторыми собственными разработками по организации учебно-исследовательской деятельности студентов мы уже представили учебный материал, который позволяет студентам выявить правило образования формы прошедшего разговорного времени Perfekt, содержащее множество нюансов [Тюленева 2013: 185 - 186]. (Отметим, однако, что в дальнейшем этот материал был нами несколько переработан.) Здесь же мы помещаем отобранный нами языковой материал

для организации работы студентов по выявлению правил определения рода имен существительных в немецком языке. Он используется нами в образовательной практике.

Опираясь на предложенный языковой материал, студенты должны выявить закономерности, отражающие зависимость рода существительных от их значения и словообразовательной формы. Материал представлен 238 немецкими существительными, приведенными с определенным артиклем и снабженными переводом на русский язык. Существительные предъявляются студентам на отдельных карточках (на одной карточке написано одно существительное). Причем по отдельности предлагаются набор из 78 карточек, на которых написаны существительные мужского рода (набор № 1), набор из 88 карточек с существительными женского рода (набор № 2) и набор из 72 карточек с существительными среднего рода (набор № 3). Внутри каждого набора студенты должны сгруппировать карточки, рассортировать их по группам на основе самостоятельно выделенных признаков. Карточки в предлагаемых трех наборах перемешаны и сложены преподавателем так, чтобы исключить любые логические подсказки. Преподаватель формулирует задание и инструктирует студентов следующим образом: «Прочитайте имена существительные мужского рода на карточках из набора № 1. Сравните их друг с другом, выявите сходства и отличия между ними, рассортируйте карточки, разложив их по группам на основе общих признаков, и определите, что за существительные в немецком языке относятся к мужскому роду. Сформулируйте и запишите правила. Затем проведите такую же работу с карточками из наборов №№ 2 и 3. Обобщите, что за существительные относятся к женскому и среднему родам. Сформулируйте и запишите правила».

Касательно количества существительных отметим, что в учебной литературе правила определения рода имен существительных излагаются с гораздо меньшим количеством существительных в качестве примеров. И это целесообразно, поскольку правила там преподносятся «в готовом виде», их студенты не выявляют. Организуемое же нами учебное исследование – имитация филологического исследования, приводящего к открытиям. А филологические исследования, проводимые учеными, – результат анализа и систематизации обширного языкового материала. Необходимость анализа студентами большого количества слов в рамках данного исследования обусловлена следующими факторами:

- 1) наличием большого количества закономерностей и, следовательно, правил, в соответствии с которыми немецкие существительные относят к тому или иному роду;

- 2) требованием обеспечения «исследователей» таким количеством слов, которое является достаточным для выведения индуктивным путем каждого правила;

3) наличием исключений из правил (слова-исключения, которые не соответствуют выявленным закономерностям, также должны быть представлены, но слов, соответствующих правилу, должно быть гораздо больше, чтобы студенты могли интерпретировать исключения именно как таковые).

Отметим, что предметом исследования нашими студентами - студентами неязыковых направлений подготовки - стало *большинство* из разработанных филологами правил определения рода имен существительных. Некоторые из правил определения рода существительных по значению и словообразовательной форме нами охвачены не были. Пример: представленное малым количеством слов правило, согласно которому имена существительные с суффиксом *-är* относятся к мужскому роду (*der Sekretär, der Revolutionär*). При необходимости такие правила можно задействовать.

С учетом разнообразия неязыковых направлений подготовки мы задействовали правила определения рода существительных по значению, касающиеся профессионально-ориентированной лексики, например: названия небесных светил, химических элементов, денежных единиц. Если преподаватель считает необязательной работу студентов определенного направления подготовки с той или иной группой слов, то такие группы можно удалить. Учет направления подготовки может проявляться и в замене существительных, иллюстрирующих правила определения рода по словообразовательной форме, на профессионально-ориентированную лексику. Так, для студентов направления подготовки «Педагогическое образование», любого профиля в список можно внести существительные *die Pädagogik, die Methodik, die Erziehung, die Entwicklung, die Persönlichkeit, die Fähigkeit, die Fertigkeit*.

Таким образом, наш набор существительных можно расширять или сокращать, можно заменять предложенные нами слова.

Данное учебное исследование проходит в рамках групповой работы. Целесообразно выявление правил с использованием всех трех наборов карточек малой группой из 4 – 5 студентов. Таким образом, можно организовать одновременную работу двух-трех малых групп. Она станет более интересной, если придать ей характер соревнования. Отметим, однако, что количество студентов, изучающих немецкий язык, на неязыковых факультетах невелико, поэтому зачастую мы имеем малокомплектные академические группы. В таких случаях организуется работа одной группы, применяется коллективная форма обучения.

В ходе исследовательской деятельности студенты не имеют права пользоваться литературой (ни на бумажных, ни на электронных носителях), доступ в Интернет запрещен.

Ниже мы приводим список существительных, которые мы предлагаем студентам для исследования. Это три группы слов:

существительные мужского рода, женского и среднего. Внутри этих групп слова распределены на подгруппы так, как это должны делать студенты, выявляя зависимость рода существительных от их значения и словообразовательной формы. Слова-исключения из правил выделены курсивом для удобства оценивания педагогом соотношения между ними и словами, соответствующими правилам. На карточках же для студентов все слова оформлены одинаково.

Имена существительные мужского рода

der Mann (мужчина)	der Lehrer (учитель)
der Junge (мальчик)	der Schüler (ученик)
der Vater (отец)	der Maler (художник)
der Sohn (сын)	der Dichter (поэт)
der Bruder (брат)	der Schriftsteller (писатель)
der Onkel (дядя)	der Leser (читатель)
	der Fahrer (водитель)
der Winter (зима)	der Arbeiter (рабочий)
der Frühling (весна)	der Astrachaner (астраханец)
der Sommer (лето)	der Moskauer (москвич)
der Herbst (осень)	
	der Sportler (спортсмен)
der September (сентябрь)	der Tischler (столяр)
der Oktober (октябрь)	der Künstler (деятель искусств)
der November (ноябрь)	
der Dezember (декабрь)	der Komponist (композитор)
	der Linguist (лингвист)
der Montag (понедельник)	der Jurist (юрист)
der Dienstag (вторник)	der Polizist (полицейский)
der Mittwoch (среда)	der Tourist (турист)
der Sonntag (воскресенье)	
	der Jüngling (юноша)
der Tag (день)	der Liebling (любимец, любимица)
der Morgen (утро)	der Lehrling (ученик (на производстве))
der Abend (вечер)	
<i>die Nacht (ночь)</i>	der Praktikant (практикант)
	der Laborant (лаборант)
der Norden (север)	der Aspirant (аспирант)
der Süden (юг)	
der Westen (запад)	der Realismus (реализм)
der Osten (восток)	der Klassizismus (классицизм)
	der Kommunismus (коммунизм)
der Planet (планета)	

der Stern (звезда)
der Mond (Луна)
der Mars (Марс)
der Saturn (Сатурн)
der Jupiter (Юпитер)
der Komet (комета)
die Sonne (Солнце)
die Venus (Венера)

der Regen (дождь)
der Schnee (снег)
der Nebel (туман)
der Reif (иней)
der Hagel (град)

der Optimismus (оптимизм)
der Organismus (организм)

der Rubel (рубль)
der Euro (евро)
der Dollar (доллар)
der Cent (цент)
der Franken (франк)
der Yuan - юань
die Mark (марка)
die Kopeke (копейка)
das Pfund (фунт)

Имена существительные женского рода

die Frau (женщина)
die Mutter (мать)
die Tochter (дочь)
die Schwester (сестра)
die Tante (тетя)
das Weib (женщина)

die Wohnung (квартира)
die Ordnung (порядок)
die Zeitung (газета)
die Meinung (мнение)
die Erzählung (рассказ)
die Bildung (образование)
die Übung (упражнение)

die Organisation (организация)
die Kommunikation (коммуникация)
die Information (информация)
die Situation (ситуация)
die Tradition (традиция)

die Industrie (индустрия)
die Chemie (химия)
die Biologie (биология)
die Psychologie (психология)
die Theorie (теория)

die Lehrerin (учительница)
die Schülerin (ученица)
die Studentin (студентка)
die Schriftstellerin (писательница)
die Freundin (подруга)
die Astrachanerin (астраханка)
die Bärin (медведица)

die Möglichkeit (возможность)
die Schwierigkeit (трудность)
die Wirklichkeit (действительность)
die Sehenswürdigkeit
(достопримечательность)

die Kindheit (детство)
die Krankheit (болезнь)
die Gesundheit (здоровье)
die Freiheit (свобода)
die Schönheit (красота)

die Wissenschaft (наука)
die Wirtschaft (экономика)
die Gesellschaft (общество)
die Freundschaft (дружба)
die Landschaft (ландшафт)

die Melodie (мелодия)
die Partie (партия (игра))
die Energie (энергия)

die Linguistik (лингвистика)
die Grammatik (грамматика)
die Informatik (информатика)
die Physik (физика)
die Technik (техника)
die Politik (политика)
die Musik (музыка)

die Konditorei (кондитерская)
die Bäckerei (булочная)
die Polizei (полиция)
die Partei (партия (объединение))
die Malerei (живопись)

die Korrektur (исправление)
die Architektur (архитектура)
die Kultur (культура)
die Natur (природа)

die Universität (университет)
die Fakultät (факультет)
die Qualität (качество)
die Kreativität (креативность)

die Tanne (ель)
die Birke (береза)
die Eiche (дуб)
die Linde (липа)
die Pappel (тополь)
die Rose (роза)
die Kamille (ромашка)
die Aster (астра)
der Ahorn (клен)
das Vergissmeinnicht (незабудка)

die Tomate (томат)
die Gurke (огурец)
die Birne (груша)
die Zitrone (лимон)
die Apfelsine (апельсин)
die Kirsche (вишня)
die Erdbeere (клубника)
die Nuss (орех)
der Apfel (яблоко)
der Pfirsich (персик)
der Kohl (капуста)

Имена существительные среднего рода

das Kind (ребенок)
das Baby (младенец)
das Kalb (теленок)
das Ferkel (поросенок)

das Mädchen (девочка)
das Blümchen (цветочек)
das Kätzchen (котенок)
das Hündchen (щенок)
das Brötchen (булочка)
das Würstchen (сосиска)

das Fräulein (девушка)

das Russland (Россия)
das Deutschland (Германия)
das Großbritannien (Великобритания)
das Frankreich (Франция)
das Italien (Италия)
das Spanien (Испания)
das Österreich (Австрия)
das Belgien (Бельгия)
das Schweden (Швеция)
das Polen (Польша)
das Kanada (Канада)
das Kasachstan (Казахстан)
das China (Китай)

das Tischlein (столик)	das Japan (Япония)
das Büchlein (книжечка)	<i>die Schweiz</i> (Швейцария)
das Geißlein (козленок)	<i>die Türkei</i> (Турция)
	<i>die Ukraine</i> (Украина)
das Studium (учеба)	<i>die USA</i> (США)
das Praktikum (практика)	<i>die Niederlande</i> (Нидерланды)
das Museum (музей)	<i>der Iran</i> (Иран)
das Zentrum (центр)	<i>der Irak</i> (Ирак)
das Territorium (территория)	<i>der Sudan</i> (Судан)
das Leben (жизнь)	das Astrachan (Астрахань)
das Lernen (учение)	das Moskau (Москва)
das Lesen (чтение)	das Berlin (Берлин)
das Können (умение)	das Hamburg (Гамбург)
das Singen (пение)	das Paris (Париж)
das Schwimmen (плавание)	das London (Лондон)
	<i>der Haag</i> (Гаага)
das Eisen (железо)	das Russisch (русский язык)
das Gold (золото)	das Deutsch (немецкий язык)
das Silber (серебро)	das Englisch (английский язык)
das Kupfer (медь)	das Latein (латынь)
das Uran (уран)	
das Jod (йод)	das Drittel (треть)
das Chlor (хлор)	das Viertel (черверть)
<i>der Stahl</i> (сталь)	das Fünftel (пятая часть)
<i>die Bronze</i> (бронза)	das Zehntel (десятая часть)
<i>der Schwefel</i> (сера)	

Отметим, что обсуждение закономерностей обучающимися сопровождается столкновением разных точек зрения, небольшими дискуссиями. Это обусловлено как недостатком знаний, так и объективными противоречиями. К последним относятся наличие слов-исключений и один примечательный факт: существительное *der Frühling* относится к мужскому роду, потому что, с одной стороны, оно обозначает время года [Михайлова 1972: 22], с другой же, имеет суффикс *-ling* [Молчанова 1992: 64]. Как в учебной литературе родовая принадлежность этого существительного обосновывается по-разному, так и студенты могут отнести данное слово в любую из двух подгрупп: слова, обозначающие времена года, и слова с суффиксом *-ling*. Некоторые кладут карточку между двумя соответствующими группами карточек, чтобы показать отнесенность слова к ним обеим. В нашем списке существительное *der Frühling* приведено среди существительных, обозначающих времена года.

По завершении групповой работы проводится презентация результатов. Каждая группа показывает, как она распределила существенные, озвучивает «открытые» правила. Результаты групп обсуждаются в коллективе, сравниваются между собой. Выделяются отличия, если таковые имеются. Преподаватель на этапе представления групповых результатов оценок не дает, на ошибки не указывает.

После презентации собственных результатов студенты сравнивают их с «культурно-историческими аналогами» (термин А.В. Хуторского) [Хуторской 2003] – с изложением правил в учебной литературе. Обучающиеся знакомятся с информацией из учебников, учебных пособий, имеющихся в их распоряжении, а также из грамматических справочников, которые может предоставить преподаватель. На этом этапе студенты убеждаются в истинности собственных умозаключений, если они были правильными, и исправляют свои ошибки, если таковые были допущены. Как показывает опыт, каждой группе студентов приходится вносить некоторые коррективы в свои формулировки правил. Так, зачастую студенты в ходе выявления закономерностей не могут дифференцировать существенные мужского рода с суффиксами *-er* и *-ler*, относят их к одной группе; и лишь при знакомстве с правилами в учебной литературе они вскрывают и исправляют свою ошибку. В процессе знакомства с информацией из учебной литературы обучающиеся узнают и о правилах, не представленных в материале исследования. Преподаватель при необходимости вносит пояснения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева М.М. Практическая грамматика немецкого языка: Учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2002. – 206 с.
2. Дождикова Е.В. *Deutsche Grammatik in Aktion*. Грамматика немецкого языка с упражнениями: учеб. пособие / Е.В. Дождикова, Н.А. Евтева, И.А. Ваганова, О.В. Холодяева. - 2-е изд., испр. – М.: Флинта : Наука, 2011. – 272 с.
3. Михайлова О.Э., Шендельс Е.И. Справочник по грамматике немецкого языка с упражнениями для IX – X классов средней школы. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1972. – 360 с.
4. Молчанова И.Д. Краткая грамматика немецкого языка (справочное пособие). – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1992. – 143 с.
5. Тюленева Т.В. К вопросу «конструирования» обучающимися грамматических правил // Материалы Международной заочной научно-практической конференции «Современные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков» / Сост. Т.А. Бударина, Н.П. Степкин, О.Н. Шмелева. - Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2013. – С. 183 – 186.
6. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 416 с.
7. Funk H., Koenig M. *Grammatik lehren und lernen*. – Gersthofen, 1991. – 160 S.

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Фадеева Людмила Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка
Московского государственного института международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел России, Москва, Россия

Выбор диалога в качестве предмета исследования продиктован антропоцентрической направленностью современной лингвистической науки, возросшим интересом к изучению единиц, отражающих человеческий фактор в языке. Изучение «человека говорящего» актуально для современной науки о языке в связи с её обращением к языку в действии, к прагматическому аспекту языкового функционирования. В диалоге как основной форме речевого общения проявляет себя коммуникативная функция языка и его социальная природа. С точки зрения современной науки, диалог – интереснейший феномен не только человеческого общения, но также бытия и сознания. Глобальное понимание диалога и диалогических отношений в отечественной психологии и филологии восходит к трудам Л.С. Выготского и М.М. Бахтина, утверждавших, что диалогический характер носят человеческое мышление в целом и процесс понимания в частности [Бахтин 1979: 303], диалог пронизывает человеческое мышление, поскольку оно «совершается в слове».

Для современной науки характерна глобальность осмысления диалога и диалогических отношений. Диалог становится центральным понятием и его расширение приводит к тому, что практически «вся социальная сфера пронизана диалогическими отношениями: диалог культур, диалог политический, диалог межэтнический, диалог духовный» [Диалог 1991: 5]. В последние десятилетия наблюдается «экспансия диалогических видов коммуникации» [Колокольцева 2001: 21]. Даже в тех сферах, которые отличались отчётливо выраженной монологичностью, диалог в разных своих проявлениях получает широкое распространение. Диалогические жанры (беседа, интервью, «круглый стол» и пр.) занимают прочные позиции в электронных средствах массовой информации, на страницах газет и журналов. Те программы, в основе которых лежит диалог ведущего с конкретным лицом или с целой аудиторией имеют наиболее высокий рейтинг. Кроме того, черты диалогичности приобретают многие газетные жанры, прежде монологические. Диалогичность становится одним из важных принципов построения рекламного текста.

Такая привлекательность диалога основывается на целом ряде свойств, присущих диалогу и тесно взаимодействующих между собой. Одним из важных свойств является *антропоцентричность* диалога как основного способа «интеграции всех связей и отношений языковой

личности, которые обнаруживаются в её внешнем и внутреннем мире» [Вострикова 2015: 204].

Другим не менее важным свойством следует считать *демократизм* диалога как продукта коллективного творчества, созданного несколькими авторами. При этом адресат воспринимает направленное ему сообщение не пассивно, а активно участвует в процессе коммуникации.

Диалог предполагает наличие определённого *коммуникативного эффекта*, он изначально запрограммирован на установление обратной связи и учёт позиции адресата, и как результат – достижение взаимопонимания и согласия сторон. Диалог обладает высоким *прагматическим потенциалом*. Диалогические дискурсы «непосредственно включены в реальный деятельностный контекст и эта связь речи и действий фиксируется в сознании и даже подсознании носителей языка» [Фадеева 2008: 165]. Это свойство диалога и всех проявлений диалогичности широко использует реклама.

Диалог предрасположен к *экспрессии*: эмоции в нём играют значительную роль. Поэтому средства диалогичности выступают в тесном контакте со средствами разговорности, которые на фоне кодифицированного окружения воспринимаются как яркие и необычные. Такие диалоги, как правило, отличаются краткостью, лаконичностью и свёрнутостью языковых средств. Используются повторы, междометия, частицы, лексика разговорного стиля и пр. «Взаимная поддержка показателей диалогичности и разговорности значительно повышает экспрессивность контекста» [Фадеева 2011: 250].

Специфической чертой диалогической речи как наиболее характерной разновидности устного типа речи является её *эллиптичность*. Она характерна для всех языковых уровней диалогической речи: фонетического, лексического, грамматического. Некоторые из эллиптических оборотов закрепляются коммуникативной практикой и используются в виде готовых языковых знаков и клише. Устный диалог, даже публичный, почти никогда не может быть разыгран как по нотам. Он не исключает элементов *неожиданности* и *непредсказуемости*. А где есть неожиданность, есть и определённая интрига, повышающая притягательность диалоговых форм [Колокольцева 2001: 23].

Перечисленные выше свойства диалога указывают на его привлекательность как формы речевого взаимодействия, что объясняет причину возрастающей роли диалогического общения в современных условиях и закономерного расширения границ диалогической коммуникации.

Развитие человека в его коммуникативно-речевой компетенции, формирование речевой культуры, «умения общаться в разных коммуникативных ситуациях рассматривается в наши дни как одна из главных методических задач» [Фадеева 2005: 363]. Ведущая роль в её

решении отведена, в том числе уроку иностранного языка. Уникальность этого учебного предмета состоит в том, что язык здесь одновременно является и предметом изучения, и инструментом обучения. Учёт данной особенности в процессе преподавания создаёт надёжную базу для успешного овладения иностранным языком. Обучение языку во взаимосвязи этих двух аспектов способствует формированию у учащихся коммуникативных компетенций [Меркиш 2016: 83].

Диалог как предмет обучения представлен в ныне действующих программах и учебниках по иностранному языку, учебных и учебно-методических пособиях, периодической литературе методической направленности. Практическая направленность в изучении предмета предполагает, что учащиеся должны овладеть целым рядом умений диалогического характера, связанных с использованием законов построения диалога в реальной речевой практике: восприятие, продуцирование и структурирование речи, умение реплицировать (обмен репликами в диалоге), умение проводить свою стратегическую линию в общении, прогнозировать поведение собеседников. При развитии коммуникативных навыков учащихся вне языковой среды могут возникнуть следующие трудности: необходимость распределения внимания между слушанием реплики собеседника и подготовкой собственной реплики; ограниченность времени (при долгом обдумывании ответа диалог нарушается); преодоление языковых трудностей при слушании высказывания собеседника и при построении собственного ответа; необходимость догадываться о том, что может сказать собеседник; упреждение собственной реплики (выбор слов, грамматических структур).

Диалог выступает сегодня как важнейший инструмент обучения, как способ формирования речевой культуры с опорой на методику коммуникативного обучения иностранному языку. Практическое использование активных диалоговых форм (моделирование различных вариантов речевого поведения, коммуникативных ролей, игровых ситуаций, организация групповой работы) – эффективный инструмент обучения [Минаева 2016: 229].

Один из методов включения учащихся в диалогическое общение – это ролевая игра. Роли, в которых выступает учащийся, помогают ему освободиться от привычных представлений о самом себе, активизировать свои творческие возможности, т.е. способствуют раскрытию и проявлению его личности. Важно также и то, что ролевая деятельность повышает эмоциональный тонус учебного процесса. В результате, как правило, учащийся стремится проявить свои лучшие стороны. Учащийся, в зависимости от типа своей личности, от степени владения изучаемым языком, от конкретной роли в данной ситуации, может «самовыражаться» или «прятаться за свою социальную роль».

Игровая деятельность – это всегда мотивированное общение, поэтому любой акт общения на уроке заведомо оправдан. Управление игровой деятельностью – это также управление диалогическим общением. Преподаватель вовлекает каждого в общую деятельность, продуманно распределяет роли в каждой новой игре, делает временным лидером каждого, одним словом, управляет общением, учит диалогу. Чтобы управлять диалогом, преподаватель должен владеть средствами установления и поддержки контакта, т.е. его внешней техникой и произвольно управлять ею. С другой стороны, он должен обучать учащихся приемам диалога, определенным коммуникативным стереотипам.

Коммуникативная направленность преподавания иностранного языка вне языковой среды ставит задачу формирования у учащихся навыков и умений свободного владения как письменной, так и устной речью. Одной из основных форм речевого общения является диалогическая речь. В диалоге проявляются такие общественные функции языка как общение, сообщение, воздействие. Обучение эффективному, результативному общению, умению вести диалог и управлять им в пределах своей компетенции – ведущая стратегия в методике преподавания иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. – 421с.
2. Вострикова Т.И. Профессионально-педагогический диалог в системе подготовки учителя русского (родного) языка: принципы обучения / Т.И. Вострикова // Гуманитарные исследования. – 2015. - № 4. – С. 203-207.
3. Диалог. Теоретические проблемы и методы исследования: Сборник научно-аналитических обзоров / Отв. ред. Н.А. Безменова. – М.: Наука, 1991. – 160с.
4. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Саратов, 2001. – 363с.
5. Меркиш Н.Е. Культурный компонент лексики в преподавании иностранного языка / Н.Е. Меркиш // Педагогика. 2016. №4. С. 81-88.
6. Минаева Ю.В. Коммуникативно-прагматическая специфика предложений с вставными компонентами в современном немецком языке / Ю.В. Минаева // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение: материалы I международной научно-практической конференции. – Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2016. – С. 227-231.
7. Фадеева Л.В. Методические принципы изучения устной речи / Л.В. Фадеева // Слово немецкое и русское: аспекты изучения: Материалы международной конференции, посвящённой юбилею профессора В.Д. Девкина. 27-28 октября 2005 г. – М.: «Прометей» МПГУ, 2005. – С. 362-366.
8. Фадеева Л.В. Типология диалогических дискурсов и их экспериментальное исследование в современной лингвистике / Л.В. Фадеева // Культура как текст: Сб. научных статей. – М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2008. – Выпуск VIII. - С. 160-170.
9. Фадеева Л.В. Функции парцелированных конструкций в немецких художественных текстах / Л.В. Фадеева // Вестник МГИМО-Университета. - 2011. - № 1(16). - С. 249-254.

Текст как объект лингвистического анализа

СПОСОБЫ РАСКРЫТИЯ СЕМАНТИЧЕСКИ СКРЫТЫХ МОМЕНТОВ В ТЕКСТЕ

Гасанова Назагат Аслан

Азербайджанский университет языков

Докторант кафедры стилистики

Азербайджанская Республика

Проблема понимания текста теснейшим образом связана с проблемой интерпретации и объяснения. Ф.Вейсалли среди факторов, служащих формированию внутренних связей текста, особо отмечает роль лексических, грамматических, фонетических средств, также интонации. К этим факторам он относит также паралингвистические средства (движения глаз, бровей и других органов тела) - в устной форме общения, и знаки препинания – в письменной. [Вейсалли 2007: 234].

Ф.Вейсалли отмечает, что тексты, единичные предложения, фрагменты предложений, высказывания, выражения, слова не во всех случаях имеют прозрачную структуру, однако, во всех случаях имеют связь с контекстом. Эта связь может быть выражена формально-грамматическими средствами, средствами просодии и интонации. Он пишет: «Таким образом, кохезия и когеренция каждого высказывания устанавливается из его связи с контекстом» [Вейсалли 2009: 133].

Например, в предложении *Адил нашел сад после долгих поисков* на азербайджанском языке существует многозначность на лексическом уровне, лексем *сад* может употребляться как в смысле деревьев либо недвижимости, являющейся местом для отдыха, так и в значении веревки.

Действительно, в этом предложении только по контексту можно точно определить тип пропозиционального содержания. По словам Ф.Вейсалли, «на все эти вопросы может ответить только контекст. Смысл высказывания должен заключать в себе также то, что находится на заднем плане, пресуппозицию» [Вейсалли 2007: 235] либо «семантическое толкование любого предложения, локутивная и иллюкутивная цели, выбранные в соответствии с намерениями говорящего, независимо от субъективной воли говорящего и слушающего, объективно раскрываются и толкуются с помощью контекста» [Вейсалли 2007: 236].

Автор пишет, что многозначность наблюдается не только на уровне лексемов, но и на уровне предложений. Например, *Али и Рена поженились*. В зависимости от текста, это предложение может быть понято в двух смыслах: *И Ахмед был женат, и Севда была замужем* [Вейсалли 2007: 236]. Это предложение может выражать также то, что они являются мужем и женой. Уточнить смысл предложения можно только по контексту.

В раскрытии неполноты текста наряду с контекстом важную роль играет и момент. Например, в азербайджанском языке слово *хорошо* является словом, которое в общем смысле характеризует положительное качество. Однако, в предложении *Директор поступил хорошо, что уволил Ахмеда* это слово было употреблено исключительно в отрицательном смысле. Как пишет Ф.Вейсалли, «Иногда контекст, ситуация и момент бывают тесно связаны друг с другом. Когда контекст не приходит на помощь, момент уточняет смысл» [Вейсалли 2007: 237].

Следует отметить, что, хотя пресуппозиция и является универсальной для любого языка, однако, не является одинаковой для всех языков, потому что каждый народ имеет уникальный социальный опыт. В таком случае, для полного раскрытия смысла текста на том или ином языке, необходимы дополнительные фоновые знания о социально-культурной жизни носителей соответствующего языка. Пресуппозиция является таким компонентом высказывания, которое в случае неправильности делает высказывание неуместным либо ошибочным. Например, *Супруга министра умеет готовить изысканные блюда* (высказывание не является ни ошибочным и ни верным).

Супруга министра не умеет готовить изысканные блюда (такое же, как и предыдущее высказывание).

- пресуппозиция сохраняется и в отрицательной форме;

- пресуппозиция сохраняется и в придаточном предложении.

Например, *Я искренне рад, что дети благополучно вернулись*. Пресуппозиция – это фон, где проявляется наше высказывание. Если мы ничего не знаем о фоне, однако, нам известно высказывание, то мы можем получить некоторую информацию и о фоне, к примеру, об условиях, где сформировалось высказывание.

Например, *Откройте окно. (окно закрыто)*

Садитесь! (Пребывание людей на ногах)

Следует отметить, что высказывание имеет смысл, проявляющийся в условиях конкретной коммуникации. Высказывание с имплицитным содержанием бывает в некоторой степени неполным и очень трудно воспринимается, потому что имплицитный компонент должен определяться реципиентом, а в некоторых случаях его бывает крайне сложно определить. К примеру, как в следующих предложениях на английском языке.

- *When will you sing here?*

- *I'll be at the Scala in the fall.*

- *I'll bet they throw the benches at you, Ettore said. [Hemingway 1929: 142]*

Следует особо отметить три основных компонента, характеризующих высказывание: пресуппозиция, ассерция, импликация. Выраженным элементом высказывания является ассерция, то есть часть

плана смысла, выраженного в эксплицитной форме посредством лексических и грамматических средств языка.

При анализе высказывания используется понятие прагматической пресуппозиции. Прагматическая суппозиция, определяющая уместность / неуместность, успешность / безуспешность высказывания понимается в качестве фонда общих знаний, когнитивно приобретенных коммуникантами. В связи с этим ее та или иная часть не произносится, а только предполагается, то есть мысль выражается в имплицитной форме, к примеру, как в следующем диалоге на английском языке:

- *Have you any need for a sword?' she asked.*
- *I'm going to the front,' I said.*
- *Oh yes, then you won't need a sword,' she said. [Hemingway 1929:*

146]

Герой романа «Прощай, оружие!» Э.Хемингуэя во время беседы с продавцом оружейного магазина употребляет выражение, не имеющее отношение к его желанию купить либо не купить оружие. Герой предполагает, что адресат имеет в своем «запасе знаний» представления о войне и фронте, поэтому он не объясняет ему бесполезность подобной покупки (на фронтах сегодняшних войн нет необходимости в саблях).

Например, в высказывании *Alise, women who smile such shining smile are*

the most romantic ones в качестве пресуппозитивного компонента выступает характерный для объекта смех. Ассертивный компонент высказывания указывает на восхищение субъекта соответствующими качествами, также на желание создать положительную эмоцию у имплицитного адресата высказывания.

Содержание любого высказывания реализованного в акте речи формируется не только эксплицитной (озвученной лексико-грамматическими средствами языка) частью, но и имплицитной (очевидно выраженной) частью, наравне участвующей в раскрытии содержания высказывания. Во время приема и осознания содержания высказывания адресат выходит за пределы границ информации, выраженной в эксплицитной форме посредством ассерции, пресуппозиции и импликации.

Импликация – это процесс обдумывания того, что не было открыто выражено в высказывании. В целом пресуппозиция и импликация являются имплицитными компонентами высказывания и без них невозможно понять высказывание. Во время раскрытия содержания высказывания посредством ассерции, пресуппозиции и импликации адресат выходит за пределы границ информации, выраженной в эксплицитной форме.

Этот вопрос бывает наиболее ярко выраженным при социокультурном толковании в процессе перевода. Например,

When I left the skating rink I felt sort of hungry, so I went in this drugstore and had a Swiss cheese sandwich and a malted, and then I went in a phone booth.

[Salinger 1951: 99]

Подобное обстоятельство встречается при переводе следующего текста - *После выхода с котка я почувствовал голод, поэтому пошел в аптеку, где поел бутерброд и выпил молока, затем я вошел в телефонную будку.*

При приеме информации, изложенной в предложении, происходит недоразумение в процессе коммуникации. Так как лексем /drugstore/ в английском языке не одинаковый с лексемом /aptek/ в азербайджанском языке (в том числе в русском языке)¹. Так, в американском варианте английского языка /drugstore/ соответствует понятию /аптека-магазин/ в Америке, в которых продаются не только лекарства, но и другие товары – духи, канцелярские принадлежности, мороженое, кофе, косметика. Однако, уже и в Азербайджане в аптеках стали продавать некоторые из перечисленных товаров. Сегодня в таких аптеках наряду с медицинскими принадлежностями и лекарствами можно купить духи, косметику, зубную пасту и прочие товары.

Является ли пресуппозиция (мыслительные операции под текстом), необходимая для того текста на английском языке, универсальной и одинакова ли она с операциям до текста на азербайджанском языке? На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Эту общность можно обосновать общим ходом мысленных процессов у носителей английского и азербайджанского языков, относящихся к разным языковым системам. Однако, неопределенность в процессе перевода и понимания текста на английском языке можно связать с различием соответствующих народов, как с точки зрения социальной культуры, так и семантического содержания единицы языка – лексема /drugstore/ (аптека).

В сложноподчиненных предложениях имплицитного содержания на английском языке в качестве формальных показателей, маркеров имплицитной пропозиции на базе презумпции выступают союзы сложносочиненности. В таком случае, в качестве формального показателя, маркера выступает союз /and/, а маркера логического результата - союз /but/. Например, в следующем предложении на английском языке *We got to the Edmont Hotel, and I checked in. J.D.Salinger. [Salinger 1951:101]*

Мы добрались до отеля «Эдмонт» и я взял номер.

В сложносочиненном предложении с имплицитным смыслом в имплицитной форме /everybody comes to a hotel to check in/ было выражено больше рассуждения, чем в эксплицитной форме /we

---

¹ Примечание – хотя слово /aptek/ перешло в азербайджанский язык из русского, на сегодняшний день оно широко используется в нашем языке.

got to the Edmont Hotel/, союз /and/ свидетельствует о наличии рассуждения в имплицитной форме.

Например, в следующем предложении на английском языке *He was two years younger than I was, but he was about fifty times as intelligent.* [Salinger 1951: 103]

В высказывании (Он был младше меня на два года, однако, был умнее меня в пятьдесят раз) следующие ожидания: /he should be less intelligent/. В сложносочиненном предложении, где в имплицитной форме было выражено больше рассуждения - /to be older means to be more intelligent/, а в эксплицитной форме – сравнительно меньше - /he was two years younger than I was/. Отсюда также образуется естественный результат - /he should be less intelligent/.

В английском языке в качестве пропозиции, допущенной на основании пресуппозиции сложного синтаксического целого с имплицитным кольцом, выступают союзы сложносочиненности, союз сложносочиненности /and/ выступает в качестве показателя момента, не выраженного словом:

We only roomed together about two months. Then we both asked to be moved. And the funny thing was, I sort of missed him after we moved, because he had a helluva good sense of humor and we had a lot of fun sometimes.

[Salinger 1951: 109]

(Мы прожили вместе всего два месяца. Затем оба стали просить, чтобы нас разместили по отдельности. Самым смешным было то, что после расставания с ним я почувствовал себя очень одиноким, потому что он обладал истинным чувством юмора и иногда мы очень весело проводили с ним время.). В этом сложном синтаксическом целом, посредством союза /and/ были выражены следующие пропозиции в имплицитной форме - /we were moved/, /some time passed/, /we lived separately/, союз сложносочиненности /but/ выступает в качестве показателя имплицитных пропозиций /He'd already seen it [Hamlet], and the way he talked about it at lunch, I was anxious as hell to see it, too. But I didn't enjoy it much.

[Salinger 1951: 110]

(Он уже посмотрел на «Гамлет»а и так рассказал о нем во время обеда, что мне тоже очень захотелось посмотреть на него. Однако, в целом он мне не понравился). В имплицитной форме были выражены следующие пропозиции - /I went to the cinema/, /I bought a ticket/, /I saw it/, /I estimated it/.

В некоторых случаях имплицитные высказывания могут выступать с функцией регулирования. Например, как в следующем предложении на английском языке.

You're not speaking for yourself, Hugh,' he wamed. 'You're a married man. Elizabeth's feelings have to be considered.

S.Ellin. The key to Nicholas Street, p. 56

Birling: And what I was going to say was that I protest against the way in which my daughter, a young unmarried giri is being dragged into this.

Inspector: Your daughter isn't living on the moon. She's here in Brumley too. [Priestley 1945:44]

Выражение мысли в имплицитной форме может быть нацелено на усиление доказательства через намек. Например,

Anybody in my old job who got in my way came down with mysterious illnesses .

[Priestley 1945:49]

Цель имплицитного выражения может быть отражена в отрицательном отношении к очевидному факту или действиям другого лица, как это показано в следующих примерах:

A: Keith gave me know that he would probably get married before long.

B: What exactly did he say?

A: He said: " Г11 probably have to leam cooking soon"

Do you run your own hospital for people who eat here?

The giri with gardenias tumed in her chair and scanned her companion's profile with disapproval. 'See here, Marilee', she drawled, 'are you going to be a damn fool all your life?'

[Brush 1938:98]

Таким образом, в раскрытии слоя содержания высказывания наряду с эксплицитной стороной главную роль играет также имплицитная сторона. Во время приема и осознания его содержания слушающий выходит за пределы границ информации, выраженной в эксплицитной форме посредством ассерции, пресуппозиции и импликации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейсалли Ф. Я. Язык. Баку, 2007.
2. Вейсалли Ф. Я. Основы структурной лингвистики. Studia philologica. III Баку, 2009.
3. Вейсалли Ф. Я. Введение в анализ дискурса. Баку, 2011
4. Brush K. Listen, Darling. United States, 1938.
5. Hemingway E. A Farewell to Arms. New York : Scribner, 1929, 374 p.
6. Priestley J.B. An Inspector Calls. Moscow, 1945.
7. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. Little, Brown and Company, 1951, 277 p.

СТРУКТУРА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ОФИЦИАЛЬНО- ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

Говердовская Юлия Алексеевна

студентка 4 курса факультета иностранных языков Астраханского
государственного университета, Астрахань, Россия

Маняшина Лариса Васильевна

доцент кафедры немецкой филологии Астраханского государственного
университета, Астрахань, Россия

Ораторский стиль занимает особое место в официально-деловом стиле. Он выполняет агитационно-пропагандистскую функцию в форме публичной речи. Устная форма существует в виде следующих речевых жанров: «доклад на социально-политические и политико-экономические темы», «отчетный доклад», на собрании или конференции, дипломатическая речь», политическое обозрение», военно-патриотическая речь», «митинговая речь», «агитационная речь», юбилейная речь», «траурная речь». [Брандес 1990: 164-166] Интересно было бы рассмотреть с точки зрения структуры и лингвистических особенностей политическую речь.

Политическая речь представляет собой публичное выступление по вопросам политики, международной обстановки. Она произносится руководящим деятелем на каком-либо собрании, конференции, совещании, съезде, как правило, поэтому она чаще всего является программной. В зависимости от своей цели, политическая речь может быть оперативно-призывной, программно-теоретической и программно-практической. [Брандес 1990: 165] Ораторское искусство характеризуется с точки зрения языка двойственной природой: во-первых, будучи разновидностью литературной речи, оно сохраняет особенности нормы письменной речи, во-вторых, поскольку она функционирует преимущественно в устной форме, то язык публичных речей наделен многими особенностями устной речи. Для языка ораторского подстиля характерно сочетание его письменной и устной форм.

В нашей статье мы хотели бы рассмотреть структуру и лингвистические особенности политической речи на примере речи депутата Бундестага от левой партии, Грегора Гизи, (Германия, Берлин), которая была произнесена им на заседании в Рейхстаге 13 марта 2014 года. Свою речь он назвал: «Ukraine - Es gibt nur den Weg der Diplomatie» [3] в которой политик критикует Европейский Союз, страны НАТО, США, и некоторых политиков за их необдуманные и неправильные, по его мнению, шаги по отношению к России, Украине и статусу Крыма. Выступление Грегора Гизи на заседании Бундестага можно было бы

считать примером построения правильной политической речи, так как в ней содержатся наиболее полно все компоненты ораторского стиля.

Текст выступления изобилует примерами синтаксического параллелизма: Dann erlebten wir eine starke Zuspitzung auf dem Maidan. Dann haben Außenminister Steinmeier, der französische und der polnische Außenminister mit Janukowitsch und der Opposition einen Vertrag geschlossen. Dann tagte das Parlament und wählte ihn mit 72,88 Prozent ab. Dann kam drittens der Beschluss, Raketen in Polen und Tschechien zu stationieren. Dann wurde eine neue Regierung gebildet, sofort anerkannt von Präsident Obama, auch von der EU, auch von der Bundesregierung. посмотреть функции параллелизма. [3]. Как видно из примеров, начало предложений полностью совпадает по структуре, а так же в лексическом отношении.

В своей речи депутат Бундестага хотел привлечь внимание общественности к названной проблеме и поэтому прибегает к такому приему как перечисление: Es ist aber dasselbe Denken, das im Westen vorherrschte und vorherrscht: bei Jugoslawien, Afghanistan, dem Irak und Libyen. И синтаксический параллелизм: Die Ostukraine tendiert in Richtung Russland. Die Westukraine tendiert in Richtung Westeuropa.[3] Многократное употребление в речи местоимений «Вы» и «Мы», придает речи общественный характер и указывает на то, кто может в определенных условиях способствовать решению этой проблемы, а так же то, на ком лежит ответственность:

«Sie, Herr Außenminister, haben auf dem Platz auch nicht für diese Vereinbarung geworben. Frau Bundeskanzlerin, sagen, ein solcher Volksentscheid sei nach der ukrainischen Verfassung verboten. Sie müssen schon wissen: Akzeptieren Sie die ukrainische Verfassung ganz oder nur in bestimmten Teilen, wenn es Ihnen genehm ist? Jetzt wollen Sie auch das haben Sie angekündigt Sanktionen verhängen, wenn es nicht anders ginge, wie Sie sagen. Sehr spät berufen Sie sich jetzt wieder auf die im Kalten Krieg entstandenen völkerrechtlichen Grundsätze. Wir, aber vor allem die Ukrainerinnen und Ukrainer haben ein Recht, zu erfahren, was dort gelaufen ist und wer dort welche Verantwortung trägt. Ich freue mich, dass Sie, Frau Bundeskanzlerin, das unterstützen».[3] Как видно из данных примеров, здесь употребляется конкретная должность. Используя местоимения «Мы», Гизи, в какой-то степени, призывает и весь Европейский Союз почувствовать ответственность за события, происходящие в Крыму и на Украине.

Для того чтобы акцентировать отдельные моменты своего выступления, автор использует инверсию: «Was ich der EU und der NATO vorwerfe: Bis heute ist kein Verhältnis zu Russland gesucht und gefunden worden. Als Haider's FPÖ in die österreichische Regierung ging, gab es sogar Kontaktsperren und Ähnliches».[3]

Многообразие риторических вопросов и вопросно-ответных форм не оставляют слушателей речи пассивными участниками, данные приемы устанавливают контакт между оратором и аудиторией, нацеливают на диалог: «Wann gilt sie denn nun und wann nicht? Sie die ukrainische Verfassung ganz oder nur in bestimmten Teilen, wenn es Ihnen genehm ist? Und bei den Faschisten in der Ukraine machen wir nichts? Es gibt jetzt Übergriffe auf Jüdinnen und Juden und auf Linke, und gegen all das sagen Sie nichts? Das gilt auch für die eskalierenden Militärflüge über Polen und die baltischen Republiken. Was soll das? Das wussten Sie vorher nicht? - Zweite Frage: Warum eigentlich nur deren Konten? Was ist mit dem Milliardenvermögen der Oligarchen, die andere Kräfte unterstützen? Warum machen Sie da nichts? Wie einseitig läuft das eigentlich alles?». [3]

Для подкрепления своих слов фактами, оратор прибегает к использованию цитат, что помогает еще больше установить контакт с аудиторией и нанести удар по идейному политику: «Das hat die NATO ausgeschlagen. Sie hat gesagt: Den Warschauer Vertrag aufzulösen, ist okay, aber die NATO bleibt. Und aus dem Verteidigungsbündnis NATO wurde ein Interventionsbündnis gemacht. Dann kam drittens der Beschluss, Raketen in Polen und Tschechien zu stationieren. Barroso, der Kommissionschef der EU, hat gesagt: Entweder Zollunion mit Russland oder Verträge mit uns! Er hat nicht gesagt: „Beides“, sondern: „Entweder - oder!“. Putin hat gesagt: Entweder Verträge mit der EU oder mit uns»! [3]

Das kann man ja alles machen. Nur, Putin beruft sich darauf und sagt: «Es gab nicht die verfassungsmäßige Mehrheit für die Abwahl».

Текст выступления оратора является экспрессивным. Здесь можно найти и различные средства выразительности. Например, прием гиперболы так же увеличивает внимание к проблеме: «Die ukrainische Gesellschaft ist tief gespaltet». Богатство языка определяется прежде всего активным и пассивным словарным и фразеологическим запасом, а также стилистической гибкостью при пользовании этим запасом, чтобы указать на большой размах ошибок своих идейных конкурентов, автор использует крылатое выражение (Geflügelte Worte) «Ich habe damals die Völkerrechtsverletzung schwer kritisiert und Ihnen gesagt: Sie öffnen beim Kosovo eine Büchse der Pandora».[2]

Автор речи подходит к описанию своего мнения с философской точки зрения, в подтверждение этому хотелось бы привести следующую метафору: «Es fühlt sich immer eingekreister.»[3] Если переводить данную фразу на русский язык: «Она чувствует, что вокруг неё сжимается кольцо окружения». Г. Гизи проводит здесь аналогию с стратегической военной операцией вооружённых сил СССР против немецких войск в ходе Великой Отечественной войны, заключительной частью Сталинградской битвы. Т.е. политик сравнивает нынешние отношения между ЕС и Россией с военным конфликтом, акцентирует внимание на том, что Россию пытаются

поставить в безвыходное положение, из которого, по его мнению, страна сможет выйти, при этом поставив Европу в сложное положение.

Несмотря на то, что речь Грегора Гизи представляет собой публичное выступление и относится с официально – деловому стилю, политик не использует сложный синтаксис, предпочитая простые синтаксические конструкции (нераспространенные предложения): «Ich beginne bei Gorbatschow im Jahre 1990. Das kann schon sein. Herr Präsident! Meine Damen und Herren»! [3]

Большое значение имеет эмоциональный компонент данной речи. Грегор Гизи достаточно динамично расставляет акценты в своей речи. Он использует конструктивный принцип чередования стандарта и экспрессии. Несколько переходов от спокойного повествования к эмоциональным восклицаниям усиливают выразительность речи. Интонация играет большую роль, в какой бы форме она не звучала, обладает существенной психологической силой и представляет собой важное средство усиления впечатляемости публичного слова.

Речь Грегора Гизи является очень выразительной, построенной по канонам ораторского искусства. Наряду с грамматическим параллелизмом, Г. Гизи использует обратный порядок слов, большую роль играет интонационное построение речи, а так же интонационные особенности. Ораторская речь Грегора Гизи наполнена так же средствами выразительности, для характеристики событий. В ней сочетаются все и значимые компоненты, необходимые для построения грамотной речи, а именно краткость, ясность, точность и правильность. Речь политика изобилует примерами синтаксического параллелизма, в ней часто встречаются инверсии, автор прибегает к использованию метафоры и фразеологизма. Все эти компоненты придают речи выразительность и эмоциональность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка (для институтов и факультетов иностранных языков) [Текст] :Учеб. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1990. – 320 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

2. <https://www.youtube.com/watch?v=ezEjykJjVjV>
3. <https://www.die-linke.de/start/>

СТРУКТУРА И ЛЕКСИКА ТЕКСТОВ ЖАНРА «СКАЗКА» (на материале сказок братьев Гримм)

Пиданова Татьяна Александровна
студентка 4 курса факультета иностранных языков Астраханского
государственного университета, Астрахань, Россия

Маняшина Лариса Васильевна
доцент кафедры немецкой филологии Астраханского государственного
университета, Астрахань, Россия

Сказка, несмотря на всю свою внешнюю примитивность и несерьёзность, является глубочайшим и ценнейшим жанром, широко изучаемым с исторической, культурной и лингвистической точек зрения. Сказка отражает историю своего народа, этнографию, религию, историю форм мышления, языкознания, исторической поэтики, и таким образом, несёт в себе колоссальную информационную составляющую, передаваемую из поколения в поколение [Аникин, 2012: 120].

Сказка невероятно многогранна и наукой сделано чрезвычайно много для её изучения. Актуальность темы обусловлена неугасающим интересом к исследованию сказки как жанра, неисчерпаемостью различных тем, её вариативностью и увлекательностью. И в настоящее время она является неисчерпаемым источником научного вдохновения, и её изучение не знает границ.

Она настолько богата и разнообразна, что, рассматривая её с различных точек зрения, можно постоянно находить новые и интересные темы для исследования.

Мы хотели бы рассмотреть лексические и структурные особенности сказок, на примере текстов братьев Гримм. (коротко о них). Обратим внимание на структуру текста, так называемые «функции» и модель сказки, выделенную В.Я. Проппом.

Для исследования мы выбрали наиболее известные и популярные сказки «Красная шапочка» (Rotkäppchen), «Три пряжи» (Die drei Spinnerinnen), «Госпожа Метелица» (Frau Holle) и «Три сестры» (Drei Schwester). В результате исследования нам бы хотелось ответить на вопрос, почему тексты братьев Гримм являются понятными и популярными до настоящего времени.

Особенность структурного построения сказок братьев Гримм была рассмотрена на сказках «Красная шапочка» (Rotkäppchen) и «Три пряжи» (Die drei Spinnerinnen). Для начала надо вспомнить основные структурные элементы любой сказки.

За основу берется модель сказки Владимира Яковлевича Проппа, который расписал модель любой сказки по пунктам [Пропп 2005: 103-105].

Он выделил три тезиса, которые описывают любую сказку:

1. Постоянными, устойчивыми элементами сказок служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказок.

2. Число функций, известных сказке, ограничено.

3. Последовательность функций всегда одинакова.

Из следующих примеров видно, какие функции могут выполнять главные герои сказок:

1. Отлучка – 1. Красная шапочка идет к бабушке с гостинцами, 2. Королева забирает дочку к себе.

2. Запрет – 1. Не сворачивай никуда с тропинки! 2. (условие) Сплети мне всю эту пряжу.

3. Нарушение – 1. Свернула с тропинки, встретила Волка, 2. Не плетет пряжу, плачет.

4. Выведывание – 1. Волк стал узнавать, где живет бабушка, 2. Три тетушки узнавали, что случилось у девушки.

5. Выдача – 1. Бабушка живет меж трех дубов, 2. Девушка говорит, что не умеет плести пряжу.

6. Подвох – 1. Иди, красная шапочка, собери цветочков для Бабушки! 2. Назови нас на своей свадьбе своими тетушками.

8. Вредительство (или недостача) – 1. Волк пошел к бабушке и съел её, 2. Нет вредительства.

9. Основная часть – 1. Красная шапочка приходит к бабушке, открыта дверь, там лежит волк, диалог с волком, её съедают. 2. Пряжа готова, свадьба, три тетушки пришли на свадьбу.

10. Спасение (развязка) – 1. Волк громко храпел, охотники услышали и убили волка, спасли Красную шапочку и Бабушку. 2. Пришли «три тетушки», показали принцу, он решил, что его жена никогда не будет больше пряхать пряжу.

Язык сказок очень выразителем, и отличается образностью. Среди средств выразительности можно назвать следующие [Брандес 1983: 205-206].

Для сказок является типичным употребление **персонификации** (или олицетворение). **Олицетворение или персонификация** – это наделение неодушевленных предметов признаками человека (или полное уподобление неодушевленного предмета человеку):

Auf dieser Wiese ging es fort und kam zu einem Backofen, der war voller Brot; das Brot aber rief: «Ach, zieh mich raus, zieh mich raus, sonst verbrenn ich.» Она пошла по лугу дальше и пришла к печи, и было в ней полным-полно хлеба и хлеб кричал: - Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю.

Сравнения - это сопоставление одного предмета с другим с целью художественного описания первого:

Die Äpfel fielen, als regnete es. Яблоки посыпались, словно дождь.

Антонимы - это слова, имеющие противоположное значение, но относящиеся к одной части речи. Антонимы постоянно используются в антитезе:

Eine Witwe hatte zwei Töchter, davon war die eine schön und fleissig, die andere hässlich und faul. Было у одной вдовы две дочери; одна была красивая и работающая, а другая – уродливая и ленивая.

Эпитеты: *Das arme Mädchen.* Бедная девушка. *Schöne* (прекрасный); *weissen* (белоснежный); *rosenfarbener* (цвет розы, розовый); *angenehmer* (приятный).

Гипербола: *Vieltausendmal besser, als zu Haus.* В тысячу раз лучше, чем дома.

Синонимы: *Den Jammer nach Haus kriegen. = Nach Hause verlangen.* Тосковать по дому.

Архаизм: *Ward ihm Angst* (Wurde – современная форма). Ей стало страшно.

Gemahl (супруг), *gesegnete seine* (прощаться), *Nachen* (челнок) – немецкая сказка.

Ономатопея – это слова, которые похожи на звуки. Ономатопея очень распространена в поэзии и в сказках.

«*Kikeriki! Unsere goldene Jungfrau ist wieder hie.*»

Ку-ка-ре-ку! Наша девица золотая тут как тут.

В тексте исследуемых сказок были замечены **троекратные повторы**, являющиеся одной из самых главных особенностей, которые отличают сказки от текстов других жанров.

Am ersten Tag \ am zweiten Tag \ am dritten. В первый день \ во второй день \ в третий.

drei Prinzessinnen, weinte drei Tag mit der Knigen, so traurig war er; die drei Sacke, nach drei Tagen aber sah er vor einer Hohle; er irrte drei Tage.

Однако в немецкой сказке “Drei Schwester” ведущим числом является число семь:

sieben Tage, sieben Wochen, sieben Mond, sieben Tage war der Bär in seiner natürlichen Gestalt, nach sieben Stunden hob er sich auch wieder in der Höhe, sieben Wochen.

Фразеологизмы: *jemandem den Dienst aufsagen* – отказать кому-либо в работе:

Das ward die Frau Holle bald müde und sagte ihr den Dienst auf.- Это, наконец, надоело госпоже Метелице, и она отказала ей в работе.

В немецкой сказке используется такое средство художественной выразительности, как **градация** (постепенность перехода, определенный последовательный ряд величин, расположенных по возрастанию или убыванию):

einen Zentner Gold gab der Bär, zwei Zentner Gold gab Adler, drei Säcke Zahlperlen gab der Walfisch; in sieben Tage kommt der Bär, in sieben Wochen kommt Adler, im siebenten Mond komm Walfisch.

Лексический повтор:

«Ade! Du Fräulein traut, fahr hin, du Brenbraut»;

«Ade! Du Fräulein traut, fahr hin, du schöne Walfischbraut».

В заключении хотелось бы сказать, было выявлено, что все сказки имеют определенную структуру или даже модель. Владимир Яковлевич Пропп выявил функции, которые соблюдаются в текстах немецких сказок. Необходимо отметить, что имеются отклонения от нормы, например, такая функция как «вредительство» присутствует не во всех сказках. Часто она заменяется отсутствием чего-либо у главного героя. Функция «запрет» иногда может заменяться функцией «условие». Это зависит от морали, которую автор хочет донести до читателя.

В результате анализа текстов сказок братьев Гримм выяснилось, что в исследуемых текстах наблюдается большое количество стилистических средств, благодаря которым, тексты сказок становятся более яркими и живыми, а описание героев более выразительным. Троекратные (или семикратные) повторы являются особенностью любой сказки. Самая большая группа стилистических средств, замеченных в рассмотренных сказках – эпитеты. Это эпитеты, с помощью которых мы можем не только наиболее четко представить себе того или иного героя сказки, но и узнать субъективную оценку данного героя.

Лексика текстов сказок проста для понимания, особенно в вариантах сказок в современной интерпретации. Видно, что ориентирование шло на читателя детского возраста. Эти сказки можно дать людям на начальном – среднем этапе изучения языка, поэтому прочтение данных текстов не вызывает особого труда.

Своеобразие сказок заключается в главной мысли, которую автор пытается донести до читателя. Именно от авторской задумки зависит, какую функцию будет выполнять тот или иной герой сказки. Тексты сказок братьев Гримм являются переработанными фольклорными сказками. После литературной обработки эти сказки были опубликованы и получили широкую известность в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Библиотека мировой литературы для детей [Текст]: дет. лит./ В.П. Аникин. – М.: Детская литература, 2012. – 687 с.
2. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка [Текст] : учеб. пос./ М.П. Брандес – М. : Высш. шк., 1983. – 416 с.
3. Пропп В.Я.: Вопрос о композиции и сюжете, о сюжетах и вариантах [Текст] / В.Я. Пропп // Морфология волшебной сказки [Текст] : сб. науч. тр. – М.: Лабиринт, 2005. – 108 с.
4. Grimm J., W. Maerchen der Brueder Grimm [Текст]. Doerfler Verlag GmbH, 1991. – 624 с.

PRINCIPAL NOTIONS IN TEXT LINGUISTICS: COHERENCE AND COHESION OF THE TEXT

Putayeva Elnara Eldar

Teacher of the chair of Linguaculturology

Azerbaijan University of Languages

Bakı, Azerbaijan

Every text includes a meaning and a message, either verbally or visually. To understand this message requires analyzing the text. There are different theories and methods for analyzing different kinds of texts. One of these methods is text linguistics. This is a new approach that evaluates a text based on its structural and semantic integrity and understands the basic elements of the text based on this evaluation. It reveals the connection and the relationship between the semantic groups within the text. Text linguistics tries to reveal the text's structure by evaluating the text in terms of what are probably the two most important criteria: cohesion and coherence.

Texts are structures comprising words, prefixes and suffixes and sentences. These elements come together and complete each other, forming meaningful phrases. Therefore, revealing the connection between these prefixes and suffixes, words and phrases is important in order to make a sound interpretation of the text. Revealing the connection is what we call cohesion. Cohesion in a text is to use other elements to explain or interpret an element within the text and to make explanations based on these elements.

Cohesion is also a very important aspect of academic writing, because it immediately affects the tone of your writing. Although some instructors may say that you will not lose points because of grammatical errors in your paper, you may lose points if the tone of your writing is too casual (a diary-type of writing or confusing sentences will make the tone of your writing too casual for academic writing). But cohesive writing does not mean just "grammatically correct" sentences; cohesive writing refers to the connection of your ideas both at the sentence level and at the paragraph level. [Abdullayev A.A. 2011: 176-178]

We use the term cohesion for relationships existing between the sentences and clauses within the text. These relations occurring on a grammatical layer point to certain grammatical and lexical qualities that reflect semiotic discourse structure. Tools of cohesion can be defined as the semantic relationships between an element and another element that plays an important role in the comprehension of the first element within the text. Two elements that are semantically connected can be within the same text or one can be from outside of the text. While reference, conjunction and lexical cohesion are common in written expressions, ellipsis and substitution are used in oral expressions

Another element that text linguistics focuses on and accepts as a criterion of a text is coherence. In a well-prepared text, besides the formal tools of cohesion, semantic coherence should be found. Coherence of the text comprises the comprehensive realization of what is discussed in the text, the text having succeeding statements which are supportive of those preceding, and the text not contradicting itself.

Coherence means the connection of ideas at the idea level, and cohesion means the connection of ideas at the sentence level. Basically, coherence refers to the “rhetorical” aspects of your writing, which include developing and supporting your argument (e.g. thesis statement development), synthesizing and integrating readings, organizing and clarifying ideas. The cohesion of writing focuses on the “grammatical” aspects of writing.

While coherence is defined in the early studies of text linguistics as the link that contains all kinds of grammatical and semantic relationships between the sentences that form a text, over time the grammatical relationships have been evaluated under the concept of cohesion and coherence has instead been regarded as the semantic and logical linkage within the text. According to Aksan, cohesion defines the grammatical links between the sentences that form the text while coherence indicates the semantic and logical links between those sentences. According to Witte and Faigley cohesion defines the mechanisms that bring the text together while coherence defines the semantic relationships that enable a text to be understood and utilized. [Witte S.P., Faigley L. 1981]

Although Halliday and Hasan do not propose a theory of text structure or examine how humans produce texts, they do attempt to define the concept of text. To them a text is a semantic unit, the parts of which are linked together by explicit cohesive ties. Cohesion, therefore, defines a text as text. A cohesive tie "is a semantic relation between an element in a text and some other element that is crucial to the interpretation of it." The two semantically connected elements can lie within the text or one element can lie outside the text. Halliday and Hasan call within-text cohesive ties endophoric and references to items outside the text exophoric. An example of an exophoric reference is the editorial "we" in a newspaper. Such references are exophoric because no antecedent is recoverable within the text. Exophoric references often help link a text to its situational context; but, as far as Halliday and Hasan are concerned, exophoric references do not contribute to the cohesion of a text. For Halliday and Hasan, cohesion depends upon lexical and grammatical relationships that allow sentence sequences to be understood as connected discourse rather than as autonomous sentences. Even though within-sentence cohesive ties do occur, the cohesive ties across "sentence boundaries" are those which allow sequences of sentences to be understood as a text. [Halliday M.A., Hasan R. 1976]

Here are some examples that illustrate the importance of connecting one's ideas more effectively in writing.

“The hotel is famous. It is one of the most well-known hotels in the country. The latest international dancing competition was held at the hotel. The hotel spent a lot of money to advertise the event. Because the hotel wanted to gain international reputation. But not many people attended the event.” (*The connection of ideas is not very good.*)

“The hotel, which is one of the most well-known hotels in this region, wanted to promote its image around the world by hosting the latest international dancing competition. Although the event was widely advertised, not many people participated in the competition.” (*The connection of ideas is better than in the first example.*)

There are various ways of linking one sentence to another:

- repetition of important words
- substitution of pronouns e.g. ‘this’, ‘it’, ‘these’
- substitution by synonyms (words with nearly the same meaning)
- using linking words or phrases which show the relationship between ideas, e.g. ‘however’ indicates a contrast, ‘in addition’ gives more information
- using grammatical words, especially articles, e.g. ‘the’ may refer back to a specific noun previously mentioned.

The linking words such as ‘however’, ‘moreover’, ‘nevertheless’, ‘consequently’, ‘as a result’ are used to express complex relationships between ideas.

Text linguistics and reading and writing training are closely related. Reading texts, comprehension and the production of texts are the basic activities in native and foreign language education. While other disciplines are primarily interested in the content of the texts, information provided by the texts, the delivery style of the text and the impact of the text, text linguistics are interested in the rules influencing the production of the text itself, production of the texts and their communicative functions [Senoz C.A. 2005]

How the elements of cohesion and coherence affect the writing quality and how the students’ ability to use the tools of cohesion can be improved based on the qualities of a good text are the important issues. Students must know where to start, what to do at each stage and what is expected of them when writing texts. Writing is the process of putting the information structured in the mind on paper. For this, it is necessary for students to understand what they hear and read well and structure it in their minds. Here, text linguistics arises as a new method to be used by students in designing both what they write and read in such a way that their texts present a structural integrity and that they can systematize it in their minds.

Cohesion and coherence interact to a great degree, but a cohesive text maybe only minimally coherent. Thus cohesion-based distinctions between texts rated high and low in quality can be misleading. Besides explicit links within

a text, a text must conform to a reader's expectations for particular types of texts and the reader's knowledge of the world. A simple example will illustrate this point:

- (1) *The quarterback threw the ball toward the tight end.*
- (2) *Balls are used in many sports.*
- (3) *Most balls are spheres, but a football is an ellipsoid.*
- (4) *The tight end leaped to catch the ball.*

Sentences (2) and (3), while cohesive, violate a coherence condition that the writer provide only information relevant to the topic. The major problem with this short text is that a reader cannot construct what Fillmore calls a real-world scene for it; that is, the text neither seems to have a clear purpose nor appears to meet the needs of any given audience. Because it has no clear purpose, it lacks coherence, in spite of the cohesive ties which bind it together. In addition to a cohesive unity, written texts must have a pragmatic unity, a unity of a text and the world of the reader. A description of the fit of a text to its context, as well as descriptions of what composition teachers call writing quality, must specify a variety of coherence conditions, many of them outside the text itself.

If cohesion is often implicitly incorporated in writing curricula, coherence is often ignored. A great portion of the advice in composition textbooks stops at sentence boundaries. Numerous exercises teach clause and sentence structure in isolation, ignoring the textual, and the situational, considerations for using that structure. Our analysis of cohesion suggests that cohesion is an important property of writing quality. To some extent the types and frequencies of cohesive ties seem to reflect the invention skills of student writers and to influence the stylistic and organizational properties of the texts they write. However, our analysis also suggests that while cohesive relationships may ultimately affect writing quality in some ways, there is no evidence to suggest that a large number (or a small number) of cohesive ties of a particular type will positively affect writing quality. [Witte S.P., Faigley L. 1981]

All discourse is context bound-to the demands of the subject matter, occasion, medium, and audience of the text. Cohesion defines those mechanisms that hold a text together, while coherence defines those underlying semantic relations that allow a text to be understood and used. Consequently, coherence conditions governed by the writer's purpose, the audience's knowledge and expectations, and the information to be conveyed-militate against prescriptive approaches to the teaching of writing.

REFERENCES

1. Abdullayev A.A. Actual interpretation, text and discourse. Bakı, Zardabi LTD, 2011, 272 pp.
2. Halliday M.A., Hasan R. Cohesion in English. New York: Longman Group UK Limited. 1976
3. Kuzu S.T. The impact of a semiotic analysis theory-based writing activity on students' writing skills. 2016
4. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы//Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Москва, Прогресс, 1978.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва, Наука, 1981.
6. Senoz S.A. Text linguistics and Turkish. Istanbul, 2005
7. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Москва, Просвещение, 1986.
8. Witte S.P., Faigley L. Coherence, cohesion and writing quality. 1981, 204 pp.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

*Материалы
V Международной заочной научной конференции
г. Астрахань, 27 апреля 2018 г.*

MODERN PROBLEMS OF PHILOLOGY AND METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

*Proceedings
of the 5th International Research Distance Conference
Astrakhan, 27 April 2018*

Редакция авторская

Издатель: Сорокин Роман Васильевич
414040, Астрахань, пл. К. Маркса, 33, 5-й этаж

Подписано в печать 28.06.2018 г. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 9,88
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Астраханской цифровой типографии
(ИП Сорокин Роман Васильевич)
414040, Астрахань, пл. К. Маркса, 33, 5-й этаж
Тел./факс (8512) 54-00-11, e-mail: RomanSorokin@list.ru